

ШАХТЕРСКАЯ ЭСТРАДА

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ В ПОМОЩЬ КРУЖКАМ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ

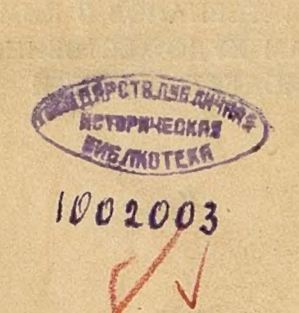
СТАЛИНСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1949

ШАХТЕРСКАЯ ЭСТРАДА

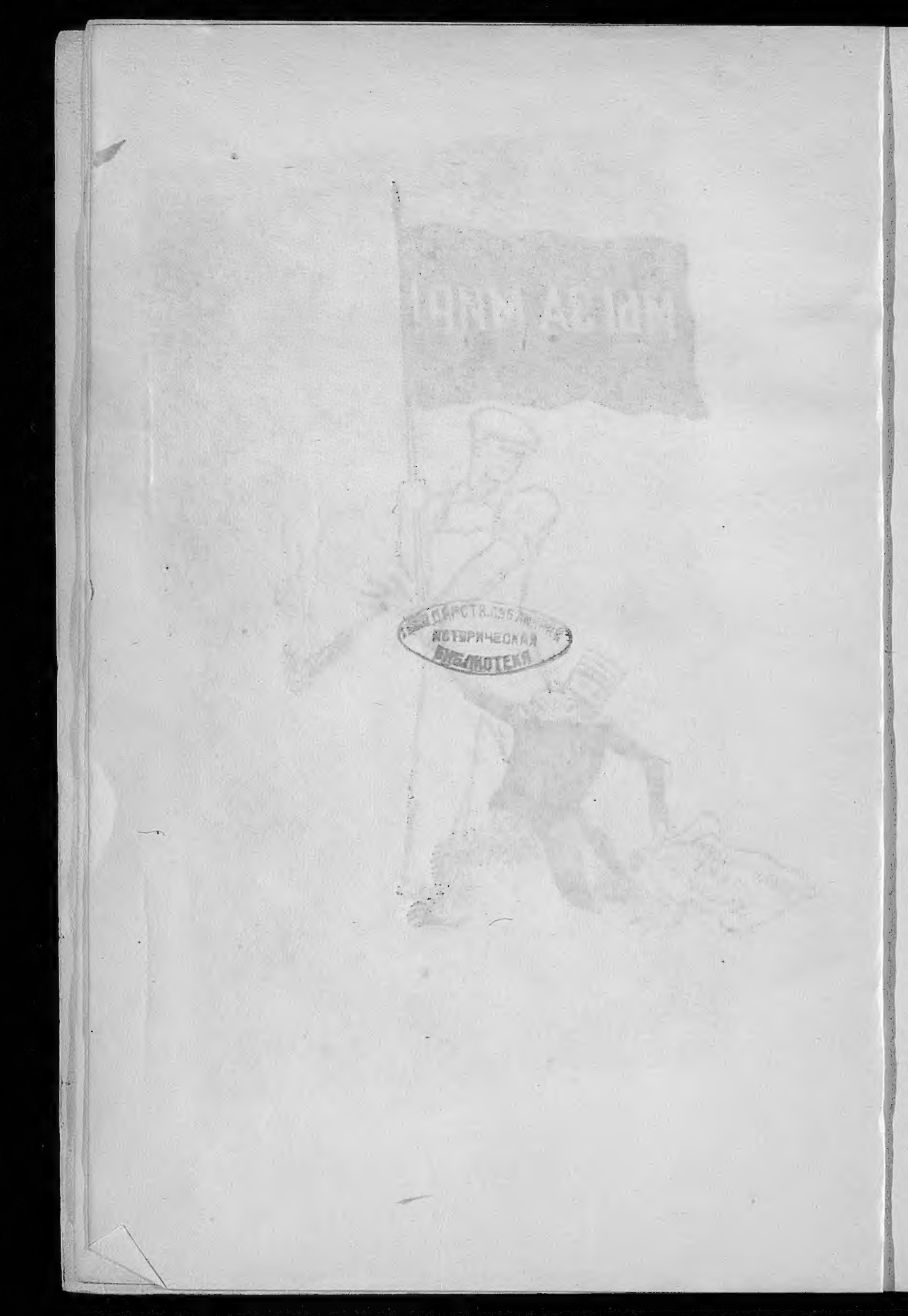
СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ В ПОМОЩЬ КРУЖКАМ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ

☆

СТАЛИНСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1949

МЫ ЗА МИР!
АТЛАНТИЧЕСКИ
ПАКТ
ВОЙНА

Максим ГОРЬКИЙ

ГОРОД ЖЕЛТОГО ДЬЯВОЛА

...Над океаном и землею висел туман, густо смешанный с дымом, мелкий дождь лениво падал на темные здания города и мутную воду рейда.

У бортов парохода собрались эмигранты, молча глядя на все вокруг пытливыми глазами надежд и опасений, страха и радости.

— Это — кто? — тихо спросила девушка полька, изумленно указывая на статую Свободы. Кто-то ответил:

— Американский бог...

Массивная фигура бронзовой женщины покрыта с ног до головы зеленой окисью. Холодное лицо слепо смотрит сквозь туман в пустыню океана, точно бронза ждет солнца, чтобы оно оживило ее мертвые глаза. Под ногами Свободы — мало земли, она кажется поднявшейся из океана, пьедестал ее — как застывшие волны. Ее рука, высоко поднятая над океаном и мачтами судов, придает позе гордое величие и красоту. Кажется — вот факел в крепко сжатых пальцах ярко вспыхнет, разгонит серый дым и щедро обольет все кругом горячим, радостным светом.

А кругом ничтожного куска земли, на котором она стоит, скользят по воде океана, как допотопные чудовища, огромные железные суда, мелькают, точно голодные хищники, маленькие катера. Ревут сирены, подобно голосам сказочных гигантов, раздаются сердитые свистки, гремят цепи якорей, сурово плещут волны океана.

Все вокруг бежит, стремится, вздрагивает напряженно. Винты и колеса пароходов торопливо бьют воду — она покрыта желтой пеной, изрезана морщинами.

И кажется, что все — железо, камни, вода, дерево — полно протеста против жизни без солнца, без песен и счастья, в плену тяжелого труда. Все стонет, воет, скрежещет, повинуясь воле какой-то тайной силы, враждеб-

ной человеку. Повсюду на груди воды, изрытой и разорванной железом, запачканной жирными пятнами нефти, засоренной щепами и стружками, соломой и остатками пищи — работает невидимая глазом холодная и злая сила. Она сурово и однообразно дает толчки всей этой необ'ятной машине, в ней корабли и доки — только маленькие части, а человек — ничтожный винт, невидимая точка среди уродливых, грязных сплетений железа, дерева, в хаосе судов, лодок и каких-то плоских барок, нагруженных вагонами.

Ошеломленное, оглохшее от шума, задерганное этой пляской мертвой материи двуногое существо, все в черной копоти и масле, странно смотрит на меня, сунув руки в карманы штанов. Лицо его замазано густым налетом жирной грязи, и не глаза живого человека сверкают на нем, а белая кость зубов.

Медленно ползет судно среди толпы других судов. Лица эмигрантов стали странно серы, отупели, что-то однообразно-овечье покрыло все глаза. Люди стоят у борта и безмолвно смотрят в туман.

А в нем рождается, растет нечто непостижимо огромное, полное гулкого ропота, оно дышит навстречу людям тяжелым, пахучим дыханием, и в шуме его слышно что-то грозное, жадное.

Это — город, это — Нью-Йорк. На берегу стоят двадцатиэтажные дома, безмолвные и темные «скребницы неба». Квадратные, лишенные желания быть красивыми, тупые, тяжелые здания поднимаются вверх угрюмо и скучно. В каждом доме чувствуется надменная кичливость своею высотой, своим уродством. В окнах нет цветов и не видно детей...

Издали город кажется огромной челюстью, с неровными, черными зубами. Он дышит в небо тучами дыма и сопит, как обжора, страдающий ожирением.

Войдя в него, чувствуешь, что ты попал в желудок из камня и железа, в желудок, который проглотил несколько миллионов людей и растирает, переваривает их.

Улица — скользкое, алчное горло; по нему куда-то вглубь плывут темные куски пищи города — живые люди. Везде — над головой, под ногами и рядом с тобой

живет, грохочет, торжествуя свои победы, железо. Вызванное к жизни силою Золота, одушевленное им, оно окружает человека своей паутиной, глушит его, сосет кровь и мозг, пожирает мускулы и нервы и растет, растет, опираясь на безмолвный камень, все шире раскидывая звенья своей цепи.

Как огромные черви ползут локомотивы, влача за собою вагоны, крякают, подобно жирным уткам, рожки автомобилей, угрюмо воет электричество, — душный воздух напоен, точно губка влагой, тысячами ревущих звуков. Придавленный к этому грязному городу, испачканный дымом фабрик, он неподвижен среди высоких стен, покрытых копотью.

На площадях и в маленьких скверах, где пыльные листья деревьев мертво висят на ветвях, — возвышаются темные монументы. Их лица покрыты толстым слоем грязи, глаза их, когда-то горевшие любовью к родине, засыпаны пылью города. Эти бронзовые люди мертвы и одиноки в сетях многоэтажных домов, они кажутся карликами в черной тени высоких стен, они заплутались в хаосе безумия, вокруг них, остановились и, полуослепленные, грустно, с болью в сердце смотрят на жадную суету людей у ног их. Люди, маленькие, черные, суетливо бегут мимо монументов, и никто не бросит взгляда на лицо героя. Ихтиозавры капитала стерли из памяти людей значение творцов свободы.

Кажется, что бронзовые люди охвачены одной и той же тяжелой мыслью:

— Разве такую жизнь хотел я создать?

Вокруг кипит, как суп на плите, лихорадочная жизнь, бегут, вертятся, исчезают в этом кипении, точно крупинки в бульоне, как щепки в море, маленькие люди. Город ревет и глотает их одного за другим ненасытной пастью.

Одни из героев опустили руки, другие подняли их, протягивая над головами людей, предостерегая:

— Остановитесь! Это не жизнь, это безумие...

Все они — лишние в хаосе уличной жизни, все не на месте в диком реве жадности, в тесном плену угрюмой фантазии из камня, стекла и железа.

Однажды ночью они все вдруг сойдут с пьедесталов и тяжелыми шагами оскорбленных пройдут по улицам, унося тоску своего одиночества прочь из этого города, в поле, где блестит луна, есть воздух и тихий покой. Когда человек всю жизнь трудился на благо своей родины, он этим несомненно заслужил, чтобы после смерти его оставили в покое.

По тротуарам спешно идут люди туда и сюда, по всем направлениям улиц. Их всасывают глубокие поры каменных стен. Торжествующий гул железа, громкий вой электричества, гремящий шум работ по устройству новой сети металла, новых стен из камня — все это заглушает голоса людей, как буря в океане — крики птиц.

Лица людей неподвижно спокойны — должно быть никто из них не чувствует несчастья быть рабом жизни, пищей города-чудовища. В печальном самомнении они считают себя хозяевами своей судьбы — в глазах у них, порою, светится сознание своей независимости, но, видимо, им непонятно, что это только независимость топора в руке плотника, молотка в руке кузнеца, кирпича в руках невидимого каменщика, который, хитро усмехается, строит для всех одну огромную, но тесную тюрьму. Есть много энергичных лиц, но на каждом лице прежде всего видишь зубы. Свободы внутренней, свободы духа — не светится в глазах людей. И эта энергия без свободы напоминает холодный блеск ножа, который еще не успели иступить. Это — свобода слепых орудий в руках Желтого Дьявола — Золота.

Я впервые вижу такой чудовищный город, и никогда еще люди не казались мне так ничтожны, так порабощены. И в то же время я нигде не встречал их такими трагикомически довольными собой, каковы они в этом жадном и грязном желудке обжоры, который впал от жадности в идиотизм и с диким ревом скота пожирает мозги и нервы...

О людях — страшно и больно говорить.

Вагон «воздушной дороги» с воем и грохотом мчится по рельсам, между стен домов узкой улицы, на высоте третьих этажей, однообразно опутанных решетка-

ми железных балконов и лестниц. Окна открыты, и почти в каждом из них — фигуры людей. Одни — работают, что-то шьют или считают, наклонив головы над конторками, другие просто сидят у окна, лежат грудью на подоконниках и смотрят на вагоны, каждую минуту пробегающие мимо их глаз. Старые, молодые и дети — все одинаково безмолвны, однообразно спокойны. Привыкли к этим стремлениям без цели, привыкли думать, что тут есть цель. В глазах — нет гнева против владычества железа, нет ненависти к его торжеству. Мелькание вагонов сотрясает стены домов, — вздрагивают груди женщин, головы мужчин; на решетках балконов валяются тела детей и тоже дрожат, привыкая принимать эту отвратительную жизнь как должное, неизбежное. В мозгах, которые всегда встряхивают, вероятно, невозможно мысли плести свои смелые, красивые кружева, невозможно родить живую, дерзкую мечту.

Вот промелькнуло темное лицо старухи в грязной кофте, расстегнутой на груди. Уступая дорогу вагонам, замученный, отравленный воздух испуганно бросился в окна, — седые волосы на голове старухи затрепетали, точно крылья серой птицы. Она закрыла свинцовые, погасшие глаза. Исчезла.

В мутных внутренностях комнат мелькают железные прутья кроватей, покрытых лохмотьями, грязная посуда и об'едки пищи на столах. Хочется увидеть цветы на окнах, ищешь человека с книгой в руке. Стены льются мимо глаз, точно расплавленные, они текут грязным потоком навстречу, в быстром беге потока тягостно копошатся безмолвные люди.

Лысый череп тускло блеснул за стеклом, покрытым слоем пыли. Он однообразно качался над каким-то станком. Девушка, рыжеволосая и тонкая, сидит на окне и вяжет чулок, считая темными глазами петли. Ударом воздуха ее качнуло внутрь комнаты, — она не отвела глаз от работы, не поправила платья, развеянного ветром. Два мальчика, лет по пяти, строят на балконе дом из щепок. Он развалился от сотрясения. Дети хватают маленькими лапами тонкие щепы, чтобы они не упали на улицу сквозь отверстие в решетке балкона, — и тоже не смотрят на причину, помешавшую их задаче. Еще и еще лица, одно за другим, мелькают в

окнах, точно осколки чего-то одного — большого, но разбитого в ничтожные пылинки, растертого в дресву.

Гонимый бешеным бегом вагонов, воздух развевает платье и волосы людей, бьет им в лицо теплой, душной волной, толкает, вгоняет им в уши тысячи звуков, бросает в глаза мелкую, едкую пыль, слепит, оглушает протяжным, непрерывно воющим звуком...

Живому человеку, который мыслит, создает в своем мозгу мечты, картины, образы, родит желания, тоскует, хочет, отрицает, ждет, — живому человеку этот дикий вой, визг, рев, эта дрожь камня стен, трусливый дребезг стекол в окнах — все это ему мешало бы. Возмущенный, он вышел бы из дома и сломал, разрушил эту мерзость — «воздушную дорогу»; он заставил бы замолчать нахальный вой железа, он — хозяин жизни, жизнь — для него, и все, что ему мешает жить, — должно быть уничтожено.

Люди в домах города Желтого Дьявола спокойно переносят все, что убивает человека.

Внизу, под железной сетью «воздушной дороги», в пыли и грязи мостовых, безмолвно возятся дети, — безмолвно, хотя они смеются и кричат, как дети всего мира, но голоса их тонут в грохоте над ними, точно капли дождя в море. Они кажутся цветами, которые чья-то грубая рука выбросила из окон домов в грязь улицы. Питая свои тела жирными испарениями города, они бледны и желты, кровь их отравлена, нервы раздражены зловещим криком ржавого металла, угрюмым воем порабощенных молний.

Разве из этих детей вырастут здоровые, смелые, гордые люди? — спрашиваешь себя. В ответ отовсюду скрежет, хохот, злой визг.

Вагоны несутся мимо Ист-Сайда, квартала бедных, компостной ямы города. Глубокие канавы улиц, ведущие людей куда-то в глубины города, где — представляется уму — устроена огромная, бездонная дыра — котел или кастрюля, — туда стекаются все эти люди, и там из них вываривают золото. Канавы улиц кишат детьми.

Я очень много видел нищеты, мне хорошо знакомо ее зеленое, бескровное, костлявое лицо. Ее глаза, тупые от голода и горящие жадностью, хитрые и мстительные или рабски покорные и всегда нечеловеческие, я всюду видел, но ужас нищеты Ист-Сайда — мрачнее всего, что я знаю.

В этих улицах, набитых людьми, точно мешки крупой, дети жадно ищут в коробках с мусором, стоящих у панелей, загнившие овощи и пожирают их вместе с плесенью тут же, в едкой пыли и духоте.

Когда они находят корку загнившего хлеба, она возбуждает среди них дикую вражду; охваченные желанием проглотить ее, они дерутся, как маленькие собачонки. Они покрывают мостовые стаями, точно прожорливые голуби; в час ночи, в два и позднее — они все еще роются в грязи, жалкие микробы нищеты, живые упреки жадности богатых рабов Желтого Дьявола.

На углах грязных улиц стоят какие-то печи или жаровни, в них что-то варится, пар, вырываясь по тонкой трубке на воздух, свистит в маленький свисток на конце ее. Тонкий, режущий ухо свист прорывает своим дрожащим острием все звуки улиц, он тянется бесконечно, как ослепительно белая, холодная нить, он закручивается вокруг горла, путает мысли в голове, бесит, гонит куда-то и, не смолкая ни на секунду, дрожит в гнилом запахе, пожравшем воздух, дрожит насмешливо, злобно пронизывая эту жизнь в грязи.

Грязь—стихия, она пропитала собою все: стены домов, стекла окон, одежды людей, поры их тела, мозги, желания, мысли...

В этих улицах — темные впадины дверей подобны загнившим ранам в камне стен. Когда, заглянув в них, увидишь грязные ступени лестниц, покрытые мусором, кажется, что там, внутри, все разложилось и гнойно, как во чреве трупа. А люди представляются червями...

Высокая женщина с большими темными глазами стоит у двери; на руках у нее ребенок, ее кофта расстегнута, бессильно повисла длинным кошелем ее синяя грудь. Ребенок кричит, царапая пальцами вялое, голодное тело матери, тычется в него лицом, чмокает губами, на минуту умолкает, вновь кричит с большей силой, бьет руками и ногами грудь матери. Она стоит, точно

каменная, и глаза ее круглы, как у совы — они смотрят упорно в одну точку перед собой. Чувствуешь, что этот взгляд не может видеть ничего, кроме хлеба. Она плотно сжала губы и дышит носом, ноздри ее вздрагивают, втягивая пахучий, густой воздух улицы; этот человек живет воспоминанием о пище, проглоченной им вчера, мечтой о куске, который он, может быть, с'ест когда-нибудь. Ребенок кричит, судорожно подергиваясь маленьким, желтым тельцем, — она не слышит его криков, не чувствует ударов...

Старик, длинный и худой, с хищным лицом, без шляпы на седой голове, прищурив красные веки больных глаз, осторожно роется в куче мусора, отбирая куски угля. Когда к нему подходят, он неуклюже, точно волк, поворачивает туловище и что-то говорит.

Юноша, очень бледный и худой, опираясь на столб фонаря, смотрит серыми глазами вдоль улицы и по временам встряхивает курчавой головой. Его руки засунуты глубоко в карманы брюк и судорожно шевелят там пальцами...

Здесь, в этих улицах, человек заметен, слышен его голос, озлобленный, раздраженный, мстительный. Здесь у человека есть лицо — голодное, возбужденное, тоскующее. Видно, что люди чувствуют, заметно, что они думают. Они кишат в грязных канавах, трутся друг о друга, точно сор в потоке мутной воды; их кружит и вертит сила голода, оживляет острое желание с'есть что-нибудь.

В ожидании пищи, в мечтах о наслаждении быть сытыми, они глотают насыщенный ядами воздух, и в темных глубинах их душ рождаются острые мысли, хитрые чувства, преступные желания.

Они подобны болезнетворным микробам в желудке города, и будет время, когда они отравят его теми же ядами, которыми он так щедро питает их теперь!

Юноша у фонаря время от времени встряхивает головой, крепко стиснув голодные зубы. Мне кажется, я понимаю, о чем он думает, чего он хочет — иметь огромные руки страшной силы и крылья за спиной он хочет, мне кажется. Это для того, чтобы однажды днем подняться над городом, опустить в него руки, как два стальных рычага, и смешать в нем все в груду мусора

и праха, — кирпич и жемчуг, золото и мясо рабов, стекло и миллионеров, грязь, идиотов, храмы, деревья, отравленные грязью, и эти глупые, многоэтажные «скребницы неба», все, весь город — в кучу, в тесто из грязи и крови людей — в скверный хаос. Это страшное желание естественно в мозгу юноши, как нарыв на теле худосочного. Где много работы рабов, там не может быть места для свободной, творческой мысли, там могут цвести только идеи разрушения, ядовитые цветы мести, буйный протест животного. Это понятно — искажая душу человека, люди не должны ждать от него милосердия к ним.

Человек имеет право мести — это право дают ему люди.

В мутном небе, покрытом копотью, гаснет день. Огромные дома становятся все мрачнее, тяжелее. Кое-где в их темных недрах вспыхивают огни и блестят, точно желтые глаза странных зверей, которые должны всю ночь стеречь мертвое богатство этих гробниц.

Люди кончили работу дня и, — не думая о том, зачем она сделана, нужна ли она для них, — быстро бегут спать. Тротуары залиты темными потоками человеческого тела. Все головы однообразно покрыты круглыми шляпами, и все мозги — это видно по глазам — уже уснули. Работа кончена, думать больше не о чем. Все думают только для хозяина, о себе думать нечего: если есть работа — будет хлеб и дешевые наслаждения жизнью, кроме этого ничего не нужно человеку в городе Желтого Дьявола.

Люди идут к своим постелям, к женщинам своим, своим мужчинам, и ночью, в душных комнатах, потные и скользкие от пота будут целоваться, чтобы для города родилась новая, свежая пища...

Идут. Не слышно смеха, нет веселого говора, и не блестят улыбки.

Крякают автомобили, щелкают бичи, густо поют электрические провода, гремят вагоны. Вероятно, где-нибудь играет музыка.

Мальчишки резко выкрикивают названия газет. Подлый звук шарманки и чей-то вопль сливаются в траги-

комическом об'ятии убийцы и балаганного шута. Безвольно идут маленькие люди, — точно камни катятся под гору...

Все больше и больше вспыхивает желтых огней — целые стены сверкают пламенными словами о пиве, о виски, о мыле, новой бритве, шляпах, сигарах, о театрах. Грохот железа, гонимого всюду вдоль улиц жадными толчками Золота, не становится тише. Теперь, когда везде горят огни, этот непрерывный вопль еще значительнее, он приобретает новый смысл, более тяжелую силу.

Со стен домов, с вывесок, из окон ресторанов — льется ослепляющий свет расплавленного Золота. Нахальный, крикливый, он торжествующе трепещет всюду, режет глаза, искажает лица своим холодным блеском. Его хитрое сверкание полно острой жажды вытянуть из карманов людей ничтожные крупицы их заработка, — он слагает свои подмигивания в огненные слова и этими словами молча зовет рабочих к дешевым удовольствиям, предлагает им удобные вещи...

Страшно много огня в этом городе! Сначала это кажется красивым и, возбуждая, веселит. Огонь — свободная стихия, гордое дитя солнца. Когда он буйно расцветает — его цветы трепещут и живут прекрасней всех цветов земли. Он очищает жизнь, он может уничтожить все ветхое, умершее и грязное.

Но когда в этом городе смотришь на огонь, заключенный в прозрачные темницы из стекла, понимаешь, что здесь — как все — огонь порабощен. Он служит Золоту, для Золота и враждебно далек от людей...

Как все — железо, камень, дерево — огонь тоже в заговоре против человека, ослепляя его, он зовет:

— Иди сюда!

И выманивает:

— Отдай твои деньги!...

Люди идут на его зов, покупают ненужную им дрянь и смотрят на зрелища, отупляющие их.

Кажется, что где-то в центре города вертится со сладострастным визгом и ужасающей быстротой большой ком Золота, он распыливает по всем улицам мелкие пылинки, и целый день люди жадно ловят, ищут, хватают их. Но вот наступает вечер, ком Золота начи-

нает вертеться в противоположную сторону, образуя холодный, огненный вихрь, и втягивает в него людей затем, чтобы они отдали назад золотую пыль, пойманную днем. Они отдают всегда больше того, сколько взяли, и на утро второго дня ком Золота увеличивается в об'еме, его вращение становится быстрее, громче звучит торжествующий вой железа, его раба, грохот всех сил, порабощенных им.

И жаднее, с большей властью, чем вчера, оно сосет кровь и мозг людей для того, чтобы к вечеру эта кровь, этот мозг обратились в холодный, желтый металл. Ком Золота — сердце города. В его биении — вся жизнь, в росте его об'ема — весь смысл ее.

Для этого люди целыми днями роют землю, куют железо, строят дома, дышат дымом фабрик, всасывают порами тела грязь отравленного, больного воздуха, для этого они продают свое красивое тело.

Это скверное волшебство усыпляет их души, оно делает людей гибкими орудиями в руке Желтого Дьявола, рудой, из которой Он неустанно плавит Золото, свою плоть и кровь.

Из пустыни океана идет ночь и дышит на город прохладным, соленым дыханием. Тысячами стрел вонзаются в нее холодные огни — она идет, сострадательно окутывая темными одеждами безобразие домов, мерзость узких улиц, прикрывая грязь лохмотьев нищеты. Дикий вопль жадного безумия несется ей навстречу, разрывая ее тишину — она идет и медленно гасит нахальный блеск порабощенного огня, закрывая своей мягкой рукой гнойные язвы города.

Но, вступая в сети улиц, она не в силах победить, разогнать своим свежим дыханием ядовитые испарения города. Она трется о камень стен, нагретый солнцем, ползет по ржавому железу крыш, по грязи мостовых, пропитывается ядовитой пылью, глотает запахи и, опуская крылья, бессильно, неподвижно ложится на крыши домов, в канавы улиц. От нее осталась только тьма, — свежесть и прохлада исчезли, проглоченные камнем, железом, деревом, грязными легкими людей. В ней больше нет тишины, нет поэзии...

Город засыпает в духоте, он ворчит, как огромное животное. Оно слишком много пожрало за день разной пищи, ему жарко, неловко и снятся дурные, тяжелые сны.

Вздрагивая, угасает огонь, отслужив свою жалкую службу провокатора, лакея рекламы. Дома всасывают людей, одного за другим, в свои каменные внутренности.

Худой, высокий и сутулый человек стоит на углу улицы и скучно, бесцветными глазами смотрит направо и налево, медленно повертывая голову. Куда итти? Все улицы одинаковы, и все дома смотрят друг на друга бельмами тусклых окон одинаково безразлично и мертво...

Душная тоска давит горло теплой рукой, стесняя дыхание. Над крышами домов неподвижно стоит прозрачное облако дневных испарений проклятого, несчастного города. Сквозь эту пелену в недосягаемой высоте небес тускло мерцают тихие звезды.

Человек снял шляпу, поднял голову, смотрит вверх. Высота домов в этом городе оттолкнула небо дальше от земли, чем где-либо. Звезды — мелки, одиноки...

Вдали тревожно звучит медная труба. Длинные ноги человека странно вздрагивают, и он идет в одну из улиц, шагая медленно, наклонив голову и размахивая руками. Уже поздно, улицы становятся все более пустынными. Одинокие маленькие люди исчезают, точно мухи, пропадая во тьме. На углах неподвижно стоят полицейские, в серых шляпах, с палками в руках. Они жуют табак, медленно двигая челюстями.

Человек идет мимо них, мимо телефонных столбов и множества черных дверей в стенах домов, — черных дверей, сонно разинувших квадратные пасти. Где-то далеко гремит и воет вагон трамвая. Ночь задохнулась в глубоких клетках улиц, ночь умерла.

Человек идет, размеренно передвигая ноги, и качает свой длинный, согнутый корпус. В его фигуре есть что-то думающее и хотя нерешительное, но — решающее...

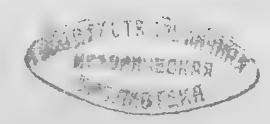
Мне кажется, он — вор.

Приятно видеть человека, который чувствует себя живым в черных сетях города.

Раскрытые окна дышат тошным запахом человеческого пота.

Непонятные, глухие звуки дремотно возятся в душной, тоскливой тьме...

Уснул и сонно бредит мрачный город Желтого Дьявола.

Павел БЕСПОЩАДНЫЙ

ЕСЛИ Б СТИХ, ПОДОБНО ПТИЦЕ

Героическим горнякам Франции

Если б стих, подобно птице
Мог парить...
Простившись с ним,
Я б послал через границы
Этот стих
Друзьям родным!

Я б сказал ему:
— Крылатый,
Мчи чрез горы и моря,
Чрез застенки и палаты,
Через головы богатых
К горнякам-богатырям!

С кем скреплен
Труда союзом,
Породнил один забой,
Передай бойцам-французам
Пламень
Сердца
Боевой.

Стань, мой стих,
С шахтером рядом,
Как боец, прими удар,
Где возводит баррикады
Горный департамент Гар.
Там, где кровью
Побратимов
Черный уголь обагрен,
Горняки в огне и дыме
Защищают террикон.

Над копром
Клокочет низко
Самолет — фашистский птах...
Стань, мой стих,
В шеренги близких.
И от шахты —
Ни на шаг!

Вражьи танки
Присмирели...
Замерли броневики.
Песнь победы
Жарко пели,
Гордо пели
Горняки.

Шел мой стих
С бойцами рядом,
Отразив врагов удар.
Шел с победной баррикады
Горный департамент Гар.

Ярослав ГАЛАН

Я І ПАПА

13 липня 1949 року сталася в моєму житті знаменна подія: папа Пій XII відлучив мене від церкви. Відлучив, як відлучають телятко від корови. Без попередження.

Нікуди правди діти конфлікт між нами почався досить давно, приблизно сорок років тому, коли нинішній Пій XII був молодим попиком Панчеллі, а на святому престолі сидів Пій X. Кожної неділі учитель проводив нас парами у церкву монашого ордену Василіян, закликав любити фабуристого цісаря Франца-Йосифа I і ненавидіти «москалів», яких, мовляв, треба до ноги вирізати.

Проте, замість бити «москалів», пан-отець волів бити нас, школярів.

Якось раз пан-отець спитав мене:

— Чому святого отця називаємо Пієм?

Простодушна відповідь гласила:

— Бо святий отець любить випити...

Я й не стямився, як мій живіт опинився на монашому коліні, а священна різка викарбовувала на моєму тілі 10 заповідей.

Господь не наділив мене смиренням і, мабуть, тому, повернувшись додому, я вже з порога сказав матері:

— Плюю на папу!

Крім матері, ніхто цього не чув, але, видно, всевидящий бог доніс своєму римському намісникові, бо відтоді греко-католицька церква розпочала проти мене холодну війну.

І не тільки проти мене. Згодом я переконався, що таких грішників було чимало. До них, насамперед, належали гімназисти, які брали участь у вшануванні пам'яті Івана Франка. Для таких учителів божого закону придумав спеціальну кару: в найжорстокішу спеку він садовив їх проти сонця. На протести відповідав:

— Ага! На концерті в честь Франка ви декламували: «Ми прагнемо до сонця!» От вам і сонце. Погрійтесь!..

По-справжньому мій конфлікт із святим престолом загострився, коли, я, в хвилину доброго настрою, назвав митрополита Шептицького в одному журналі мутієм свяченої водички. Цей удар був для князя греко-католицької церкви громом з ясного неба: саме тоді граф Шептицький був поглинутий папоугодним ділом підготовки антирадянського хрестового походу. Моя нетактовність викликала зрозуміле обурення: попадянки відвернулись від мене, а їх батьки порушили мій прямий зв'язок з небесами, заборонивши пускати мене до церкви. Шептицький після того попав у чорну меланхолію. І тільки прихід Гітлера до влади поставив його знову на ноги.

Кілька років по тому вмер монс. Раті, тобто Пій XI, і його місце зайняв новий мій противник — Пій XII. Всі знаки на небі й на землі показували, що в особі цього Пія я матиму ще запеклішого ворога, ніж два попередні, з Бенедиктом XV включно. Він бо був одним з хресних батьків третього райху, він штовхав Гітлера на війну проти СРСР, на його вимогу Пілсудський ішов вогнем і мечем проти моїх не-уніатських земляків Холмщини та Волині.

Друзі казали мені, що дні мої полічені і що я повинен чекати тепер контрудару. Як завжди в таких випадках, друзі трохи переборщили. Мокра робота була в той час у Ватікані тільки запланована. Шептицький не мав іще тоді почесної варти у вигляді гітлерівських солдатів, а його прелати ще не франтували у есесівських мундирах. Поки що я міг чекати з їх боку лише сухої роботи. Їм потрібний був привід, і вони знайшли його.

Якось у святвечір я зайшов до Олександра Гаврилюка. Над нами й під нами, праворуч і ліворуч люди колядували. Спогади дитинства завирували в душі, й, розчулені, ми вирішили перехилити чарчину. Традиційної рибки не було, але її з успіхом замінило сало. Випили по одній, і тоді Гаврилюкові заманулося запросити до столу домовласника, що мешкав опостінь. Домовласник прийняв запрошення, та, побачивши на столі сало, по-тарганячому ворухнув вусами й позадкував до дверей. Тільки тепер Гаврилюк усвідомив, що богобоязливий вусач був чле-

ном ультрамонтанського «Братства найсолодшого Ісусового серця».

Кілька днів по тому звістка про заподіяний злочин дійшла до консисторії, а трохи згодом до конгрегації священої канцелярії в Римі. На даний знак львівська дефензива розпочала слідство. Обурення шпиків нашим святотатством не знало меж. Гаврилюк виїхав, і повістку встигли вручити мені. Сивоголовий агент сидів переді мною й докірливо похитував головою:

— Ваше тіло, — говорив він, — згниє в тюрмі, але чим же є тлінна плоть в порівнянні з безсмертною душею, яку ви так безжалісно губите?

Сивоголовий шпик з жалю висякався й махнув безнадійно рукою.

— Йдіть, грішнику, догнивайте в тюрмі, а я буду за вас молитися.

Сивоголовий шпик молився, а в тюрмі сидів я...

Минули роки. Український народ возз'єднався в єдиній державі — Українській Радянській соціалістичній республіці. Наплювали на папу всі західні українці й розірвали унію і готуються тепер до справжнього народного свята — десятиріччя возз'єднання.

Святий престол поміняв Гітлера на Трумена, але від того мої взаємини з ним не покращали нітрохи. Навпаки. За даними, що є в моєму розпорядженні, Пій XII дізнався, що у довгій шухляді редактора видавництва «Радянський письменник» у Києві лежить рукопис моєї антипапської книжки «Отець тьми і присні». Правда, на цей раз Пієві пощастило: рукопис лежить вже більше ніж півроку у т. Рибака і незабаром вкриється цвіллю, але факт лишається фактом: моя святотатська рука ще раз піднялася на пастиря пастирів ...Келих гіркоти переповнився вщерть, і пастиреві пастирів не лишалося нічого іншого, як відлучити мене від своєї церкви.

Єдина моя втіха в тому, що я не самотній: разом зі мною папа відлучив щонайменше 300 мільйонів чоловік, і це дає мені змогу разом з ними всіма ще раз на повний голос заявити:

— Плюю на папу!

Грицько БОЙКО

МИ ЗА МИР

Коли проходив я фронтами
Крізь дим пожарів і вогні,
І смерть холодними вустами.
В обличчя дихала мені,
Коли я падав серед поля,
Коли мені сліпило зір
І я вставав, забувши болі,
Щоб далі йти... Я йшов за мир!

Коли по-братньому стрічали
Мене Карпати і Дунай,
Коли шляхи мені квітчали,
Як переможцеві, на май,
Коли гриміла наша слава
І ниць лежав загарбник — звір —
Я знав, що наше діло праве,
Що ми вернули світу мир!

Коли минули всі незгоди
І зарівняв окопи час,
І повернувся я з походу
У рідне місто на Донбас,
Коли в колгоспі й на заводі
Став бригадиром командир —
Я твердо вірив: мій народе,
Ми за безпеку і за мир!

Коли на заклик більшовицький
З вождем народів начолі
Післявоєнну п'ятирічку
Ми на руїнах почали,
Коли на попелі будови
Звелися величчю до зір,

І розцвіла земля в обнові —
Це означає: ми за мир!

Але коли ворожа зграя
На мирний труд наш зазіхне
І по хижацькому звичаю
Війну загарбницьку почне —
Ми станем грізними полками
Від моря до високих гір.
Трудящі світу будуть з нами,
Бо ми — життя, і воля, й мир!

ГОВОРИТЬ МОСКВА

І вранці, і вдень, і в вечірні години
Я чую упевнений голос країни,
Я чую знайомі і рідні слова:
— Говорить Москва!
І корчаться з люті ділки Уолл-стріта —
І Трумен, і Черчіль, і їх сателіти,
Бо їм не втаїти правдиві слова:
— Говорить Москва!
Я знаю: трудящим невільного миру
Москва наділяє і силу, і віру,
Тепліше на серці, як чують слова:
— Говорить Москва!
Я вірю: збудують Комуну народи,
Земля буде царством труда і свободи.
І будуть побідно звучати слова:
— Говорить Москва!

Степан БУГОРКОВ

ГОСПОДАМ ЗА ОКЕАНОМ

Шумели глухо ели под Москвою,
Роняя снег с тугих ветвей к ногам,
Когда в туманный вечер нашу Зою
Водили по петрищевским снегам.
Разутая, в одной сорочке рваной
Шла Зоя, не склоняя головы.
В ту пору, господа за океаном,

Где были вы?

И нам за то поклонятся потомки,
Что мы у Волги выстоять могли.
Была за нами в каменных обломках
Полоска метров в шестьдесят земли.
Стоять перед железным ураганом
Нас вдохновляло слово из Москвы.
В ту пору, господа за океаном,

Где были вы?

Мы в сорок первом стройку начинали
В глухой тайге, где вечный бурелом.
Промерзший грунт седого Забайкалья
Отогревали собственным теплом.
Крутой мороз захватывал дыханье,
Тонули люди в вихрях снеговых.
В ту пору, господа за океаном,

Где были вы?

Мы в знойный день в десятую атаку
Шли под Орлом средь недозрелой ржи...
В тот час дельцы Детройта и Чикаго

Подсчитывали в банках барыши.
За плотным атлантическим туманом
Они мечтали мир прибрать к рукам...
В ту пору, господа за океаном,

Вы были там.

Вы там сейчас бряцаете оружьем,
Газеты Херста ваш разносят крик.
Но мы в боях крепили кровью дружбу —
Украинец, москвич, туркмен, таджик.
От Балтики до снежных гор Памира
Цветет страна, сильна, как никогда.
В борьбе за мир встают народы мира —

Смотрите, господа!

Михаил ФРОЛОВ

СТАЛЕВАР ГРОМОВ ОБ «АТОМЩИКАХ» С УОЛЛ-СТРИТА

Я говорить не очень-то мастак,
Но коль уж надо, — слушайте, товарищ:
Давно ль умолк чугунный гул атак,
Давно ль растаял сизый дым пожарищ?
Давно ль ревела «юнкерсами» высь,
Давно ли кровью багровели реки,
А всяческие мистеры клялись,
Что дружбу с нами сохранят навеки?
И вот опять, как в балагане, гам, —
Опять ханжам не спится и пронырам.
На этот раз — заморским господам
Взбрело на ум господствовать над миром...
Они грозят нам атомным ядром,
Вновь затевают разрушенья дело, —
А Белый дом... Да что там Белый дом!
Его нутро изрядно почернело.
Но я б сказал всем дельбосам в глаза:
Разбойной спесью раздуваясь, пучась,
Крестясь на сейфы, как на образа,
Не забывайте герингову участь...
Ну — вот и все! Гудок зовет родной, —
Иду работать яростней и звонче,
Чтоб скоростною плавкой огневой
На эту тему речь свою закончить.

Борис РАДЕВИЧ

АМЕРИКАНСКОЙ СТАТУЕ СВОБОДЫ

Она глядит подслеповато вдаль,
Не видя.
Бронзовой, ей вряд ли больно.
В цилиндре, жеотковата как печаль,
У набережной бродит тень Линкольна.
Франклин Рузвельт задумавшись стоит,
Играет ветер тихо волосами.
— Свобода!
Нет! Не так она глядит,
Не чистыми открытыми глазами.
Проходит негр у статуи быстрей,
На белокожих женщин строго нынче
Запрещено смотреть...
И есть суд Линча,
Чем он несправедливей, тем скорей.
Над Грецией горят огни войны,
А ты не видишь, женщина слепая.
Отсюда злую волю направляют
Те, кто в убийствах черных прожжены.
Там, в городе,
где в небо этажи
Уходят гордо
сказочного роста,
Ночью не спят бездомные подростки
И безработный на скамье дрожит.
Уже прокралися к твоей руке
Из тех, кто всем на рты надели б пломбу,
Вложили в руку атомную бомбу
И встали за тобой невдалеке.
Что ж ты молчишь? Не думаешь ли ты,
Что это ветвь оливковая мира?
Нет, это бред безумного банкира
И гангстера блудливые мечты!

Шумит, шумит просторный океан,
Бросая тень свою на пароходы,
Стоит бессмысленно, как истукан,
Обманутая статуя Свободы.
Но видят те, кому глаза даны.
На океанских волнах отблеск дальний.
Уверенный, волнующий,
кристальный
Кремлевских звезд
родной моей страны.

У РАДИОПРИЕМНИКА

Звучание волны...
и всплеск концертов...
Разрядов треск...
и снова перебой...
Там звуки, будто краски на мольберте,
И всех часов разноголосый бой.
Там вавилонское столпотворенье:
Фокстроты входят в тексты телеграмм.
Банкротов гнев. Надежда на спасенье
С отчаяньем и желчью пополам.
Далеких братьев крепкое пожатье,
Что ощущаешь даже на волне...
И вновь обзор богатых дамских платьев
В страдающей от кризиса стране.
Сенсации... и атомные бомбы,
Нечестный, грязный журналистский хлам...
И клеветы такие катакомбы,
Что Одиссей бы заблудился там.
Но есть язык великий и суровый,
Он луч, что режет мрака пелену,
Рабочие Парижа и Глэзгоу
Ночами ловят русскую волну.
Я нахожу волну свою родную,
Горжусь я тем, что мне дано беречь
Советскую, правдивую, простую,
Единственную в этом мире речь.

Павел ШАДУР

ТАНК И ТРАКТОР

(Басня)

Подбитый Танк, с крестами на боках,
Стоял среди распаханного поля
И жаловался птицам в облаках:
«Как тяжела моя сложилась доля.
Я ржавчиной покрыт,
Мне угрожают грозы,
Через пробоины заглядывают козы,
Сквозь гусеницы тянется трава.
И я едва
Не задохнулся здесь от пыли.
В Америке...
Вот там меня сейчас
Подкрасили б, заштопали, зашили.
Там и кресты б мои в почете были.
Я б снова села жег,
Все разрушал вокруг,
Давил детей,
Расстреливал старух,
И смерть, и дым стояли бы над трактом...»
...Таща плуги,
Взрывая землю, Трактор,
Услышал эту речь
И Танку так ответил:
«Не для того у матерей рождались дети,
Чтоб ты их мог расстреливать и жечь!
Твои собратья
Перекрасят платья,
Но никогда
Уйти им не удастся от суда
И от народного проклятья!
Им участи твоей не избежать,

Не скрыться...
Ну, а тебя,
Чтоб не мешал трудиться,
Я с поля уберу».
И Танк теперь лежит во рву,
А перед Трактором простерлась даль,
И солнце светит утром рано.

* * *

Пусть басни этой ясная мораль
Дойдет до кой-кого за океаном.

Владимир ТРУХАНОВ

НАЕДИНЕ С ГАЗЕТНЫМ ФАКТОМ

Дрожат мои пальцы, газету мнут.
Но прыгают буквы и с криком разносят:
«Через каждые
5 минут
убийство
в Лос-Анжелосе!»
В ладони — поглубже — я прячу лицо:
Слепит световая реклама сенсаций —
В ней каждое слово стреляет свинцом
В рабочую грудь демонстраций:
«Глаза!! Покупаем живые глаза!!!
На десять процентов повышены цены!!»
Реклама слепит. И вот вижу, как в зал
Ко мне из Нью-Йорка вошли бизнесмены:
— Продайте глаза!.. О, наука у нас!!
(Но это открытие в тайне).
В Америке
пересадка глаз
гарантирована
и моментальна.
А что представляет большой интерес —
Легко убедиться воочию...
Наверно, слыхали, «Юнайтед Пресс» —
К нам, бизнесменам, — очередь!
Мы ежедневно... —
Молчите! Без вас
Я знаю все ваши «америки»:
В эту минуту вставляет глаз
Безглазый помещик Перкин.
«Ол-райт!» — хорошо: он видит Акрон,
Жена на виду и плантации...
А рядом стоит, вытирая кровь
После глазной операции —

Седой безработный — Виктор Сенсир
С печально заостренным профилем,
Джентльмен, у которого нету сил
Бороться в семье с дистрофией.
У Виктора дома — семь детей,
Со дня рожденья голодных.
Он купит хлеба, мясных костей
И даже закурит сегодня...
Я знаю, какая «наука» у вас
И для кого удобна!
Я также знаю: продавший глаз
Сенсир и ему подобные —
Прозреют.
Слепые прозреют!
И счет
пред'явят сраву Перкиным...
Так было в России.
Но скоро еще
Так будет везде
И —
в Америке.

Дмитро БІЛОУС

БОМБА І ВАЛЕР'ЯНКА

Янкі людям без перерви
Довго діяли на нерви.

Задавати ж мусить тон
Всюди їхній Вашінгтон.

Ну, і як їм без апломба?
В них же долар, в них же бомба!

Раптом вість немов багнет:
Ваша бомба — не секрет!

Чи не випили б ви, янкі,
Кілька крапель валер'янки?

Степан ОЛІЙНИК

ДИПЛОМАТ

Лиш зібрався вечеряти Гнат —
Як приносять записку до хати:
«Зараз буде у вас дипломат».
Приготуйтесь, мовляв, зустрічати!

Це ж за чим він? Яким вітерцем
Занесло аж сюди з-за кордону?..
Ще й приписка внизу олівцем:
«Дипломат з самого Вашінгтону».

— Чуєш, жінко! Прийшла до нас вість, —
Мовив Гнат до своєї Олени, —
Із самої Америки гість
Добивається зараз до мене!..

Зустрічать і приймати людей
Вже Олені, мабуть, не звикати,
Хоч таких чужодальних гостей
Не просила ні разу до хати.

Одягла свою сукню в цвіту
І до люстра: чи славно їй буде?
З скрині Зірку бере Золоту
І чіпля чоловіку на груди...

— І чого він до нас, дипломат?!
(Ця загадка була й перед нею).
— Та, мабуть, — одвічає їй Гнат, —
Почнемо з ним якусь «асамблею»!

— Асамблею?! Оце новина!
Та чого ж ти... (й змахнула руками) —

Треба ж спішно колоть кабана,
Треба діжку розкрить з огірками.

Йди в артіль, хай пришле голова
Зо дві жінки на поміч до хати —
Сам же знаєш: по місяців два
В асамблеях сидять дипломати!..

— Підожди! — усміхнувсь чоловік, —
Ми про це поговорим окремо.
Може ще «асамблею» на рік
Чи одразу — на два відкладемо.

Дивлячись, обстановка яка! —
Жартував...
Потім взяв він вірьовку...
Прив'язав коло груші Сірка
Та на цьому й скінчив «підготовку».

...Незабаром прибув дипломат,
Сухорлявий і рівний, як свічка.
«Ви, — питає, — Дібровенко Гнат,
Бригадир... із артіль... «П'ятирічка»?

— Я, — одвітив господар кивком...
Прошу, пане! Проходьте, сідайте!
Що прийму не за «круглим столом», -
То за це вже мені вибачайте!..

(Був, як бачите, Гнат із таких,
Що не лізуть в кишеню за словом).
...Й почалась «асамблея» у них
За селянським столом квадратовим.

Дипломат напочатку сказав,
Що гостює у нашій столиці,
Що про Гната, звичайно, читав,
Знає, скільки зібрав він пшениці.

Що тепер, мовляв, робить турне
Й стріти Гната — для нього похвально!

— Прошу, сер... познайомте мене
З вашим досвідом. Повно й детально.

Гнат, зберігши гостинності такт,
Підбирає слова милозвучні.
— Нам приємно, — говорить, — це факт,
Що Америка проситься в учні!

Та на просьбу скажу я вам так:
Не прийметься мій досвід артільний
На землі ваших ферм, де батрак
Гне ще спину на вас, підневільний.

Дипломат окуляри протер.
Дипломат вигнув брови на лоба:
— Ви мене агітуєте, сер!
Я, здається, в гостях в хлібороба!

...Бив годинник в ту мить на стіні,
Й бригадир, щоб підкреслити чемність,
Каже гостю: — Дозвольте мені
Саме зараз зробить вам приємність.

Ви ось в хаті моїй, та душа —
Там, в Америці, скажемо чесно.
То ж послухать тепер «Голос США»
Вам приємно буде й інтересно...

Зашипів в репродукторі змій...
Жінка просить за стіл дипломата...
І почався невиданий «бій»
Між Нью-Йорком і хатою Гната.

Диктор каже: «... тепер сіячі
На Вкраїні радянській без хліба»,
Жінка ставить на стіл калачі!..
Дипломат тихо цідить: «Шпасіба!»..

Диктор каже «...пустіють степи,
У ставках уже видохла риба...»
Жінка ставить на стіл коропи!..
Дипломат тільки мимрить: «Шпасіба!»...

Диктор жовчно шипить з приймача,
«...каганці — їх світила типічні...»
Жінка люстру святкову включа...
Гостя сліплять вогні електричні.

Диктор каже: «Ні вдень, ні вночі
Там, у селах, пісень не чувати».
А під вікнами — в клуб ідучи —
«Ой, ти, хмелю»!.. співають дівчата.

Жінка просить: — Ви їжте калач,
Ви ж з дороги, пора закусити!..
Дипломат — вставив очі в приймач
Й починає чомусь зеленіти...

Усміхнувсь і запитує Гнат:
— Що це значить? Скажіть,
дипломате?! —
Той схопився, хотів щось сказать,
Та скоріше за шляпу, та з хати!..

Поспішав мовчазний до воріт,
Бо ж невдачі були очевидні,
Гнат, проводячи, мовив услід:
— Погостили б ще в мене зо три дні.

Подивилися б завтра село,
Прогулялися б в сад чи до лісу! —
Хоч на думці у Гната було:
«Їдь скоріше, і ну тебе к бісу»!..

...Лиш від'їхав з тим гостем шофер,
Жінка так чоловіку сказала:
Двадцять років живу з вами, сер,
А що ви дипломат — і не знала!

Петр ЛУБЕНСКИЙ

МОРОЖЕНОЕ

Американский военный лагерь «Кек-Уок» был расположен в арктической пустыне.

— Отсюда мы будем угрожать красным! — сказала какая-то горячая голова.

В блиндаже, построенном из ледяных кирпичей, возле электрической печки грелись два американских солдата. Они только что возвратились с учебной артиллерийской стрельбы и добросовестно выстукивали зубами.

— Как ты считаешь, Билл, — спросил голубоглазый юнец с красиво отмороженным носом, — тот белый медведь, которого мы напугали канонадой, наверное подумал, что у нас не все дома?

По меньшей мере, так, Едди! — ответил Билл, натирая вазелином большой палец левой ноги. — Не напрасно говорят, что наш президент превратился в мороженщика...

— Тсс! — испуганно зашипел Едди. — Помни, что и стены имеют уши!

— Глупости! — крикнул Билл. — Что можно услышать в этой дьявольской свистопляске?

— Тсс! — снова испуганно прошипел Едди... — Ты новичок и не знаешь главнейшего: здесь такой холод, что слова примерзают к стенам, а затем, когда оттаивают, можно услышать каждое слово, как с патефонной пластинки.

— Басни! — махнул рукой Билл, недоверчиво взглянув на блестящие ледяные кирпичики. — А что я ляпнул? Я просто повторил кличку, какую дали президенту наши солдаты.

Ты коснулся личности президента.

— Тсс! — шепнул в кулак Билл. — Что же теперь делать?

— Надо попробовать наморозить на наши слова какие-нибудь спасительные мотивы, чтобы потом сам чорт не разобрался, о чем здесь разговаривали.

И, вздрогнув от холода и отвращения, друзья затянули любимые псалмы президента.

Занавес из оленьей шкуры приоткрылся и, одновременно с клубами морозного пара, в блиндаж вошел любимец публики, сам Стилл Кепстен, повар генерала.

— Алло! — весело крикнул он. — Очевидно, наш мороженщик так завертел вам мозги, что вы поете эту галиматью без приказа.

— Тсс! — зашипели друзья. — Ты знаешь... — И они рассказали ему о страшной особенности ледяных стен.

Лицо повара вытянулось. Он обвел испуганным взглядом вспотевшие стены блиндажа и неожиданно для самого себя тонким, дрожащим голосом тоже запел любимые псалмы президента.

Через несколько минут в блиндаж просунулась голова полкового писаря. Состроив пресмешную мину, писарь проговорил:

— Клянусь галстуком морожен...

— Тсс! — зашипели трое.

Не прошло и часа, как блиндаж превратился в сборище обмороженных, перепуганных людей в солдатских мундирах, которые поспешно и не в лад гнусавили псалмы. Никто не осмеливался первым выбраться из блиндажа, побаиваясь, чтобы его не заподозрили в нелойяльности.

Слухи о страшной особенности ледяных стен дошли и до офицеров. Вначале они встретили эту весть смехом, как очередную шутку, но потом стали рассматривать явление с точки зрения природоведения.

— Чорт возьми! — петушился молодой лейтенант. — Если даже и так, то для чего же тогда у нас свобода слова! Клянусь галстуком мороженщика — статуя Свободы недаром стоит перед входом в Нью-Йоркскую гавань!

— Я, Тедди Дреппер из Техаса, торжественно заявляю, что вы оскорбили личность президента! — выкрикнул свежеиспеченный капитан, стараясь, чтобы каждая буква его имени была зафиксирована ледяными стенами.

Настала гробовая тишина. Офицеры молча полезли в свои меховые спальные мешки, и каждый из них думал: «Статуя, оно, конечно, статуя! Но всегда найдется какой-нибудь Дреппер и отправит тебя в комиссию по проверке антиамериканской деятельности».

Грусть и скука охватили весь личный состав военного лагеря. Люди перестали разговаривать. Затихли шутки. Да разве можно было шутить, если сама природа превратилась в шерифа с наручниками.

Неожиданно в лагерь «Кек-Уок» пришло приветствие от самого президента, в котором он поздравлял «мальчиков с превращением Арктики в крепость американской демократии».

Генерал Слоу Фокс был в восхищении. Он решил послать в подарок президенту шкуру белого медведя. Но все медведи, как известно, разбежались от артиллерийской стрельбы. Послать моржа было неудобно. И внезапно его осенила мысль:

— Надо послать президенту настоящее арктическое мороженое — «эскимо порцию на палочке»!

Готовить мороженое поручили наиболее отличившимся солдатам, способным вложить в это дело всю свою преданность и горячую любовь к президенту.

Мороженое аккуратно запаковали и отправили на «летающей крепости» в Белый дом. Прибыло оно во-время. У президента как раз был прием в честь освоения арктических баз. На приеме присутствовали сенаторы, конгрессмены, дельцы с Уолл-стрита и дамы. Президент патетически изрек:

— Наши солдаты не только овладели Арктикой. Они с истинно американским юмором освоили там производство мороженого.

В зал вошли слуги, неся на серебряных подносах миниатюрные фортификационные укрепления, сделанные из «эскимо порций» — точная копия арктического военного лагеря «Кек-Уок».

— Вот видите! — сказал президент, поднимая мороженое на палочке. — Кто может быть более изобретательным, чем американские солдаты?

— Клянусь честью, наш президент превратился в настоящего мороженщика! — пробормотал простуженный бас.

Президент стоял, как столб. Сенаторы удивленно переглянулись. Дамы от неожиданности захихикали.

— Кто, кто это сказал? — зловеще спросил президент, пряча мороженое в карман.

— Билл! — послышался звонкий голос из кармана президента.

Все замерли. Оттаявшее мороженое заговорило. На одном подносе оно пело псалмы. На другом — неудовлетворенно говорило: «Иначе, как мороженщиком, нашего президента не назовешь. Нас он замораживает в Арктике. Планом Маршалла замораживает европейскую промышленность. В своих банках заморозил золото демократических стран».

А у одной благородной дамы мороженое начало выкрикивать такие слова, каких никогда никто не слышал в Белом доме.

Присутствовавшие — начиная от президента и кончая дамами — в панике бросились из зала, а вдогонку им хохотало, свистало и улюлюкало мороженое.

В ДЕНЬ СВЯТОГО ПАТРИКА

Рабочий день шефа Нью-Йоркской тайной полиции мистера Патрика Уолби начинался ночью. Говорили, что извилины его мозга давно приобрели формы расположения нью-йоркских улиц. Слушая сообщения агентов, он безошибочно находил и место совершенного преступления и самого преступника. На его рабочем столе стояла батарея телефонов со световыми сигналами вместо звонков, чтобы ничто не нарушало усиленной мозговой деятельности шефа.

Сегодня, в день святого Патрика, мистер Патрик Уолби погасил 60 свечей на пироге, испеченном в честь дня его рождения, и с восхищением прослушал речь президента, которую передавали по радио. Мистер Уолби после веселых именин и президентской речи находился в таком состоянии, когда человеку хочется мечтать обо всем, кроме службы.

Зеленый сигнал, который вспыхнул на одиннадцатом телефоне, заставил Патрика Уолби отбросить вольные мысли и протянуть к трубке сухую руку.

— Шеф! — взволнованно сообщил агент № 2969. — Исключительное событие. Похищена статуя Свободы! В 24 часа она была на месте. Крепкий норд-ост заставил меня забежать погреться в бар. Я вышел через 15 минут и обнаружил, что статуя Свободы исчезла.

— Сколько вы выпили порций виски? — спокойно спросил шеф.

— Две двойных.

— От такой дозы вы должны вместо одной видеть две статуи. Идите и проспитесь.

Шеф повесил трубку, но на других трех телефонах вспыхнуло еще три сигнала.

— Шеф! Катастрофа! — зазвенел в трубке голос лучшего агента № 999. — Сбежала статуя Свободы!

— Сколько вы выпили виски? — спросил шеф.

— Ни одного грамма.

— Вылейте себе на голову цистерну холодной воды и позвоните мне через 10 минут, — сказал мистер Патрик Уолби, вешая одну и беря вторую трубку.

— Шеф? Только что возле меня прошла статуя Свободы! — доложил другой агент. — Она остановилась, тяжело вздохнула, огромная слеза скатилась с уголочка ее глаза и, упав на перекрестке 43-й улицы и Бродвея, расплюснула, как муху, постового полисмена.

Мистер Патрик Уолби молча повесил трубку и закурил сигару. Всегда, получив сенсационные сведения, он сначала выкуривал сигару и, только погасив окурок в пепельнице, начинал спокойно обдумывать решение. Но на этот раз ему даже не посчастливилось докурить: тревожно сигналили все телефоны.

— Шеф! — снова послышался голос агента № 999. — Я принял холодный душ и понял: статуя Свободы не сбежала. Ее похитили коммунисты!

— Вы — светлая голова, Том! — ответил шеф. — Это то, что необходимо.

И что-то вроде несозревшей улыбки осветило пергаментное лицо мистера Патрика Уолби.

— Белый дом? — спросил он в специальную трубку из красного эбонита. — Секретарь? Говорит шеф тайной полиции. Коммунисты похитили статую Свободы. Разрешите начать срочные аресты по списку № 1 комиссии по проверке антиамериканской деятельности?

— Действуйте решительно! — ответил секретарь. — Противника надо нокаутировать, пока он в постели!

Мистер Патрик Уолби нажал на все 40 кнопок. Сорок дежурных детективов выросли перед ним. Двух слов было достаточно, чтобы сотни полицейских машин помчали стритами и авеню, оглушая всех волчьим воем своих сирен.

— Арестовано 18 тысяч! — доложил через час мистер Патрик секретарю Белого дома.

— Мало! — сказал секретарь. — Продолжайте аресты по другим спискам!

В это время статуя Свободы, зеленая от плесени, мха и водорослей, шла в город. Из-под ног ее убегали, как мошки, автомашины, в которых сидели обезумевшие от страха люди. Паника охватила весь Нью-Йорк. Один лишь Патрик Уолби, как всегда, спокойно сидел в своем кресле и принимал телефонограммы от агентов:

— Шеф! Статуя Свободы, вырвав раму, запустила руку в редакцию херстовской газеты «Дейли Мирор». Она ловила репортеров, обозревателей и редакторов, рассматривала каждого в отдельности и со всего размаха швыряла их на мостовую. Потом она добралась к самому мистеру Вильяму Рандольфу Херсту. Он залез в редакционную корзину и прикинулся забракованной заметкой. Статуя раздавила его ногтем.

— Шеф! Статуя Свободы свернула на Уолл-стрит. Сейчас она разрушает банкирские конторы. Ударами ноги она, как завзятый футболист, забивает финансовых магнатов к центру океана.

— Шеф! Статуя Свободы идет к Белому дому! «Я ухожу из Америки, — говорит она, и в голосе ее звучит медь. — Я не могу быть вывеской для вашего похабного предприятия!».

— Что делать?! — умоляли во все телефоны десятки агентов.

Ужас исказил пергаментное лицо мистера Патрика Уолби. Он схватил красную эбонитовую трубку.

— Алло! Форрестол! Немедленно разбомбить статую Свободы, иначе она убежит!

Всходило солнце. И с первыми его лучами со всех военных аэродромов поднялись сотни самолетов. Они

пикировали на беглянку. Но статуя Свободы, погруженная в свои мысли, спокойно отмахивалась от самолетов факелом, как от комаров, сотни машин с обожженными крыльями взрывались, врезаясь в землю.

— Надо разнести ее в куски атомной бомбой! — закричал мистер Патрик Уолби, бешено нажимая на все 40 кнопок. Вмиг перед ним выросли 40 дежурных детективов.

— Почему не применяют атомные бомбы?! —заревел шеф. — Сейчас она убежит.

— Кто она? — спросили все 40 детективов.

— Статуя Свободы! — ответил шеф, но, увидев на лицах сотрудников растерянные улыбки, мистер Патрик Уолби ударил себя по лбу и в первый раз за тридцать лет в присутствии своих подчиненных разразился довольным смехом:

— Фу! — сказал он. — Слава богу, что это только сон!

Перевод с украинского Ф. Байдаченко.

Александр ЛЕВАДА

«КОНФЕРЕНЦИЯ ТРЕХ»

(Пролог к музкомедии «Сердца и доллары»)

Над затемненной сценой — электрические буквы вывески: «Отель «Люкс». Перед словом «Люкс» одна за другой появляются новые буквы, и вот вывеска уже читается так: «Отель «Бенилюкс».

Занавес исчезает. На сцене — салон в отеле «Бенилюкс» в одной из западноевропейских столиц. В дверь осторожно просовывает голову князь Мориц Популеску из оперетты «Марица». Убедившись, что здесь никого нет, входит.

КНЯЗЬ. Мориц, не волнуйся! Лови момент, у тебя ведь остался последний шанс. *(Садится на кушетку).* Ах, боже мой, до чего я дожился! Подумать только: Эмигрант! Изгнанник! Это же неслыханно...

ГОЛОС БАРОНА. Свинство!

КНЯЗЬ *(вскочив с кушетки).* А? Кто это сказал? *(Осматривается).* Никто не сказал. Послышалось. Неправильно послышалось! Подумать только: кто такой был я раньше. Известный румынский князь! Цвет нации! В оперетте «Марица» прославленный! И вдруг в Румынию являются какие-то демократы, устанавливают свою республику, а мне говорят: вы, князь, никакой не цвет. Вы просто позолота...

ГОЛОС БАРОНА. Свинья!

КНЯЗЬ. Мориц, не волнуйся: тут завелись привидения!

Из-под стола вылезает барон Зупан из той же оперетты.

БАРОН. Ошибаетесь, князь. Привидения — не клопы, они в мебели не водятся.

КНЯЗЬ. Барон! Любезный!

БАРОН. Князь! Дорогой!

Об'ятия.

КНЯЗЬ. Но что за вид у вас, барон? Фрак без одной фалды. А на брюках... Ах, боже мой! У вас же там огромная латка!

БАРОН. Но и у вас, любезный князь, вид тоже задрипанный. Вся позолота облезла. Даже один эполет потеряли. Кто это вас так доконал?

КНЯЗЬ. Она.

БАРОН. Она?

КНЯЗЬ. Она.

БАРОН. Но кто же она?

КНЯЗЬ. Аграрная реформа. А вас? Тоже она?

БАРОН. Наоборот.

БАРОН. Наоборот? Но тогда — кто же?

БАРОН. Реформа аграрная.

КНЯЗЬ *(вздыхает)*. Ах, боже мой, боже мой!

БАРОН *(вздыхает)*. Ах, мой боже, мой боже!

КНЯЗЬ. Но откуда вы узнали, что в Румынии сказали, как будто бы я — позолоченная свинья?

БАРОН. То же самое сказали обо мне в Венгрии. Как вы знаете, у меня было такое себе кругленькое именьице, а в нем восемнадцать тысяч свинок. И вот в один день к моему свиньячему имению пришли.

КНЯЗЬ. Кто пришел?

БАРОН. Они.

КНЯЗЬ. Они?

БАРОН. Они

КНЯЗЬ. Но кто же они?

БАРОН. Я тоже спросил их — кто? А они отвечают: трудящиеся! Понимаете, какой это ужас? Трудящиеся! Пришли и говорят: «Господин барон! В нашей стране свиноводство необходимо, но совершенно не нужно ваше дворянское свинство». А потом еще и спрашивают: «Вы согласны с нами, господин барон?»

КНЯЗЬ. А вы?

БАРОН. Я троекратно ответил: нет, нет, нет!

КНЯЗЬ. А они?

БАРОН. А они тогда вместо имения подсунули мне одну огромную свинью.

КНЯЗЬ. Ах, до чего мы только дожили!

БАРОН. До чего только нас дожили!

Дуэт

КНЯЗЬ. Плачут очи, плачут мои очи.
БАРОН. Не найти моему горю дна.

ВМЕСТЕ. Загубила наши дни и ночи...
БАРОН. Кто?
КНЯЗЬ. Она!
БАРОН. Она!
ВМЕСТЕ. Она! Она!
КНЯЗЬ. Где мои поля, леса и реки?...
БАРОН. Где вы, мои свиньи и хряки?..
ВМЕСТЕ. Отобрали их у нас навеки.
КНЯЗЬ. Кто?
БАРОН. Они!
КНЯЗЬ. Они!
ВМЕСТЕ. Они! Они!
КНЯЗЬ. Без имений радости нет.
БАРОН. Сиротой везде блуждаю я.
ВМЕСТЕ. И никто не узнает,
Где могилка моя!

БАРОН. Дорогой князь! Но об'ясните мне, зачем вы забрались в этот отель.

КНЯЗЬ. Вначале об'ясните, чего вы в этом отеле залезли под стол.

БАРОН. Я узнал, что сюда прибывает сам американский уполномоченный по морши... парши... маршовизации Европы.

КНЯЗЬ. Как, как?

БАРОН. Никак не могу выговорить... Ага, вспомнил: уполномоченный по манипуляциям в Европе...

КНЯЗЬ. Вы хотите сказать — уполномоченный по маршаллизации Европы?

БАРОН. Ну да, я ж и говорю — уполномоченный по манипуляциям в Европе. Одним словом, я узнал, что сюда прибывает американский уполномоченный мистер Бизон.

КНЯЗЬ. И я тоже узнал.

БАРОН. Вот я и решил просить его..

КНЯЗЬ. И я решил просить.

БАРОН. Но швейцар может не пропустить. Так я забрался сюда заблаговременно.

КНЯЗЬ. И я заблаговременно.

Слышен шум голосов.

БАРОН. Идут!

КНЯЗЬ. Мориц, не волнуйся! *(Выглядывает в дверь)*. Нет, это еще не он. Это министры двух западноевропейских государств — сэр Буль-Буль и мосье Деваляй.

БАРОН. Может быть, попросим у них?

КНЯЗЬ. У меня правило: не проси у нищего. Пойдем отсюда, переждем в коридоре.

Выходят. Из другой двери входят Буль-Буль и Деваляй.

БУЛЬ-БУЛЬ. Не забывайте, уважаемый коллега, что у меня с мистером Бизоном расовое родство. Поэтому я первый буду ухаживать за ним и угождать ему.

ДЕВАЛЯЙ. Но я лучше знаю его вкусы. Это же я велел переименовать это помещение в «Бенилюкс»! Прекрасное название для отеля!

БУЛЬ-БУЛЬ. Зато у меня больше заслуг в прошлом! Не забывайте, что я помогал взрывать Мюнхен!

ДЕВАЛЯЙ: А я... А я открыл границу к генералу Франко!

БУЛЬ-БУЛЬ. Я саботировал второй фронт!

ДЕВАЛЯЙ. А я пустил Гитлера в Париж!

БУЛЬ-БУЛЬ. Я выдумал железный занавес!

ДЕВАЛЯЙ. Высокоуважаемый сэр! Не врите! Железный занавес выдумал Геббельс, а Черчилль у него украл, а вы уже украли у Черчилля!

БУЛЬ-БУЛЬ (*угрожающе*). Мосье Деваляй!

ДЕВАЛЯЙ (*угрожающе*). Сэр Буль-Буль!

Хватают друг друга за борта. В этот миг в дверях появляется Бизон.

БИЗОН. Это что за шум? Буль-Буль на место! Деваляй, тубо, замрите!

ДЕВАЛЯЙ. Пардон, мистер Бизон!

БУЛЬ-БУЛЬ. Простите, уважаемый дядюшка!

БИЗОН. Не забывайте, что вам надо сплотиться, а не грызню устраивать! Я сам поссорю вас, когда это будет мне необходимо. А сейчас — за дело. Время — это деньги. По местам!

Буль-Буль и Деваляй с салфетками в руках возле Бизона.

БИЗОН. Начинаем конференцию. Председательствую я. Докладчик я. Резолюцию вырабатываю тоже я. А вы проголосуете. (*Грозно*). Согласны?

БУЛЬ-БУЛЬ и ДЕВАЛЯЙ (*хором*). Согласны!

БИЗОН. Принято единогласно. Перехожу к первому вопросу. Господа министры! Я привез в Европу...

БУЛЬ-БУЛЬ и ДЕВАЛЯЙ (*хором*). Доллары?

БИЗОН. Нет, план. Новый чрезвычайный план. Сначала план, а потом...

БУЛЬ-БУЛЬ и ДЕВАЛЯЙ (*хором*). Доллары?

БИЗОН. Гм... А потом... (*Достает из кошелька доллар, манит им Буль-Буля и Деваляя. Потом прячет доллар в карман*). Потом увидим. Короче говоря — согласны?

БУЛЬ-БУЛЬ и ДЕВАЛЯЙ (*хором*). Согласны!

БИЗОН. Принято единогласно. Суть своего чрезвычайного плана я изложу на следующем заседании нашей конференции. Тогда же сразу и проголосуем.

ДЕВАЛЯЙ. Высокоуважаемый мистер Бизон! Зачем же откладывать? Проголосовать можно и сейчас. Сначала проголосуем, а затем осведомимся о сути. Ведь не в том суть, какая в вашем плане суть, а в том суть, сколько за эту суть нам поднесут.

БИЗОН. Ол-райт! Как убежденный демократ, я не могу возражать против таких предложений с мест. Голосую. Согласны ли вы одобрить мой чрезвычайный план, суть которого я расскажу вам потом?

БУЛЬ-БУЛЬ и ДЕВАЛЯЙ (*хором*). Согласны!

БИЗОН. Принято единогласно. Перехожу к следующему вопросу. Я предупреждал вас, что для осуществления моего плана мне будут необходимы достойные деятели. Достойные и надежные. Подобрали вы таких людей?

БУЛЬ-БУЛЬ. Подобрали. Прекрасные люди! Надежные люди!

БИЗОН. Где же они?

БУЛЬ-БУЛЬ. Ожидают в соседней комнате.

БИЗОН. Так почему же вы до сих пор молчите? Быстро сюда их! Время — это деньги! Давай, Буль-Буль. Валяй, Деваляй!

Деваляй раскрывает дверь в соседнюю комнату.

ДЕВАЛЯЙ. Экземпляр номер один. Генерал де-Ноль. Давай де-Ноль! Парад-алле!

Под звуки цирковой музыки входит на ходулях генерал де-Ноль. Несколько раз проходит по сцене, дефелируя перед Бизоном, потом слезает с ходулей и становится «навытяжку».

БИЗОН. Подходящий экземпляр. С ним можно будет делать бизнес. Но умеет ли он влиять на массы?

ДЕВАЛЯЙ. О, генерал де-Ноль — прекрасный оратор. Настоящий Дема... Демо... Демагосфен! *(Де-Нолю)*. Давай, де-Ноль! Демонстрируй! Произноси речь!

Де-Ноль хищной, угрожающей походкой выходит на авансцену и произносит длинную речь без слов. Жестами и мимикой он зло угрожает слушателям, а затем ласково улыбается Бизону и с профессиональной выправкой, кокетливо заигрывает с ним, потом снова зло угрожает слушателям, еще раз заискивающе кланяется Бизону и протягивает к нему фуражку за подачкой.

БИЗОН. Годится. Зачислить на довольствие. *(Де-Ноль отходит в сторону)*. Кто там еще?

БУЛЬ-БУЛЬ. Лидер местных социал-демократов господин Шухер.

БИЗОН. Социалист?

БУЛЬ-БУЛЬ. Правый! Правый! Моей школы! Целиком свой и целиком ручной.

БИЗОН. Не настоящий?

БУЛЬ-БУЛЬ. Что вы, что вы! Эрзац! Суррогат.

БИЗОН. А, сара... суррогат! Это хорошо. Но он не особенно откровенно раскрывает перед массами, что он правый?

ДЕВАЛЯЙ. Ах, мистер Бизон! Я думаю, что не наше дело следить за теми, что справа, наше дело — не давать левым права!

БИЗОН. Ол-райт! Вы имеете основание. Пусть явится.

БУЛЬ-БУЛЬ (*в дверь*). Шухер, на сцену! Гоп!

Музыка. На задних лапках вбегает Шухер, быстро пробегает по сцене.

БИЗОН. Он дрессированный?

БУЛЬ-БУЛЬ. Образцово! Прошу убедиться (*Шухеру*). Шухер, коммунисты!

Шухер немедленно становится на все четыре лапы, хищно наеживается.

ШУХЕР. Гав, ав, ав, ав!

БУЛЬ-БУЛЬ. Шухер, доллары!

Шухер снова становится на задние лапы, нежно визжит, берет в зубы цилиндр и, помахивая хвостом, подходит к Бизону.

БИЗОН. Подходящий. Зачислить на довольствие. (*Шухер отходит и замирает рядом с де-Нолем*). Кто далее?

БУЛЬ-БУЛЬ (*подобострастно*). Герр фон-Труп!

ДЕВАЛЯЙ (*подобострастно*). Сам герр фон-Труп!

БИЗОН (*встает*). Немецкий промышленник?

ДЕВАЛЯЙ. Да! Известный военный преступник!

БУЛЬ-БУЛЬ. Мы доставили его прямо из тюрьмы. Без пересадки.

БИЗОН. Ол-райт! Просите! Немедленно!

Деваляй бросается к дверям, но его отталкивает Буль-Буль.

БУЛЬ-БУЛЬ. Нет, коллега! Дверь для фон-Трупа открою я!

ДЕВАЛЯЙ (*отталкивает Буль-Буля*). Нет, я!

БУЛЬ-БУЛЬ. У меня заслуги!

ДЕВАЛЯЙ. У меня опыт!

БУЛЬ-БУЛЬ (*Бизону*). Мистер Бизон, рассудите!

ДЕВАЛЯЙ. Рассудите нас, мистер Бизон!

Буль-Буль и Деваляй раскрывают двери. Входит фон-Труп. Бизон встает ему навстречу.

БИЗОН. Алло, герр Труп. Приветствую вас! Надеюсь, что ваше тюремное заключение проходит нормально?

ФОН-ТРУП. О, данке зер! Я за последний месяц поправился на двенадцать килограммов.

БИЗОН. Очень рад. На этих днях мы разрешим вам возвратиться на вашу виллу.

ФОН-ТРУП. О нет, мистер Бизон! Мне в тюрьме есть не хуже. А главное — безопаснее! Ваши полицейские прекрасно охраняют меня.

БИЗОН. Понимаю: вы боитесь агентов Коминформа?

ФОН-ТРУП. Что вы, мистер Бизон! Я человек реальности и в газетные выдумки не верю. Я боюсь другого. Дело в том, что в Германии теперь есть много вдов. И каждая вдова, вспоминая своего убитого на войне мужа, почему-то обязательно хочет выцарапать

мне глаза. Понимаете, вдов много, а глаз-то у меня только два, я их берегу! Ха-ха! Ха-ха! Ха-ха!

БИЗОН. Хо-хо! Хо-хо! Хо-хо!

ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ (*как по команде*). Хе-хе! Хе-хе! Хе-хе!

БИЗОН. Хорошо, мы будем делать так, как для вас удобнее. (*Строго*). Но все же не забывайте, герр Трупп, что вы военный преступник! Вы понимаете, в чем ваше преступление?

ФОН-ТРУП. Ах, понимаю. Вы одалживали мне много долларов, а я вырабатывал недостаточно много пушек. Надо было больше, значительно больше!

БИЗОН. И за это мы накажем вас! Мы назначаем вас директором нового промышленного концерна западной зоны, и вы будете работать в два раза больше, нежели прежде! Фэрштейен зи!

ФОН-ТРУП. Ах, мистер Бизон, я понимаю вас с полуслова.

БИЗОН (*к министрам*). Кто там у вас еще?

БУЛЬ-БУЛЬ. Пока-что все.

На пороге появляются князь и барон.

КНЯЗЬ. Как это все?

БАРОН. А мы? Мы тоже немного фоны и немного трупы и тоже желаем воскреснуть!

БИЗОН. Кто вы, господа?

КНЯЗЬ. Румынский князь. Бывший.

БАРОН. Венгерский барон. Прошлый.

БИЗОН. Я, кажется, где-то видел вас?

КНЯЗЬ. А как же! В оперетте «Марица». Припоминаете: «Мориц, не волнуйся».

БИЗОН. О, так вы не настоящие князь и барон, а опереточные! В таком случае взять вас на службу я не могу.

БАРОН (*князю*). Мориц, волнуйся! Иначе здесь для нас сделают свинство.

КНЯЗЬ. Мистер Бизон, будьте справедливы! А разве король, которого вы послали на трон в одной очень маленькой и очень древней стране, — не опереточный? А разве, например, ваша балканская комиссия не опереточная? А разве... и так далее и так далее...

БИЗОН. Остановитесь, а то услышат! Не надо «и так далее», мне уже ясно. Зачисляю вас в резерв. *(Ко всем)*. Итак, господа, за дело! Нас ждет большой бизнес!

Все.

Бизнесу, бизнесу наши молитвы,
Доллару, доллару наши сердца!
Вновь разжигать готовы мы битву,
Чтобы не было его царству конца.
Эх!

Бизнесу — молитвы,
Доллару — сердца!
Пусть грохочут битвы
Хотя и без конца!

Танцуют групповой эксцентрический танец. В разгаре танца вбегает херстовский журналист Кайманчик.

КАЙМАНЧИК. Господа, новость! Сенсация! В город прибывает советская культурная делегация!

Все остановились, как громом поражены. И вмиг началась паническая беготня.

ШУХЕР. Гав-ав-ав-ав!

ДЕВАЛЯЙ. Цивилизация в опасности!

ДЕ-НОЛЬ (*садится верхом на ходулю и воинственно выхватывает саблю*).

БИЗОН. Проследить, открыть, раскрыть и... и закрыть!

Занавес.

Перевод с украинского Ф. Байдаченко.

Грицько БОЙКО

ПАРТІЯ БІЛЬШОВИКІВ

Комуністична, вічно молода,
Другої я подібної не знаю.
Вона за долю мас відповіда
І в боротьбі завжди перемагає.

Вона трудящим вірною була,
Ясні шляхи в життя нове відкрила.
Того ніхто й ніколи не здола,
Хто має в серці краплю її сили.

Народів братніх радісна сім'я
Її теплом і правдою зігріта.
Ми Леніна і Сталіна ім'ям
Звемо її, як найдорожчу в світі.

Комуністична, вічно молода —
У неї стільки слави й героїзму!
Пишаюсь я, що я її солдат
У боротьбі за справу комунізму.

У неї стане сили і снаги,
Щоб світ новий, величний збудувати.
І Партії, єдиній, дорогій
Готовий я життя своє віддати!

Виктор ШУТОВ

МОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Мне двадцать пять.
С походами, с боями
Браталась молодость моя.
В войне отважными делами
Себя прославили друзья.
Под грохот смертного металла
Я на врага вставал и шел —
Меня земля благословляла,
Давал мне силу комсомол.

Мне двадцать пять.
Дорогой грозовою
Нас знамя Родины вело. —
Я горд, что молодость войною,
Огнем сражений обожгло,
Что я со славою солдата
В поверженный Берлин пришел.
Я горд, что смелые орлята
Твои герои, комсомол.

Мне двадцать пять.
Я сердцем и делами
Свою страну благодарю
За жизнь с широкими путями,
За нашу ясную зарю,
За звезды счастья над землею,
За комсомольские дела.
Горжусь судьбой я молодою —
Она прекрасна и светла.

Мне двадцать пять.
Друзья и однолетки,
Мы, став под комсомольский стяг,
В бою и в стройках пятилетки
На партию равняем шаг.

Нам указал дорогу Ленин,
Великий Сталин нас повел. —
Так славься, юных поколенье,
Семья бесстрашных — комсомол.

В ГОРОДЕ ЖДАНОВЕ

На улице Первого Мая,
где клены с листвою резной,
откуда дорога прямая
ведет к стороне заводской,
где юность, волнуясь, проходит
с мечтою о славных делах,
есть дом, о котором в народе
останется память в веках.

Есть дом...
Здесь родился и вырос
народной души человек.
В нем сердце партийное билось
в прославленный сталинский век.
По улице Первого Мая
в июльский, вишневый рассвет
иду я, к груди прижимая
с волненьем партийный билет.
А мир предо мною огромный,
в сиянии солнечном даль,
гудят азовстальские домны,
в мартенах рождается сталь.
И, порт будоража гудками,
ложатся на курс корабли —
им плавать чужими морями
полпредами нашей земли.
Иду я по улице этой,
строитель сегодняшних дней,
большою любовью согретый
Отчизны великой моей.
И снова встает предо мною
партийной души человек,
всю жизнь только живший борьбою
в двадцатый прославленный век.

...На мраморе сером отмечен
утраты безвременной год.
Нет, Жданов не умер! Он вечен,
как вечен советский народ.
Сквозь бури,
                    сквозь годы,
                                        сквозь даты
планета идет в коммунизм.
Товарищ и друг, навсегда ты
вошел и в победы и в жизнь.

Владимир ТРУХАНОВ

ВАН Ю-ЛИ

...Что приумолкла, пехота,
Слова не можешь сказать?
Соленая от пота —
Топчешься,
Вниз глаза.
Всходит военное солнце,
Солнце России моей.
Пристальней, чем в бессонницу,
Мимо печальных друзей,
Мимо правды жестокой
Глядит Ван Ю-ли на восход:
Мао Цзе-дун на востоке
Поднял его народ.
В той стороне, где солнце
Сейчас набирает цвета,
В море бросает японцев
Борющийся Китай.
Там коммунисты-подпольщики
О нем сейчас говорят.
А он, Ван Ю-ли... он больше
К ним не придет в отряд.
Снимите кепи в Учане,
Далекие наши друзья!
Замри, Пекин, в печали
И Янцзыцзян.
Был он хорошим другом,
Товарищем русских был.
Он полюбил наши вьюги,
Но о вас не забыл.
Всегда, посылая выстрел,
Он говорил нам:
«На одного фашиста
Будет меньше там»...
И вот он лежит. Красивый,

Как жизнь его, как мечта.
Здесь, на полях России,
Он погиб за Китай.
Сполохи злых пожарищ
Ветры ночами несли.
Был у меня товарищ
Китаец Ван Ю-ли.
Был... А теперь — нету...
А он всю жизнь мечтал
Увидеть,
о чем в газете
Сегодня я прочитал.
В той стороне, где рано
Брезжит, рождаясь, день,
Сломлен оплот Гоминдана
Армией Чжу Дэ.
Отныне Китай — свободный.
Знаменами, ветер, играй:
Республикой народной
Назвал себя Китай!
И в эти дни, — я знаю, —
Там о тебе, Ван Ю-ли,
Как о живом, вспоминают
Люди твоей земли.
Всегда, посылая выстрел,
Ты говорил нам:
«На одного фашиста
Будет меньше там»...
Своей слезы не скрою,
Но взор не потупится вниз:
Вечно живут герои,
Павшие
за Коммунизм!

Семен ЦВАНГ

СВАДЬБА

На весь поселок разыгралась свадьба,
Такой в свой век не знали старики,
Стоят столы рядами вдоль усадьбы,
Пируют, веселятся горняки.

Здесь каждому за тем весельем место,
За чаркой чарка полнится вином.
Танцует развеселая невеста,
И ленты развиваются кругом.

Пошел вприсядку, пляшет стройный парень.
Играй, гармонь! Ему ли уставать?
Желают счастья этой славной паре —
Летят кругом приветные слова.

И телеграммы от людей знакомых
С отметкой «Киев», «Ленинград», «Урал»,
И даже лично секретарь обкома
Шахтеру поздравление прислал.

Отец невесты, счастьем взволнован,
За Сталина свой первый тост поднял:
— Прими, создатель этой жизни новой,
Такое пожеланье от меня:

— Живи, родной наш, много лет на свете
Чтоб внуки все, моим годам подстать —
Вот этой пары будущие дети
Могли тебе того же пожелать!

И грянул хор заздравную, бокалы
Были, как песня радости, звонки,
На весь поселок свадьба разыгралась,
Пируют, веселятся горняки.

Сергій ВОСКРЕКАСЕНКО

З НОВИМ РОКОМ

Ластівки іще літали
У шахтарському саду,
А відбійники вітали
Третій раз із новим роком
Филимона Лободу.

І вітали вже аж тричі —
Та не в шутку, зовсім ні, —
Лобода за три квартали
Дав три норми виробничі,
Не піврічні, а річні.

Ще напровесні, чи влітку
Так сказав цей чоловік:
— Друзі, ви собі як знайте,
Я ж четверту п'ятилітку
Хочу виконать за рік! —

Горда посмішка й щаслива
Друзям на вуста лягла.
«Чи не випив хлопець пива»...
Говорили ті, що звикли
Працювати спроквола.

Лобода й собі всміхнувся,
Що ж, мовляв, і так бува...
Він в оратори не пнувся,
Знав бо здавна, що робота
Краще діє за слова.

А вже сам як слово скаже —
То нізащо не злама.
Все продумає і зваже,

Як на фронті, а солдати
Єлів не кидають дарма.

І звитяжця орден Єлави
Не даремно має він,
Дві медалі За відвагу,
За Кавказ і За Варшаву,
І За Прагу й За Берлін.

...Ластівки іще літали
У шахтарському саду,
А відбійники вітали
Третій раз із новим роком
Филимона Лободу.

До зарубної машини,
Не машини, а краси,
Лобода стає й хвилини
Не гайнує.
І працює
Та машина, як часи.

Чорне золото із лави
Полилося, як вода.
І навальники сказали:
— Добрі нині наші справи,
Раз у шахті Лобода!

Веселіше засвистіла
На-гора з вугіллям кліть.
— Ну, сьогодні буде діла,
Так відкатниці сказали,
Лобода не дасть сидіть!

І по всій по залізниці,
Пожвавіли люди вмить, —
Що за сім годин робили,
Почали за три робить.

Паровоз помчав скоріше,
На верству з вагонів хвіст...
Стали швидше й веселіше

Пролітати гори й доли,
Усміхнувся машиніст.

На ростовському Сільмаші,
В Зопоріжжі, у Москві —
Кажуть люди:
— Мабуть, наші
Теж до діла приступили,
Наші друзі фронтові.

І готовий до походу
Танк раніше на три дні!
І раніш на цілий тиждень
Трактор вийшов із заводу
Й загримів у борозні.

І не холод у кімнати,
А тепло вперед зайшло.
Спочивати й працювати
Всім у цьому році стало
Краще, ніж торік було!

Зовсім незнайомі люди,
Літні вже і молоді,
Надсилають звідусюди
Привітання і подяку
Филимону Лободі.

Хлопець тепло посміхнеться
В відповідь на ті слова, —
І йому тоді здається,
Що його машина в лаві
Не грімкоче, а співа —

Те, що він сказав улітку,
В праці дням згубивши лік:
— Друзі, ви собі як знайте,
Я ж четверту п'ятилітку
Здійсню все-таки за рік!

Павел ШАДУР

СКВОРЕЦ И ПОПУГАЙ

(Басня)

Скворцу пришлось увидеть Попугая.
Его нарядом восторгаясь,
Он завопил: «Вот это птица!
Ну сразу видно — заграница!
И что за стиль,
И как одет, —
У нас таких костюмов нет!
И что за голос, наконец,
Он, верно, оперный певец!
Уж он поет, не то, что мы поем...»
Решился Попугай ответить на прием.
Надулся весь,
Стал красным, как бурак,
И закричал: «Дур-р-рак!»
С шарманкой он обслуживал базар,
И то был весь его репертуар.

* * *

У нас не вывелись такие вот Скворцы,
Чужое все хваля
И все свое ругая,
Они и арии свои
Поют под Попугая.

ПОРОДА И УГОЛЬ

(Басня)

Однажды Террикон пред всеми хвастал вслух:
«Я так велик,
Я так огромен,

Я выше труб и выше домен,
Кто взглянет на меня — захватывает дух!
Я виден всякому издалека.
Известен каждому от края и до края.
Вот захочу, и облака
Могу достать, руки не поднимая.
Один художник знает обо мне,
Я был изображен
На полотне...»
Он долго говорил и все в такой же форме,
Увидев Уголь на платформе
И адресуя речь свою к нему
Лишь одному.
Но Уголь отвечать ему не мог,
Он торопился на Восток,
Его заводы ожидали.
Он стал огнем,
Он жил в металле.
Все говорили с уважением о нем.
А Террикон
Хлестали ветры с четырех сторон:
Он с каждым днем все выше поднимался,
Но все ж породой оставался.

* * *

Мы знаем и людей такого рода:
Иной — послушаешь — уж так себя вознес,
Так хвалится и задирает нос,
Но если вникнуть в глубину — порода.

КОМБАЙН И ЛОПАТА

(Басня)

Когда наш угольный Комбайн
Был спущен в лаву,
Он славу
Завоевал себе по праву —
Шахтерский труд Комбайном облегчен...
Но как-то был Лопатой встречен он.

А у Лопат свое, известно, мненье.
Лопата говорит: «Меня берет сомненье,
Вот Врубовка — твоя родня
Прожить не может без меня
Ни дня.
На что уж мощный агрегат,
А все ж грузить меня всегда просила.
Нет, вам не обойтись без нас,
Лопат,
Мы — главная на шахте сила!
Еще придут к Лопате на поклон...»
Но тут Комбайн был пущен под уклон,
На транспортер пошел потоком уголь...
А что ж Лопата?
Брошенная в угол,
Она теперь уборкой занята.

* * *

Я здесь Лопату вывел неспроста.
Таких Лопат у нас еще немало,
Они живут, довольные собой,
А новое давно пришло в забой,
И что вчера казалось нам мечтой,
Сегодня нашей жизнью стало.

МЕДВЕДЬ НА БАЗЕ

(Басня)

Медведь в лесу устроился на базу.
И сразу
Завел порядок здесь такой:
Он не снабжал ни мясом, ни мукой,
А только медом.
Что сделаешь с лесным народом,
Им не по вкусу мишкин мед:
Лисица просит кур,
А где он их возьмет?
Стучится Заяц в дверь
И требует капусты.
Но Мишка отвечал: «Поверь,
Я говорю тебе, как честный зверь,

На главной базе тоже пусто.
Я б все доставить рад,
Мне в тресте обещали,
Но Лев не хочет подписать наряд...»
Известно: звери меда не едят,
И все порядком отощали,
Зато Медведь запустит лапу в мед
И целый день сосет.
Он стал лосниться, как Енот,
Отделал заново берлогу,
И понемногу
Так обнаглел,
Что отошел от всяких дел
И целый день над бочкою сидел.

***

А что касается морали —
Она проста:
Нельзя сажать Медведей на места,
Где Мишки медом лапы замарали.

ВОРОНА-КРИТИК

(Басня)

Весной
Вернулись птицы в край родной.
В березовые рощи
И сады,
Где в зелени, как зеркало, пруды.
Им ветка каждая в родном лесу знакома,
И каждый куст...
На радостях, что птицы снова дома,
Об'явлен был концерт
Всех мастеров искусств.
Уже пропели Иволга и Дрозд
И слушателей тронули до слез.
Но вышел Соловей.
Он пел с таким огнем,
А в песне был такой под'ем,

Такая радость,
Так песня вдохновляла и звала,
Что даже Воробью вдруг показалось:
Он — Воробей,
Но с крыльями Орла!
Певцов благодарят,
Их песням каждый рад,
И лишь Ворона каркает на ветке
Своей соседке:
«Р-ремесленники! Гр-рубый примитив!
Все песни на один мотив!
Ни психологии, ни глубины,
А были ж за границей!
Могли бы там,
У птиц чужой страны
Искусству исполненья поучиться.
Мне заграничный вкус
И стиль знаком,
Его усвоить нашим птицам надо...»
И с тем Ворона скрылась за леском,
Чтоб поискать
На старой свалке падаль.

* * *

Немало вышло всякого вранья
Из-под пера у Воронья.
Но не пугает нас вороний суд.
Вороны каркают,
А Соловьи поют.

Степан ОЛІЙНИК

«ІМПЕРАТОР»

— За те, що найбільше мій виробив трактор,
Придбав восени я звання — «імператор!»
А звуть мене з роду — Олекса Біда!..
— І став «імператором»?!..
— Да!
— Случилось це так. На любиму машину
Відразу я сів, як вернувся з війни.
Від квітня до жовтня в полях без упину
Відважував скиби...
І от восени, —
Покликали нас із ланів Чорномор'я
Вітчизні складать найпочесніший звіт.
Спинив — ще заведений в квітні — мотор я
І вирушив, друзі, —
В Одесу
На зліт.
Побачили б ви, на якім «лімузині»
Від станції мчався я, степу орач!
Бульвар... Ось і «Лондонська». В тій же хвилині,
Відкрив мені двері швейцар-бородач.
Ввійшов: у плащі, модна шляпа крислата...
І геть спантелечив старого портьє.
Прийняв він, мабуть, мене за «дипломата».
— З якої, — питає, — країни, мусьє?..
— Ну, що йому скажеш? Морока та й годі!
«Мусьє» у Біди — і в роду не було.
З тієї країни, — кажу, — що в народі
По-простому зветься — колгоспне село!
...Причім же тут, скажете ви, «імператор»?
— Притім, що увечері, в пам'ятний час —
Пішов я на зліт у відомий театр,
Де грала музика, стрічаючи нас.
Пригладив зачіску. Поважно заходжу.

Та місце припало мені не в партер —
В найкращу з усіх, в позолочену ложу
Провів, поклонившись, старик-білетер.
Розмови... Музика. Минають хвилинки...
Куди не погляну — все друзі мої...
І так захотілось, щоб глянула жінка —
В якій-то пошані Олекса її!
...Початок!
Від серця говорить оратор
Про партію нашу, про силу труда.
— Дивіться! В цій ложі сидів імператор!
А зараз сидить в ній Олекса Біда! —
Сказав він... І зал — як заплеще в запалі.
Вклонитися б, може, та я ж не артист:
Такий, як і всі, в цьому світлому залі —
Степів чорноморських простий тракторист!
Я вмію глядіти мотор, радіатор,
Від снігу до снігу машину воджу.
Якщо ж у цій ложі сидів імператор,
То більше не сяде —
Бо я тут сиджу!
Розказують, він появлявсь тут «негласно»,
Боявсь, щоб не бути у всіх на виду.
А я розмістився тут вільно й прекрасно,
І всім тепер видно Олексу Біду!
Вночі, як кінчилась класична вистава,
Як вийшли співці аж до рампи, на край —
Вклонилась мені, усміхнувшись лукаво, —
Тендітна і ніжна «мадам Бетерфляй!»
Відтоді й пішло!.. Хто не стріне в театрі —
Той руку потисне, той жарт підкида:
— Здорово, Олекса!.. Привіт, «імператор»!
Сидіть в такій ложі Біді не біда!
— Да, да!..
Й покотилось по краю, по всьому
Нове моє, сповнене жарту, «ім'я»,
Прибув із Одеси до рідного дому,
І слухайте, як мене стріла сім'я:
Одкрив лише двері, заходжу до хати,
А жінка назустріч синочка несе.
— Приїхав наш милий татусь-«імператор»!
По радіо, — каже, — ми слухали все!

...На ранок я був уже знову на полі,
Мотора завів — і до праці, в похід!
Бо тим, що зробив, милуватись доволі:
Інакше обгонить колега-сусід.
Хай мокро на ниві. Хай тяжко орати.
Та я переверну ще гори ріллі!
Бо я тут хазяїн,
Бо я «імператор» —
Всієї, що видно довкола, землі!
Робить — так робить!
Втроє сили помножу,
Щоб вище здіймалася слава труда,
Щоб завжди сидів в «імператорській ложі»
Землі «імператор» —

Олекса Біда!

Остап ВИШНЯ

«ЗЕНІТКА»

Сидить дід Свирид на колодках. Сидить і стружить верболозину.

— Як діла, дідусю? Драстуйте!

— Драстуйте! Діла? Діла — нічого! Діла, як казали оті песиголовці, — гут!

— І по-німецькому, дідусю, навчились?

— Атож. У соприкосновенії з ворогом був, — от і навчився.

— І довго, дідусю, соприкасались?

— Та не так, щоб дуже й довго, а проте троє й од мене «у соприкосновеніє з землею» пішли. Загребли трьох отам на вигоні... І могилу вони були насипали й хреста поставили; так як наші оце повернулись, я й хреста порубав і могилу по вітру розвіяв... Щоб і сліду од погані не було.

— ...Розказати, кажете? Ну, слухайте.

...Наближалися німці, знелюдніло наше село. Кілька старих бабів тільки лишилося. Опинився й я по той бік річки, в лісі, у партизанах... Обіда хлопцям варив, коні пас. Та й закортіло мені подивитись, хто ж у моїй хаті за хазяїна тепер править, бо одинцем я жив, як палець. От одного разу підійшов я до річки, як уже добре смеркалось, витяг з очерету човна, сів, поплив та й висадився десантом у себе ж таки на березі. Висадився десантом, а потім перебіжками, перебіжками поміж соняшниками та за хлівом у лопухах і замаскувався. Замаскувався і сидю. А в хаті, бачу, світло горить, гомонять, чую, дехто співати зривається.

Я сидю, чекаю: хай, думаю собі, як поснуть, тоді вже я прийму рішеніє. Довгенько довелось чекати. Коли ось двері на ганок — рип! — виходять троє: двоє, чую, німці, а третій Панько Нужник, — за старосту вони

його призначили. Батько його крамничку в нас держав, а воно, сопливе, виплакало, щоб його в колгосп прийняли. А тепер, бач, ст-а-ро-ста! Вийшли й прямують до хліва. А в хліві в мене на горищі трохи сіна було... Так ото Панько їх туди ночувати веде, бо в хаті душно. Полізли вони на горище, полягали. Чую, — хропуть. Я з лопухів потихесеньку, навшпиньки у хлів. У руках у мене вила-трійчата, залізні. Я розмахуюсь та крізь лісу вилами — раз, два, три!

Як заверещать вони там, як закричать:

— Вас іст дас!?

А Нужник:

— О, рятуйте! Хтось із землі з зенітки б'є!

Ага, думаю, сукини ви сини, уже мої вила вам за зенітку здаються, почекайте, ще не те буде. Та з тим знову перебіжками у берег, на човна й на той бік. За три дні поздихали вони всі троє: так переказували потім із села. Я їм вилами животи попротикав. Отаке моє з ворогом соприкосновеніє.

— Скільки ж вам, діду, літ?

— Та хто й зна! Чи сімдесят дев'ять, чи вісімдесят дев'ять? Хіба їх полічиш? Знаю, що дев'ять, а яких саме, уже й не скажу.

— І ото ви не побоялись — один на трьох?

— Побоявся? Та, чоловіче божий, війна — це ж моє рідне діло. Я ж увесь свій вік воювався з...бабою. Лукерки моєї не знали? Хіба ж такі страженія були, як з отими поганцями на горищі? Та я їх як щурят подавив! А покійниця моя — хай царствує! — та вона б сама на дивізію з рогачем пішла! На що ми з кумом — царство йому теж небесне! — було вдвох... та куди там!

Сидю було я під повіткою, зубці до грабель тешу, а вона вийде на ганок та як стрельне:

— Свириде!

Вірите, сокира в мене в руках сама собі тільки — стриб! стриб! стриб! Як на теперішню техніку, так чиста тобі «Катюша». З нею я так напрактикувався, що ніяка війна — мені ані під шапку. Наступати на Лукерку, щоправда, я не наступав, більше одбивав атаки, а воювати доводилося мало не щодня.

Одного разу, в неділю, ми з кумом, ще й на достойне не дзвонили, не видержали: хильнули. І добренько-таки хильнули. Коли ось Лукерка з церкви!

— Держись, — кажу, — куме, битва буде! Якщо поодинці, будемо биті. Давай згуртуємось у військове соєдіненіє, бо інакше розгром. Перемеле живу силу й техніку! Утворили ми соєдіненіє. Тільки-но вона на ганок, я зразу вроді як на «ура»:

— Що це ти по церквах до полудня товчешся!? Піп медом частує, чи що!?

А кум з правого флангу заходить. Але тут у нас ошибка організаційна вийшла: рогачів ми не поховали. Ех! — вона за рогача і в контратаку! Прорвала фронт. Ми з кумом на зарані підготовані позиції — в погрібник. Опорний, вроді, пункт.

Уже й пироги прохололи, а вона нас в погрібнику в окруженії держить. Сидю я за діжкою з сирівцем, куняю.

Кум і каже:

— Як знаєш, — каже, — Свириде, а я до своїх пробиватися буду. У моєї Христі теж сьогодні пироги.

— Дивись, — кажу, куме, тобі видніше. А краще не ризикувати завидна, хай як смеркне.

— Що ти, Свириде, як смеркне? Та які ж смерком пироги?

Перехрестився кум і рвонув в н-ському направленії. І таки пробився в розположеніє своєї Христі. Щоправда, рогачем його таки контузило, але з ніг не збило!

А я аж до вечора в окруженії за діжкою з сирівцем просидів. Тільки ввечері уласкавилась трохи Лукерка: підходить, одчиняє погрібника:

— Сидиш? — каже.

— Сидю! — кажу.

— Іди ж хоч галушок попоїж, а то охлянеш!

— Кинь, — кажу, — рогача, тоді вийду!

Бойова була покійниця!

Було з нею й стратегії й тактики. Де ми з кумом тільки не маскувались: і в картоплинні і в коноплях. Та обнаружить було враз! Обнаружить — і витіснить! Та тіснить, було, аж до водяного рубежа, до річки. А ми з

кумом плавати не вміли, стоїмо у водяному рубежі на дистанцію, щоб рогачем не дістала. Стоїмо, мокнемо.

А вона:

— Мокнете!? Мокніть, іродові душі, я з вас конопель натіпаю!

Та після такої практики мені з отими гнидяними хрицями й робити не було чого. Шкода — кума нема: ми б з ним у соєдіненії не те б показали.

Кум і льотчик кріпкий був. Асс!

Трусимо ми якось кислиці з кумом. Повилазили на дерево й трусимо. А кислиця висока була, розложиста. Німці, кляті, зрубали її. Лукерка в пелену кислиці збирає. Трусили, трусили, — ке, думаємо, закуримо. Люльки в зуби, кум огню креше...

Коли це знизу як бахне:

— Знову за люльки!

Так ми з кумом, як стій, з кислиці в піке. Кум таки приземлився, хоч і скапотував, а я з піке — в штопор, із штопора не вийшов, протаранив Лукерці спідницю й урізавсь у землю! За півгодини тільки очунявся, кліпнув очима, дивлюсь: ліворуч стоїть кум, аварію зачухує, праворуч Лукерка з цеберкою води. Ворухнувсь — рулі повороту ні в руках, ні в ногах не дєйствують, кабіна й увесь фюзеляж мокрі-мокрісінькі...

— Живий, слава богу! — кум каже.

А Лукерка:

— Був би, — каже, — він живий, якби не моя кубова спідниця! Хай скаже спасибі спідниці, що затримала, — угруз би був у землю по самісінький руль глибини! Ех, льотчики, — каже, — молодчики!

— А ви кажете, чи не злякався я трьох німців? Після такої практики?! Таке й вигадаєте!

— А що тепер пороблясте, дідусю?

— Прийшли наші — я демобілізувався. Дуже швидко німці тікають, не наздожену. Хай уже молодші гонять. А я оце дітлахам у дитячий садок пищики роблю. Такі ж утішненькі дітоньки! Та колгоспну череду з евакуації виглядаю. Треба випасати, треба відбудовувати після німецької погані. Ех, кума б оце мені, ми б оце вдвох... Хочете може «зенітку» мою побачити? Ось вона!

І погладив ніжно дід Свирид свої вила-трійчата...

Павло БАЙДЕБУРА

ВЕСІЛЬНА ІСТОРІЯ

Оповідання

Почалася вона, та історія, кілька місяців тому, в цьому ж таки році. А відомо стало про неї відтоді, коли на шахті 2-біс заговорили про те, як оскандалився у своїй сватівській місії поважний Кир'ян Захарович. Для багатьох це було дуже дивним. Були навіть такі, що не йняли тому віри, бо ж Кир'ян Захарович вважався не абияким, з довоєнним стажем знавцем і організатором весільних справ. Певно, не одне нині щасливе подружжя завдячує своїм щастям Кир'яну Захаровичу.

Та й молодий, од імені якого було сватівство, теж був не абихто, а колишній фронтовик, старший сержант, а зараз забойщик у третій східній лаві Іван Демидович Шматько — хлопець пригожий, здоровий, привітний і чемний до людей.

І по виробничій лінії у Івана, сказати б, все було ніби в порядку. Правда, іноді траплялися в нього, як кажуть, «прориви» — недодавав запланованої норми. «Воно ж буває так: скочиш та й не доскочиш», — пояснював у таких випадках Іван Дем'янович. І, звичайно, завжди шукав якоїсь «об'єктивної» причини для того «недоскочиш».

Не вдаючись у деталі по виробничій лінії Івана Шматька, треба сказати взагалі, що хлопець він досить хороший. Крім того, мав він не абиякий музичний хист. Бувало, не одна дівчина вечірньою порою з нетерпінням дожидала, коли чубатий гармоніст вийде на вулицю й розтягне міхи свого баяна. Без Івана Демидовича не могла відбутися по-справжньому жодна клубна вечірка. Бо ніхто не зумів би так плавно і легко, як він, виконати на баяні вальса, польку чи ще якийсь інший танок.

Напевно, та віртуозна Іванова гра і привернула до нього серце Варі Борейко — стрункої, з меткими чорни-

ми, як тернини, очима дівчини. Уперше Іван побачив Варю в шахтному будинку, коли вона записувала в журнал виходи і цифри видобутку вугільних бригад. Для об'єктивності при описуванні цієї романтичної історії і, зокрема першої зустрічі, що стала такою значимою в житті Івана Шматька, треба сказати, Варя зустріла його тоді не досить-таки любо. Коли забойщик поцікавився виробничими показниками своєї бригади, дівчина глянула на записи в журналі, потім зміряла зневажливим поглядом замурзаного вугіллям хлопця і сказала холодно:

— Робота ваша... як мокре горить. На Краснодоні — он один забойщик Панащатенко дає більше за зміну, ніж уся ваша хвальона бригада.

Іван не знав, що відповісти на ті слова. Постояв, потупцювався кілька хвилин, мугикнув щось невиразне й пішов, як кажуть, своєю дорогою.

Але ввечері вони зустрілися на одній з вулиць шахтарського виселка. Варя верховодила в гурті дівчат і танцювала під мелодійний перебор баяна. І то була не остання їх зустріч. І часто бувало — з появою Варі на вулиці пальці Іванових рук починали швидше бігати по клавішах, і підбирав він пісні і танки саме ті, які Варя більше всього любила. Іван був певний що дівчина, яка охоче веде з ним розмову і вже не нагадує, як тоді, при першій зустрічі, про роботу в шахті, не від того, щоб і дружити.

В один з літніх замріяних вечорів Іван Демидович, зустрівшись з Варею, вирішив відкрити їй своє серце, сказати про те, що вже давно мав на думці. Того вечора вони були лише вдвох, і Варя, як ніколи, була привітна. Вона навіть дозволила Іванові взяти її під руку, і так у парі йшли вони аж до клубу, і в парі вертали назад, на вулицю, де жила Варя. Вже кілька разів Іван намірявся було говорити по «інтимному питанню», та все зволікав. І ось настала зручна хвилина. Повновидий місяць пірнув у кучугуру хмар, і навколо потемнішало. А он уже видніють і акації перед входом до Варіної квартири, і хвіртка до палісаднику. Ще кілька кроків, і дівчина зникне за тією хвірткою... Іван зважився.

Хвилюючись, не досить складно, але щиро, він говорив про те, що в його серці ще з того першого дня зу-

стрічі бринить дивна пісня, яку співав би він лише їй, коханій Варі, і хотілося б, щоб вони були завжди вмісті й ніколи не розлучались...

На те признання Варя сказала лише кілька слів, правда, дуже важливих, але на зміст їх Іван, певно, не звернув особливої уваги. Сказавши ті слова, дівчина змовкла, а може тому змовкла, що незмінний підглядач — місяць вже видерся з-за хмар і зупинився над ними на диво блискучий, дивлячись прямо на закоханих.

За кілька днів по тій розмові, в неділю під вечір, на квартиру родини Борейко і завітав Кир'ян Захарович. Він весело привітався, запитав, як відпочивається, і на запрошення батька Варі — Петра Борейко сів на почесне місце, біля столу. Гостеві запропонували було склянку чаю, але він відмовився і жартівливо зауважив, що напочатку треба буде вирішити одну важливу справу, а потім і випити. Останні слова Кир'ян Захарович сказав особливо багатозначно. Сказав, хвилину помовчав, відкашлявся і вже намірився було розпочинати свою промову. Гадав починати саме так, як то бувало за стародавніх часів починали статечні, поважні свати, мовляв:

«Випала біла пороша... Один красень-князь та вийшов на влови і зустрів куницю—красну дівицю, а сліди привели...»

Але все зіпсувала Варя.

— Ви, Кир'ян Захаровичу, певно, посланцем від Івана Шматька? — запитала раптом дівчина. — Догадуюсь... Так ото скажу я вам, можете про що інше зараз говорити, тільки не про те, що думали. А те, що треба було Іванові знати, я вже йому сказала. І ще раз скажу — хай він виконає мою умову. От і все.

Оторопілий Кир'ян Захарович навіть не встиг рота роззявити. Він було надумав запитати, що то за умова така, але дівчина кинула — «бувайте здорові!» — і вийшла з кімнати.

Почуваючи себе, як кажуть, ні в сих, ні в тих, сват не знав, як йому вийти з неприємного становища. Говорити було ні про що, до того ж в кишені муляла пляшка горілки, взята для того, щоб по згоді випити за здоров'я «князя» і «красної дівиці».

Прикре мовчання в кімнаті порушила господиня дому Марія Яківна. Вона запитала гостя про здоров'я його

дружини та діток, а потім розмова перейшла на базарні ціни, а згодом поговорили і про міжнародні події та про роботу в шахті. І Кир'ян Захарович поволі оговтався. А коли пляшка опинилася на столі і розмова пожвавішала, Кир'ян Захарович розповів і про свою місію, але то вже було, як мовиться, у пустий слід.

У всій тій історії Кир'яна Захаровича цікавило не так невдале сватівство, як те, що за умова така була Івану Шматьку від Варі Борейко. Але відповіді на це питання він не знайшов ні того вечора, ні другого дня, хоч нарочито зустрівся для цього з Шматько.

Все з'ясувалося згодом, аж через кілька місяців.

Одного вересневого дня, по обідній порі, на третьому кварталі шахтарського виселка було шумно і весело. Біля порога щойно відремонтованого будинку Іван і Варя зустрічали гостей. Тут були знайомі і родичі. На весілля Варя запросила самих близьких подруг, а Іван всю свою вугільну бригаду на чолі з бригадиром Кир'яном Захаровичем.

Після першої чарки, за якою поздоровили молодих і всі гуртом кричали традиційне «гірко», взяв слово голова шахткому Мітрохін. Він говорив про виробничі успіхи Івана Шматька — давати щомісяця дві норми — це не абищо. — Того Івану Демидовичу і шана, і честь на нашій шахті, — закінчив голова шахткому під схвальні вигуки.

Потім говорив начальник шахти Горовий. Промова його була коротка й майже офіційна:

— Кращому забойщику шахти 2-біс товаришеві Шматьку, — сказав Горовий, — даємо корову і дві копиці сіна на годівлю. І давайте, друзі, вип'ємо зараз по повній, щоб завжди було повним щастя в новій родині.

Не виступав з промовою цей раз лише Кир'ян Захарович. Він тільки прислухався до того, що говорили інші, і схвалював захопленими вигуками або оплесками рук. І вже, бувши напідпитку, Кир'ян Захарович підступив до Варі, яка частувала гостей за столом, і мовив до неї стиха:

— Дорога й любезна Варвара Петрівна, даруйте ласкою. Не можу втерпіти, щоб не висловитись. Пригадуються мені ваші слова, сказані тоді, влітку... Признаюсь вам, дорога Варваро Петрівна, довгенько вони,

ті слова, не давали мені спокою. Мучився я, гадав і так, і сяк, і не міг відгадати і навіть тоді, коли Іван ото заходився показувати, як кажуть, «клас» у шахті, я гадав, що то він так, зпересердя, від моєї невдачі у сватівстві. Аж то, як бачу, було, напевно, за вашою умовою...

— Єтати йому справжнім шахтарем! — коротко відповіла Варя і закохано й гордо глянула на Івана.

Над виселком спускався вечір, осінній, тихий. В новій шахтарській родині Шматько того вечора довго не затихав святковий веселий гомін. По частуванню гостей Іван Демидович узяв до рук свого баяна, й ожили, заговорили ніжнотонні клавіші.

«Ой, з-за гори-гори та буйний вітер віє» — здійнялась, попливла й заповнила простір навколо зазивна мелодія пісні. Мотив підхопили словами людські голоси, кинули гуртом аж під зоряне небо, широке, безкрає донецьке небо.

Петро ЛУБЕНСЬКИЙ

ВИЗНАЧНІ МІСЦЯ

Якось іду я берегом річки Сули. Бачу: хлопчина, русявий такий, доріжку на щуку лагодить. Я питаю:

— Скажіть будь ласка, рибалка, чи є у вас визначні місця?

Він подумав, подумав і каже:

— Є, от подивіться, — і показує на річку. — Он те місце, де воду крутить, зветься у нас «Чумак». Там колись чумак волів напував, а на ярмі висіла торба з хлібом. Виплив з води сом і як по-о-тягне за торбу, так і втягнув чумака у воду геть з волами.

— А інших, — кажу, — визначних місць немає?

— Є, — каже, — он там, де дві верби переплелись. Там — давно, давно, мене ще й на світі тоді не було, — орав дід під озимину і зачепився за дріт. Потягнув — не тягнеться. Покликав людей. Всі разом як—см-и-ик-нуть... Так лише загуло!

— Добре, — кажу, — а більше нічого немає?

— Підіть до старих людей, може, вони щось пам'ятають.

Пішов у село. Бачу на колодках сидять діди.

— Розкажіть, будьте ласкаві, які у вашому селі визначні місця є?

Діди підкрутили вуса, закурили й кажуть:

— «Чумака» бачили?

— Бачив.

— І місце де загуло?

— І місце.

— А панську купальню бачили?

— Панську? Як же вона у вас збереглася?

— А так і збереглася. Пана немає, а купальня є. Отам, де кладка тепер. Ми там пана в 1905 році скупали раз, а в 1917 році — вдруге.

— Цікаве місце. А ще що є визначного?

— Пам'ятник ліквідації куркуля, як класу.

— Пам'ятник? — здивувався я. — Де ж він у вас? Все село обійшов, а пам'ятника не бачив.

— Погано дивилися, товаришу, — посміхнулися діди. — Бачите он хата... Он-о, ліворуч вітродвигуна...

— Так то ж контора колгоспу!

— Для вас контора, а для нас пам'ятник. Там відбулися перші збори бідноти і середняків нашого села, які ухвалили створити колгосп.

— Ну, ще можете подивитись на комендантську осику. Наші партизани повісили на ній аж трьох німецьких комендантів. От, здається, і всі наші визначні місця, — кажуть діди. — А втім, поспитайте у молодих, може вони щось знають.

Дивлюсь — іде дівчина в синій кофточці, у квітчастій хустині, з комсомольським значком на грудях. Іде і чобітками поблискує. Я до неї.

— Пробачте, — кажу, — що затримаю на хвилинку. Скажіть мені, будь ласка, чи є у вашому селі визначні місця, крім «чумака», місця, де загуло, панської купальні, пам'ятника ліквідації куркуля, як класу, і комендантської осики?

Вона зупинилась. Блакитні очі засяяли яскравими вогниками, а рожеве обличчя розпливлось у широкій посмішці.

— Є, — каже, — тільки в мене часу нема.

— Ой, голубонько! — благаю, — мені дуже хочеться поглянути на визначні місця, а то в мене неповне враження від вашого села залишилось.

— Ну, гаразд, — каже, — ходім. Покажу.

Вийшли в степ. При дорозі стоїть спалений німецький танк.

— Це? — запитую.

— Ні, — каже, — це гидота. Лише поля засмічує. — І показує на чисте поле.

— Ось воно — визначне місце.

Дивлюсь: поле, як поле. Виоране, заскороджене. Чисте. Помацав, — як пух.

— Спробувати на смак? — питаю. Сміється.

— Я, каже, — бачу, що ви нічого не зрозуміли.

— Ні, — кажу, — ділянка, як ділянка.

— Правильно. А що виросло на ній?

— Що посіяли, те й виросло!

— От і ні! — каже, — а сама так і сяє. — На цьому полі виріс наш перший Герой Соціалістичної Праці. Це найважливіше місце в нашому селі... Цього року урожай на героїв ще вищий буде!

— А хто ж у вас перший герой? — питаю.

— А про це помовчимо! — посміхнулась, стукнула каблучками й пішла собі в степ.

— Бач яка! — подумав я і пішов вдоволений, що скоро в кожному селі як визначніші місця будуть показувати поля, де виросли прекрасні люди — Герої Соціалістичної Праці.

Алексей ИОНОВ

ШАХТЕР — ПЕРВЫЙ ЧЕЛОВЕК

Рассказ

Позвали меня молодые шахтеры об'яснить им про старую жизнь. Эх, молодежь, молодежь, — вечером не укладешь, ночью не найдешь. Показать бы вам старую шахту, тогда б вы поверили Ермолаю.

У вас вот в общежитии, как в доме отдыха: тут тебе и коечки, и занавесочки на окнах, и графинчик с кипячёной водой. Как же, сырую нельзя — для здоровья вредно. Ничего этого у нас не было. Вылезешь на-гора — еле ноги волокёшь, рад месту. Придёшь в землянку-яму, растянешься на голых нарах, как убитый. Грязь, копоть, вонь... Больше угоришь, чем отдохнёшь.

А кому было заботиться о нас? У хозяина одна забота — побольше выколотить барышей да отослать золото в заграничный банк. Шахтера тогда не считали за человека, даже поговорки всякие про него выдумали: «Шахтер богу не родня, его бойся, как огня». «У шахтёра душа — в теле, рубашонку вошли с'ели». А откуда возмёшь ее, рубашонку-то, когда нашему брату и на харчи нехватало?

...Я свою карьеру начинал с проклятых санок. Молодежь не знает, что это за санки такие. Зачем они нужны в шахте? Это такой ящик, окованный железом. Шахтёр надевал на поясницу лямку с цепью, впрягался в санки и вывозил на них из лавы уголь — вот так, на четвереньках, как лошадь. Да, да, как лошадь, и даже подковы надевал, бузлуками назывались. Ещё и теперь шахтеры говорят: «отработал упряжку». Это они санки да лямку никак не могут забыть.

Бывало, заболеешь или изувечит тебя в шахте — сейчас вызывают в контору: «Получай расчет!»

— «А куда ж я пойду?»

— «Иди, куда хочешь. На твое место десять мужиков просятся».

Идешь в шахту и не знаешь, воротишься ли живой. А сколько молодых шахтеров погибало! Были у нас из молодежи коногоны — откатывали вагонетки с углём. Летит, бывало, в темноте по продольной, свистит: давай ему дорогу. Глядь, вагонетки сошли с рельсов и придавили беднягу. А то лошадь на шпалах споткнётся, вся партия забурится, и коногону опять крышка.

Вот каково шахтеру жилось.

При советской власти всё, брат, переменилось. Возьми меня — кто я был прежде? Со мной, бывало, подрядчик не здоровается, а его жена кричит лавочнице: «Кума, не мой ноги в том ручье: там шахтер воду пил». А теперь я — первый человек. Да, шахтер — первый человек! За что же мне такое почтенье? За труд, только и всего. Ведь я уже шестой десяток в шахте колыхаю. Кажись, пора бы отдохнуть: сыновья у меня все повыучились, пенсию мне государство даёт... Нет, дома мне не сидится. Когда прогнали немца, я первый на шахту прибежал. Глянул — шахту не узнать: изувечили её злодеи...

Приезжает к нам вскорости нарком. Я — к нему: так, мол, и так — дело у нас плоховато подвигается, лесу, кирпича нехватает, пожалуй, мы нескоро уголёк дадим.

— Сейчас я вам не могу помочь, — сразу зарезал он меня. — Сейчас всё внимание — коксующим шахтам, а вашу будем восстанавливать в другую очередь, сейчас она в план не вошла. Что ты, — говорит, — колотишься?

Как же мне не колотиться? Я эту шахту строил, я тут со своей бригадой столько штреков прошёл и закрепил, что вытяни их в одну нитку — под землёй до самой Москвы можно добраться.

— А этот посёлок, спрашиваю, знаешь? Тут одна улица Журовской называется. А за что сам Михаил Иваныч Калинин медаль мне вручил и руку пожал?

— Погоди, погоди, — окорачивает он меня. — Развёл анкету, не поймешь, на какие вопросы отвечать. Кто из нас нарком-то — ты или я?

— Дело не в том, говорю, кто тут нарком. Было время, и ты санки тягал. Меня трогают ваши учёные инженеры. Маленько они промахнулись: где в шахте воды по самую завязку, там они строят копры, а у нас шахта сухая, ставь под'ём, закрепи хода и давай уголь, — так нас они, видишь ли, оттеснили на другую очередь. Порядок это? Должны же вы знать политику жизни!

Гляди, что он мне отвечает:

— Вижу, что в крепильщики ты попал по ошибке, тебе бы лектором выступать.

А наш начальник шепчет ему:

— Товарищ нарком, он лектор и есть, он молодых шахтеров обучает.

Тут нарком и спохватился:

— Да что ж ты раньше молчал? Ты ж Ермолай Журов? Читал, читал про тебя, старик. Так и надо: учи молодежь, большое дело делаешь.

Дальше, конечно, решили мы всё по душам. Послушался он нас, стариков, под'емную машину дал и все, что надо. А мы в долгу не остались — шахту подняли из могилы.

За это нам была великая благодарность. Мне званье почетного шахтера дали, мундир сшили, как генералу. Гляди-ка! Меня в шутку так и величают: генерал Журов.

Погоди, это ещё не всё.

Как-то приболел я маленько. Лежу в палате, тоскую, про своих учеников думаю: что они там без меня? В больнице мне не лежится. «Довольно тебе, Ермолай, — говорю себе, — на казённых харчах сидеть. Хлеб-соль ешь, а новую лаву режь».

Являюсь на наряд. Встречает меня начальник шахты, говорит:

— Полезем, Ермолай Егорыч, в лаву, посмотришь, какую мы себе диковинку завели — угольным стругом называется.

Спустились. Гляжу, стоит какая-то востроносая штука, от неё тянутся канаты. Бригадир даёт сигнал, канат натягивается, и та штука начинает гнать стружку.

— Какой же это, говорю, струг? Это натуральный плуг: идёт по пласту, будто пашет, и даже лемехом уголь на транспортёр отваливает. Не машина — чудо! Две минуты, и вагон угля готов.

Начальник смеётся:

— Это что! У нас похитрей штука есть — комбайн. Слыхал про такую машину?

— Слыхать слыхал, а видеть не приходилось. Один хлебороб со мной в санатории грязью лечился, рассказывал, что комбайн — добрая машина: сама косит, сама молотит.

Начальник ухватился за живот, хохочет:

— Во-во, сама косит, сама молотит. Такую молотилку у нас на Ливенском пласту собирают. Нажмёшь кнопку, и давай молотить пласт.

Очень меня эта новая техника заинтересовала. Приду с работы, пообедаю, сажусь к приемнику — интересуюсь про технику послушать.

Навел раз волну, слышу — говорят про какого-то старого шахтера. Ну, этого не со мной сравнять — богатырь! Под землей поболе пятидесяти годов работает, сыновья у него командиры, все заслуженные ребята, а сам он шахту от затопления спас. Немцы в стволе мины оставили, а он, понимаешь, не сробел: на старом канатике спустился в шахту, полную разведку произвёл и мины обезвредил. «Вот, думаю, какие люди бывают — герои!»

И только это подумал, слышу объявляют: этому шахтеру дали званье Героя Социалистического Труда, и называют... провалиться мне, не вру! — называют мою фамилию. Что вы! Не может быть!

Кличу бабку:

— Ты наблюдала за мной?

— По молодости наблюдала, а теперь перестала.

— А ты не заметила чего-нибудь?

— Да разве за вами заметишь?

— Брось ты свои бабьи шутки! Мне чегой-то послышалось, я и поверить боюсь. Не во сне ли?

— Да нет, глаза у тебя были открыты, ты слушал.

А дальше пошло и пошло... Рассказывать — у меня и слов нехватит.

Как же мне отблагодарить правительство? Решаю со своей бригадой: идем на рекорд!

Шахтком мне говорит:

— Я об этом сейчас же в газету отрапортую.

А я говорю:

— Ты рапортовать не спеши: дело сделай, тогда рапорт пиши.

С тех пор я и веду свою линию: не кричу, не похваляюсь, зато в работе не уступаю молодым.

Юрий ЯНОПОЛЬСКИЙ

СПУСТЯ ШЕСТЬ ЛЕТ

Пьеса в 3-х картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Звягинцев Виктор Александрович, начальник шахты, 52 года.
Наталья Григорьевна, жена его, 48 лет.
Шура, дочь их, 22 года.
Морозов Николай, молодой инженер, жених Шуры, 26 лет.
Бородин Сергей Борисович, инженер, сослуживец Звягинцева, 40 лет.
Керженцев Степан Прокофьевич, мастер угля, 50 лет.
Старый шахтер, 60 лет.
Радомский Андрей Семенович, 45 лет.
Гости — мужчины и женщины.

КАРТИНА I.

Хорошо обставленная комната. Наталья Григорьевна сидит в кресле у окна и читает письмо.

Наталья Григорьевна. «Зовут его Коля; Николай Морозов. Он окончил весной горный институт и получил назначение в Донбасс, в наш трест. Очень, очень славный, сами увидите, честное слово. Всем он нравится и вам тоже понравится, я заранее знаю, честное слово, тем более, что он воевал за Донбасс...» *(Опускает письмо)*. Ну, совсем еще девочка, ребенок. Главного-то и не написала: кто он такой, да откуда он родом, да какая у него семья — ничего неизвестно. *(Задумывается. Звонок. Входит Звягинцев. Наталья Григорьевна идет ему навстречу, подает письмо).*

Наталья Григорьевна. Уж не знаю право, радоваться, или печалиться...

Звягинцев. (*Бросает быстрый взгляд на письмо, встревоженно*). А что такое? Что с Шурочкой? (*Взглянув на жену, успокаивается, улыбается*). Хитришь, мать, по глазам вижу, что рада-радехонька. Ну-с, добре, посмотрим, чего там наша стрекоза отрапортовала. (*Садится в кресло у окна, пристраивает на носу очки, приступает к чтению. Взрывается смехом*). Вот тебе и Шурик! (*Читает, опять хохочет*). Ишь, чего выдумала стрекоза! (*Читает*). Вот уморила дочка!

Наталья Григорьевна. (*Сначала улыбается, потом вдруг обижается*). Смотрите весельчак какой! Единственная дочь про серьезные дела пишет, а он хохочет, будто Чехова читает.

Звягинцев. (*Прочитав письмо, задумывается, барабанит пальцами по ручке кресла*). Вот оно как... Так, так... Да-а... Ну-с, добре...

Наталья Григорьевна. (*Мягко*). Волнуешься? (*Звягинцев идет в ванную. Оттуда слышны плеск и хлюпанье воды, фырканье. Наталья Григорьевна прислушивается, озабоченно качает головой*).

Наталья Григорьевна. Сильно волнуется.

Звягинцев. (*Выходит из ванной, садится за стол*). Характеристика такая, что будь я помоложе, я бы сам за него замуж вышел.

Наталья Григорьевна. Ты шутишь, а я и рада за Шурочку и беспокоюсь: какой он еще этот Николай, достоин ли нашей Шурочки.

Звягинцев. (*Стараясь отвлечь жену от тревожных мыслей*). Эге, ты уже входишь в роль анекдотической тещи: еще даже не видела будущего зятя, а уже сомневаешься в нем. (*Пересаживается ближе к жене и говорит задушевно*). Все идет своим чередом, Наташа. Помнишь наши первые встречи на Кубани во время гражданской войны. Ты была для меня «девушкой нашей в походной шинели». Ну, вот и наша Шурочка переживает теперь это молодое, светлое чувство. Все идет, родная, своим чередом. Мы вырастили хорошую дочку, она взмахнет крылышками и вылетит в

большую жизнь, на широкие просторы. Пожелаем ей большого счастья. *(Наталья Григорьевна вытирает слезы, целует мужа в голову. Звонок. Входит Бородин).*

Бородин. Сумерничаете? А на дворе прекрасная погода, золотая осень.

Звягинцев. Да вот, заговорились. *(Включает свет)*. Новость у нас большая, Сергей Борисович: завтра утром Шурочка с женихом приезжает.

Наталья Григорьевна. Ну, уж с женихом. Еще неизвестно. Надо посмотреть, какой он и что и как...

Звягинцев. Шурочка уже, вероятно, хорошо рассмотрела какой он, и что и как. А вкус у нее хороший, отцовский.

Бородин. Ежели отцовский вкус, то, действительно, хороший, а ежели материнский, то... *(Он критически осматривает Звягинцева со всех сторон и неодобрительно качает головой).*

Наталья Григорьевна. *(Смеется)*. А вы, Сергей Борисович, оказывается, мастер женщинам любезности говорить.

Бородин. *(Шутливо приосанивается и лихо подкручивает воображаемые усы)*. Присяжный комплиментщик, удостоен премии на великосветском балу. *(Смеется)*. Так, значит, Шурочка, как раз к праздничному обеду попадет. Приятное совпадение.

Звягинцев. В самом деле, Наташа, ты учти Шуру с... Николаем Морозовым, чуть было не сказал — с женихом.

Бородин. Ко мне знакомый человек приехал, так разрешите с ним притти.

Звягинцев. А кто такой?

Бородин. Там один.

Звягинцев. Вечная история: «Сергей Борисович, куда спешите?» «К одному человечку». «Зачем?» «По одному дельцу». Ну, приходите со своим человечком.

Наталья Григорьевна. Просим, просим, Сергей Борисович. *(Прощаются. Бородин уходит)*. Ну, я пойду подготовлю кое-что да лягу спать пораньше. Мне ведь чуть свет вставать. Да и ты бы отдохнул. Тебе ведь на вокзал ехать, встречать.

Звягинцев. Иди отдохни, родная. Я тоже не засижусь. *(Наталья Григорьевна уходит. Он гасит свет и заходит в свой кабинет. Длительная пауза. Из-под двери кабинета выбивается широкая полоска света, затем она гаснет. Входит Наталья Григорьевна в халате, зажигает свет, на цыпочках подходит к столу, читает письмо дочери. Взглядывает на часы, говорит:* «Уже четыре, не спится. Скорее бы рассвет». *Уходит. Входит Звягинцев в халате, зажигает свет, читает письмо дочери, взглядывает на часы, качает головой, гасит свет, уходит. В комнате постепенно светает. Раскрываются сразу обе двери, и появляются Звягинцевы. Они смотрят друг на друга).*

Наталья Григорьевна. Наконец-то утро. Скоро Шурочка будет дома...

Занавес.

КАРТИНА 2.

За занавесом протяжный автомобильный гудок с веселыми переливами. Затем шум, голоса. Восклицанья Натальи Григорьевны и Шуры: «Шурочка, доченька!» «Мамуся!» Голос Звягинцева. «Не задушите друг друга на радостях». Занавес поднимается.

Наталья Григорьевна. А я жду — не дождусь. Думаю: что такое случилось? Тревожиться начала.

Николай. У Шуры такой большой багаж теплых чувств к родителям и к Донбассу, что поезд еле дотащил нас.

Звягинцев. Как говорится, нашему сапогу — пара: люблю веселых людей.

Шура. Коля, ты хотел побриться. Можно у тебя в кабинете, папа?

Звягинцев. Отчего же? *(Уводит Николая в кабинет).*

Наталья Григорьевна. Шурочка, ты о нем ничего нам не написала.

Шура. Как — ничего? А мне казалось, что все письмо о нем было.

Наталья Григорьевна. А откуда он родом? Какая у него семья? Какой у него характер?

Шура. (*Смеется*). И сколько у него теток, и как он относится к каждой из них в отдельности и ко всем вместе. Мамулинька, да зачем тебе все это? Я этим не интересовалась, честное слово.

Наталья Григорьевна. Ну, как же, человека знать надо.

Шура. (*Лукаво*). Мамочка, а ты, когда встречалась с папой, спрашивала, как он относится к своей бабушке?

Наталья Григорьевна. Так ведь я тогда молодая была.

Шура. А я уже старая, по-твоему?

Наталья Григорьевна. Ты молодая, да я ведь старая, вот я и спрашиваю.

Шура. Мамочка, не выдумывай, какая ты старая, ты у нас молодая, красивая, лучше всех. (*Целует мать*).

Наталья Григорьевна. Ох, недаром тебя папа стрекозой называет. (*Прижимает ее к себе*). Как я рада, Шурочка, что ты опять с нами, со мной. Пойдем, доченька, одеваться, скоро гости начнут сходиться. (*Уходят. Звонок. Звягинцев выходит из кабинета. Входит Бородин*).

Бородин. Ну как?

Звягинцев. Приехали.

Бородин. Ну, и как?

Звягинцев. Отличнейший парень. Понимаешь, с большим интересом расспрашивает о шахте, о механизмах, о донецких людях. Видать, серьезно подготовился к работе в Донбассе: знает о Бридько, Тюренкове, Валигуре.

Бородин. А ты уже успел обо всем с ним поговорить. Не терпелось?

Звягинцев. Ну, не обо всем, но о многом. Он сам, как мы сели в машину, так всю дорогу и задавал вопросы. И сейчас вот... Да он ведь и воевал здесь.

Бородин. Ты, я вижу, уже влюблен в своего будущего зятя.

Звягинцев. Почти. Он — молодец.

Бородин. В добрый час. Однако, я ведь на минуточку забежал проведать. Скоро будем. А где именно он воевал?

Звягинцев. Еще не успел узнать. Узнаю. *(Бородин уходит, входит Наталья Григорьевна).*

Наталья Григорьевна. *(Вполголоса).* Так с виду хорошая пара. Он, будто, славный. А по-твоему?

Звягинцев. *(Цитирует письмо дочери).* «Очень, очень славный, сами увидите, честное слово».

Наталья Григорьевна. *(Улыбается, машет рукой).* И когда тебе надоест шутить. Просто удивительно какой человек. *(Уходит. Из кабинета выходит Николай).*

Звягинцев. Так, значит, есть вкус к угольку?

Николай. Не только вкус, но и аппетит.

Звягинцев. Нашего полку прибыло. А в шахматы, как?

Николай. Без малого классный игрок. В институте на турнирах шел одним из первых.

Звягинцев. Совсем превосходно. Сразимся. Даю пешку форы на молодость. Кстати, где же именно в Донбассе вы сражались? *(Звонок. Входит Керженцев).*

Керженцев. Рановато. Я, поди, первый?

Звягинцев. Желанный гость — всегда во-время. А первым быть — тебе, чай, не привыкать стать. Знакомься. Это... это Николай Морозов. А это знаменитый мастер угля Степан Прокофьевич Керженцев.

Николай. Узнаю по портретам. *(Входят Наталья Григорьевна и Шура. Они тепло приветствуют Керженцева).*

Керженцев. А-а, Шурочка. Как раз к празднику приехала, молодец. Что, на совсем?

Шура. На совсем.

Керженцев. Потянуло на родину доченьку?

Шура. Потянуло, Степан Прокофьевич. Получила назначение, преподавать в школе для взрослых буду.

Звягинцев. Ты думаешь, тебя ученики всерьез примут? Многие из них старше тебя и помнят, как ты девчонкой в трусиках на речку бегала. Авторитетный педагог!

Керженцев. Нет, Шурочку у нас любят. А... а молодой человек?

Шура. Мой жених. Инженер, получил назначение в наш трест.

Звягинцев. Жаль только, что в трест, а не в шахту.

Шура. *(Горячо)*. Я с тобой, папа, не согласна.

Звягинцев. С чем не согласна? Что в шахте лучше работать, чем в канцелярии? Измена! Предательство!

Шура. Нет, серьезно, папа, ты меня извини, но у тебя в данном случае шаблонный образ мыслей.

Звягинцев. Какая стремительная атака! Давай сядем, Степан Прокофьевич, а то не устоим, пожалуй.

Шура. Нет, честное слово, работать в шахте — это очень хорошо, но вовсе не обязательно для всех горных инженеров без всякого исключения. В тресте человек знакомится с системой управления огромным аппаратом угольной промышленности, с различными условиями работы на разных шахтах.

Звягинцев. А практика? Опыт?

Шура. В тресте рассматриваются и обсуждаются многие новаторские методы. Здесь молодой инженер встречается и беседует со многими людьми. Он, наконец, должен почаще спускаться в шахту. И не в одну.

Звягинцев. Да-а, в этом есть какое-то зерно истины.

Николай. Шура, конечно права, хотя, откровенно говоря, я все-таки хотел бы работать в шахте.

Звягинцев. Я вижу, мать, что и ты собираешься поддержать нападение на главу семьи.

Наталья Григорьевна. Я согласна с Шурочкой. А если нашим подземникам потребовалась бы помощь, то лучшие инженеры из треста, как обычно, спустятся в шахту и Николай будет среди них одним из первых.

Звягинцев. Смотри-ка, она уже за него поручительствует. Все, сдаюсь! *(Поднимает руки вверх)*. Побили нас, Степан Прокофьевич, а?

Керженцев. *(Улыбаясь)*. И поделом побили.

Звягинцев. И ты, Степан Прокофьевич?

Керженцев. Я говорю, мы забыли, Виктор Александрович, что не только в шахтах растут и меняются люди. Большевистская партия воспитывает людей на земле, под землей и над землей, на воде и под водой. В

трестах и комбинатах работают ныне люди сталинской выучки, вожаки. Они руководят угледобычей, управляют нами. Это большое дело.

Звягинцев. Ясно: комбинаты и тресты — это штабы, а хорошие офицеры нужны и в строю и в штабах. *(Шура целует отца в лоб).*

Керженцев. Вот именно.

Звягинцев. Ну-с, добре. В знак мира сдаю в общее пользование свое варенье из крыжовника.

Наталья Григорьевна. Ладно, ладно, найдется варенье и без твоего крыжовника. *(Керженцеву)*. Он другого не ест. *(Керженцев понимающе кивает головой. Звонок).*

Звягинцев. Начинает собираться народ.

Занавес.

КАРТИНА 3.

За занавесом слышен гул мужских и женских голосов. Выделяются голоса Виктора Александровича и Натальи Григорьевны: «За стол, друзья, за стол!» «Кому где нравится». Занавес поднимается. Все за столом.

Звягинцев. *(Говорит негромко, без профессиональных ораторских приемов, просто и задушевно, делает небольшие паузы)*. Ну-с, добре, так вот, друзья, у нас, собетских людей, существует обычай: первый тост поднимать за Сталина. Этот обычай освящен уже временем и горячим чувством народа. У нас, людей пожилых, все лучшие моменты в жизни, все дорогие воспоминания юности и зрелости связаны с личностью и именем Сталина. С ним прошли мы длинный путь борьбы за советскую власть, за социализм. Нашей молодежи тоже будет чем вспомнить свою юность. Наши отдаленные потомки будут с трепетным волнением и восторгом читать и изучать историю нашей борьбы и побед. Они будут завидовать тем, кто вместе со Сталиным, под его водительством закладывал фундамент новой, счастливой жизни человека на земле. *(Говорит с под'емом)*. Сталин сделал бессмертными целые поколения строителей коммунизма! Дорогие друзья! В

этом году нашему Иосифу Виссарионовичу исполнится семьдесят лет. Нет сейчас на земле другого такого человека, которому бы столько миллионов людей желало долголетия и здоровья! Пусть на счастье человечеству многие, многие годы живет наш Сталин!

(И как на большом собрании, в сердечном порыве все встают. Возгласы: «Да здравствует Сталин!», «За Сталина!», «За здоровье Сталина!», «Великому Сталину — ура!»).

Керженцев. Хорошо сказал начальник шахты, очень хорошо, даже на сердце потеплело. Я предлагаю тост за руководителя большевиков Украины Никиту Сергеевича Хрущева. *(Все аплодируют)*. А ко дню рождения мы, шахтеры, подготовим нашему дорогому, любимому Иосифу Виссарионовичу хороший производственный подарок. *(Все аплодируют. Звонок. Звягинцев выходит и возвращается с телеграммой)*.

Звягинцев. От Павла Федоровича из Сочи. Читаю: «Поздравляю с праздником. Загораю на солнце, но скучаю за угольком. Телом в море — душой в шахте. Желаю успехов. Овчаренко».

Старый шахтер. Всегда бодрый — и в работе и в отдыхе. Вот он уцепится за твое предложение, Керженцев.

Наталья Григорьевна. Как хорошо, что мы собрались нашей дружной семьей. Шурочка, ты бы спела.

Шура. Что ты, мама, я с дороги устала, хриплю.

Гости. Просим, Шурочка, просим!

Бородин. (*Садится за пианино, берет аккорд*). Начинаем, Шура.

Шура. Не могу и не могу. *(Пробует)*.

Расцветает пышным цветом
Вся советская земля
Под живым и ярким светом,
Что струится из Кремля.

Нет, не могу.

Наталья Григорьевна. И подумать только, что шесть лет тому назад здесь еще хозяйничали

гитлеровцы. Может быть, в этой самой комнате они сидели. Какой ужас! А мы с Шурой были тогда в Северном Казахстане и не знали, что Виктор Александрович уже возле самого нашего дома воюет.

Бородин. Могу рассказать кое-что по этому поводу.

Звягинцев. Наверное ты уже рассказывал это «кое-что» и в прошлом и позапрошлом году, а, может быть, еще в первую годовщину освобождения Донбасса.

Бородин. А вот и нет. Как раз об этом и не приходилось говорить.

Одна из женщин. Расскажите, Сергей Борисович, вы так хорошо рассказываете, вас приятно слушать.

Бородин. *(Польщенный)*. А как же, непревзойденный мастер художественного чтения. Чтец-декламатор с многокрасочными иллюстрациями в тексте и на обложке.

Звягинцев. Главное, не долго мучай нас. Я прозяб и есть хочу.

Бородин. Я коротко, стриженая девка не успеет косу заплести. Так вот, наша дорожная часть, в которой командиром был инженер-полковник Звягинцев, а я командовал подразделением, выполняла недалеко отсюда важное секретное задание командования фронта. Теперь оно уже, конечно, не секретное, но не хочу удлинять рассказ: Шурочка и так уже позевывает.

Шура. *(Вспыхивает)*. Я не зеваю, это я с дороги...

Наталья Григорьевна. Прошу не обижать мою дочку, она у меня одна-единственная.

Бородин. Наша часть находилась в некотором отдалении от основных сил, работали мы, главным образом, по ночам. Однако немцы, видимо, что-то пронюхали и частенько прощупывали нас авианалетами и обстрелом из дальнобойных орудий. Шутка пренеприятная. Виктор Александрович как-то сказал: «Если меня убьют так близко от дома, я этого немцам никогда не прощу».

Шура. Папа и там шутил.

Наталья Григорьевна. Пошутить он никогда не забудет. Такой человек, такой человек...

Бородин. В один ненастный, туманный вечер к нам в землянку, находившуюся в голой степи, зашел отдохнуть и подсушиться артиллерийский капитан. Потом забрел лейтенант, сапер. Пили чай, говорили о фронтовых делах. Вдруг в землянку вбегает боец с донесением: идут два немецких танка. Чорт их знает, заблудились они ночью в степи, что ли. Нам рассуждать было некогда. Мы собрали бойцов по боевой тревоге... (*Закуривает*).

Один из гостей. Ну, и...

Бородин. Ну и разгорелась жестокая схватка. Немецким танкам пришлось убраться во-свояси, десяток десантников, впрочем, остались на месте. Но и у нас были потери. Были ранены наши гости. Самое обидное, что, когда Виктор Александрович представлял отличившихся в ночном бою к наградам, мы не могли найти ни капитана, ни лейтенанта: их сразу развезли по госпиталям. Ведь мы не знали их фамилий и при слабом неверном свете подмигивающего фитилька в землянке даже не могли разглядеть друг друга, как следует. А они геройски сражались.

Один из гостей. Интересный случай, а вот у нас...

Бородин. Извините, я еще не закончил. На днях, возвращаясь из Москвы, я рассказал этот эпизод соседям по купе. Вдруг пассажир на верхней полке начинает подавать реплики, напоминать детали. Я удивился: — позвольте, — говорю, — а вы... «А я, — говорит, — и есть тот самый капитан, который» — и так далее.

Звягинцев. (*Вскакивая*). И ты, чорт побери, не догадался пригласить его?!

Бородин. Я-то догадался, но...

Звягинцев. Никаких «но»! Я бы его затащил.

Бородин. Но ты оказался недогадливым: разрешите представить, товарищи: мой гость Андрей Семенович Радомский и есть наш капитан. *(Общий шум. Звягинцев и Радомский целуются)*.

Одна из женщин. Это замечательно! Это материал для новеллы.

Один из гостей. Читатель, пожалуй, не поверит.

Звягинцев. Чего там не поверит! У нас все хорошее возможно, особенно в Донбассе. Может быть, мы еще и с лейтенантом встретимся.

Николай Морозов. *(Встает)*. Лейтенант здесь, товарищ инженер-полковник! *(Гул приветствий, аплодисменты)*.

Шура. (*В восторге*). Нет, правда, Коля? Нет, Коленька, серьезно?

Наталья Григорьевна. Позвольте, позвольте, я не поняла в чем дело... Ах, ага! *(Бросается к Шуре, к мужу, к Николаю, целует их и всех, кто ближе к ней)*. Вот радость какая! Вот радость какая большая!

Николай. Прошу слова. *(Бородин стучит вилкой по тарелке)*. Дорогие товарищи! Шесть лет назад здесь, на священной донецкой земле, бесчинствовала фашистская нечисть. Временно захватив часть нашей территории, гитлеры, гимлеры, геббельсы и геринги думали, что вселенная у них в кармане. Они реготали, шлепали себя от восторга по ляжкам, ликовали.

Убегая отсюда, фашисты топили шахты, жгли и взрывали заводы и дома. Они думали, что оставят после себя зону пустыни, и радовались. И не только одни они радовались: вместе с ними ликовали и некоторые наши «союзнички», вроде Черчилля.

Но смеется тот, кто смеется последним. Где они, гитлеры, гимлеры, геринги и геббельсы? Они гниют в земле. А мы? Мы живем радостной яркой жизнью. Мы в возрожденном Донбассе сидим за богатым праздничным столом, мы трудимся, любим, женимся, живем полной жизнью. Капитан и я снова встретились с Виктором Александровичем и Сергеем Борисовичем и снова будем вместе сражаться за славу Донбасса!

Звягинцев. В бой за уголь, за славу Донбасса, за Сталина, за Родину, вперед! *(Бородин играет на пианино шахтерский марш. Все подхватывают)*.

Занавес.

Дмитрий СКАЧКО

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ОТ'ЕЗД

Одноактная пьеса

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Кирей, молодой шахтер, врубмашинист.
Петро, его друг, шахтер.
Архип Пантелеевич, старый, почетный шахтер.
Пелагея Парамоновна, его жена.
Ольга, их дочь.

Широкая аллея парка. Рядом с высокими, раскидистыми тополями стоят свежие, зеленые побеги вновь посаженных молодых деревьев. Аллея ведет к шахте, на копре которой горит яркая звезда.

Слева — скамья. Где-то вдали играет духовой оркестр. Выходит Архип Пантелеевич, он одет по-праздничному. Форменная фуражка слегка сдвинута набок, смотрит по сторонам, разводит руками.

Архип Пантелеевич. Что сталось с Киреем? Куда он девался? Весь парк обошел... Нигде его нет. Ну, как в воду канул. Задал же ты мне, Кирей, работу на старости лет! (*Прислушивается. Издали доносится задорный веселый смех.*) Нет, это не он. Я его голос узнаю за десять километров. Посижу немного, отдохну, может он покажется.

Садится, прислушивается, поднимается, но, разочарованно махнув рукой, садится опять. Рассуждает сам с собой, кого-то настоятельно убеждает. Выходит Пелагея Парамоновна, также одета по-праздничному. Смотрит по сторонам.

Архип Пантелеевич. Нашла, ну что ты скажешь. Сыщик и только. Нигде не спрячешься... Опять пойдут старые разговоры: да ты бы поел, да ты бы отдохнул, да ты бы...

Пелагея Парамоновна. А вот и он. *(Идет к Архипу Пантелеевичу)*. Ищу, ищу тебя, Пантелеевич, думаю: где то он запропастился... А ты... Что ты тут делаешь?

Архип Пантелеевич. Музыкой наслаждаюсь, цветы нюхаю, в общем культурно отдыхаю.

Пелагея Парамоновна. И-и, какой ты у меня стал: сам отдыхаешь, а меня и не пригласишь. Посижу и я. *(Садится рядом с Архипом Пантелеевичем, предварительно расправив складки платья.)* Скажу я тебе, Пантелеевич, по чистой совести: сегодня праздник, и ты от меня никуда не упрячешься. Такой у меня теперь порядок: тебя одного не отпускать. Все ходят вместе, а я выглядывай его... А вечер какой благоприятный... Ты бы, Пантелеевич...

Архип Пантелеевич. Некогда, некогда мне, Парамоновна, занят серьезными делами.

Пелагея Парамоновна. Неугомонный ты у меня, Пантелеевич, ох какой неугомонный. Сорок лет живем мы с тобой, и все ты свой характер не изменишь. Мучение мне с тобой, не доведи господи, какое мученье. Все тебя касается, по всякому делу ты тут как тут.

Архип Пантелеевич. Парамоновна, и когда ты поймешь, что не могу я спокойно смотреть, когда где что не так, как полагается. Ведь это же и меня касается.

Пелагея Парамоновна. Ну, будет, будет. Иду я парком, смотрю и думаю: и мы были молодыми.

Архип Пантелеевич. Были, были, Парамоновна... *(Опять прислушивается к голосам)*. Нет, не он.

Пелагея Парамоновна. Чего это не он?

Архип Пантелеевич. Или слух подводит!

Пелагея Парамоновна. Какой слух?

Архип Пантелеевич. Кирей мне нужен. Ты понимаешь, Парамоновна, Кирей, говорю, мне нужен, очень срочно. Пропал парень.

Пелагея Парамоновна. Нет, Пантелеевич, не скажи. Человек он обстоятельный. Молодой, серьезный.

Архип Пантелеевич. Кто же тебе говорит, что он несерьезный?

Пелагея Парамоновна. И Олечка наша, тоже не хуже других. Можно сказать, вырастили, выходили. Закончит учение, приедет и...

Архип Пантелеевич. Опять свою линию гнешь?

Пелагея Парамоновна. Ты хоть и сердишься, Пантелеевич, а я тебе скажу: надо дело решать.

Архип Пантелеевич. Ну и зарядила же ты, Парамоновна, решать да решать. А не подумаешь, что им о другом сейчас надо позаботиться.

Пелагея Парамоновна. Думала, Пантелеевич, думала... И больно материнскому сердцу, и-и, как больно... Няньчила... Растила. Глаз не смыкала... А теперь... *(Плачет)*.

Архип Пантелеевич. Вот и отдохнули, как говорится... Ну, и попадется он мне под горячую руку...

Пелагея Парамоновна. Отчитай его, Пантелеевич, отчитай. Хватит. Надо и за ум-разум браться.

Архип Пантелеевич. Не об этом я, Парамоновна, не об этом. Дело тут есть неотложное, только Кирею и можно доверить.

Пелагея Парамоновна. Какое ты ему еще дело нашел? Человек он передовой, почетом пользуется. Что еще нужно?

Архип Пантелеевич. Учиться ему нужно, вот что! На шахте такие планы намечаются, что небу жарко будет. А он — мой ученик, собственноручно его воспитал, и хочу я, чтобы он был впереди...

Пелагея Парамоновна. А как же, Пантелеевич, с этим?

Архип Пантелеевич. (*Перебивая*). Подождут. Это не к спеху. Мне бы его найти да втолковать получше, а то смотри, кто и перехватит. Это, Парамоновна, дело посерьезней твоего. Тут надо быстро решать, чтоб потом на смех не подняли. Сегодня начальник шахты спрашивал: как, мол, Кирей — пойдет? Кирей, говорю, как Кирей, — никому не уступит. Его дело

впереди итти. Тогда, говорит мне начальник шахты, торопись, а то, к слову, и опоздать можно.

Пелагея Парамоновна. Я, Пантелеевич, ничего. — Я понимаю, но девку жалко. Ведь свое дитя. Кому и думать о ней, как не нам с тобой. Она же у нас самая младшенькая. О ней и вся забота. *(Архип Пантелеевич поднимается и делает жест рукой, чтобы Пелагея Парамоновна замолчала. Прислушивается к голосам).*

Архип Пантелеевич. Нет, это не он. В клуб еще заглянул, что ли? Может, он в библиотеке сидит. Некогда мне с тобой, Парамоновна, эти разговоры вести, время теперь не такое, чтобы его даром терять. Пойдем.

Архип Пантелеевич осторожно берет под руку Пелагею Парамоновну, и они важно уходят. С другой стороны выходят Кирей и Петро. У Петра в руке толстая тетрадь, свернутая в трубочку.

Петро. Неужели уйдешь?

Кирей. Уйду я с этой шахты, Петя, непременно уйду.

Петро. Но почему?

Кирей. Значит есть причина!

Петро. А жаль, Кирюша. Одним словом, грустно! Столько дружим, вместе шахту восстанавливали, и вот теперь ты туда, я сюда. Одним словом, не пойму я тебя, Кирей.

Кирей. Мне и самому не хочется уходить, а придется.

Петро. Что тебе здесь не нравится? Может, тебя кто обидел? А? Скажи, Кирюша. Мы найдем кому пожаловаться. Обиду нельзя таить в душе.

Кирей. Никто меня не обижал и жаловаться я тоже не привык. Это не в моем характере.

Петро. Ну, как знаешь, Кирей, а я тебя не поддерживаю. Уходить с одной шахты на другую — это нечестно. Понял, Кирей? Нечестно!

Кирей. А плестись в хвосте это честно? Там комплексная механизация, сквозной график. Там, ты понимаешь или нет, уже не один комбайн работает. А ты о честности говоришь.

Петро. Эх, Кирей, ты, Кирей! Непонятным ты стал человеком. *(Кирей задумчиво смотрит куда-то вдаль, на лице появляется улыбка).*

Кирей. Если бы ты, Петя, знал, что это за машина! Я специально ездил смотреть. Все сама делает, только умей управлять. Но я время даром не терял, уже кое-что прочитал. Правда, еще мало, но... Потом наверстаю. Ночи не посплю, а изучу до зубочка.

Петро. А знаешь, что, Кирюша?

Кирей. Что ты придумал?

Петро. Ты пока изучай эту машину, а сам продолжай работать на врубовке.

Кирей. Ну хорошо, я изучу, а потом что?

Петро. А там видно будет.

Кирей. По-твоему выходит так: другие пусть осваивают, а ты, Кирей, еще подожди. Так надо тебя понимать, Петро? Или я ошибаюсь? Петро, скажи уж прямо, что ты, мол, Кирей, не дорос, не твоего ума это дело! Так, что ли?

Петро. А если и дорос, так надо обязательно уходить с этой шахты? Ты и на врубовке уже вторую пятилетку кончаешь? Таких, как ты, врубмашинистов еще надо поискать. На твоей работе другие учатся. Ольга каждый день, как шла на работу, так и смотрела на твой портрет. Что тебе еще нужно?

Кирей. Да, с Ольгой получаются нелады Ты ж знаешь, как я к ней отношусь.

Петро. Знаю.

Кирей. Так вот: она не хочет уходить отсюда.

Петро. Почему?

Кирей. Она здесь родилась и здесь выросла.

Петро. Правильно ты это говоришь.

Кирей. Привыкла она к этой шахте.

Петро. А как же иначе?

Кирей. А у меня другие мысли. И вот теперь не знаю, что и делать.

Петро. А ведь правда, что она может не поехать с тобой. Возьмет и скажет: ты, Кирюша, поезжай с богом, а мне и здесь хорошо.

Кирей. Так она сказать не может.

Петро. Нет, может. И даже не подумает. Будь я на ее месте, я так же поступил бы.

Кирей. Бросил бы друга?

Петро. А ты не бросаешь?

Кирей. Ну, я же не совсем бросаю.

Петро. Как не совсем?

Кирей. Да так!

Петро. И ты думаешь, что я тебя буду считать другом, если ты уедешь? Да? Ты так думаешь?

Кирей. Да, конечно!

Петро. Ошибаешься, Кирей.

Кирей. Нет, все равно не останусь. Это мое твердое решение.

Петро. Ну, как знаешь.

Кирей. Это я говорю только тебе, как другу. Смотри, Петро, не проговорись, а то я знаю твой язычок.

Петро. Я, конечно, человек маленький, незаметный, мое дело молчать. Но мне, одним словом, обидно за тебя. Какими глазами я буду смотреть на друзей? Скажи мне: какими? Что я им сообщу, когда спросят? Моргай, Петя, за своего друга.

Кирей. А ты молчи, молчи и все. Ну скажи, что мне, мол, ничего неизвестно.

Петро. Легко сказать, молчи! Глыбу угля заставь, и та не смолчит по такому делу.

Пауза.

Кирей. (*Указывая на тетрадь*). Что это?

Петро. Роли.

Кирей. Учишь?

Петро. Учу!

Кирей. Какой из тебя артист. Таланта у тебя нет, память хуже куриной. Брось, Петя, эту штуку.

Петро. Ишь ты, какой умный, тоже мне брось. Вот назло тебе буду артистом.

Кирей. Ну и будь — мне все равно, только жаль, что время даром теряешь.

Петро. Считаешься умным человеком, а такое говоришь.

Кирей. А ты уже и сердишься, я ведь пошутил.

Петро. Нашел время шутить.

Кирей. Но чего нет, того нет!

Петро. Чего нет?

Кирей. Таланта.

Петро. Эх, сказал бы я тебе, Кирей.

Кирей. Ну, скажи.

Петро. Не хочу.

Кирей. Ты знаешь, я уже письмо получил. Очень просят приехать.

Петро. Дай прочитать!

Кирей. Нельзя, Петя, это мне лично.

Петро. А еще другом называешься. Секреты какие-то появились. Скрываешь от меня.

Пауза.

Петро. Кирюша, смотри, какая звезда на нашей шахте горит. Это мы уже вторую пятилетку выполняем. А парк какой у нас! Такого нигде не найдешь. Только посмотри! Слышишь духовой оркестр? Это наши ребята играют. Выучили увертюру, разные марши, вальсы. На конкурсе первое место заняли. Говорят, что скоро своя оперетта будет. Одним словом — не уезжай! Как друга прошу — подумай!

Кирей. Если бы наше начальство мозгами пошевелило да подумало хорошенько. Я, может быть, и не уехал. А так мне здесь делать нечего.

Петро. И ты еще на начальство обижаешься. Да? Говори!

Кирей. Не то, чтобы обида была, а так... очень досадно. На других шахтах умнее поступают. Знаешь, что у них теперь делается? Шахта, что рядом с нашей, и та через министра добилась машин. Теперь у них все есть. Полная механизация. Есть на чем поучиться. И уголька побольше нашего дают, и породы поменьше, чем у нас. А у нас хотя бы один комбайн был. Или не могут добиться, или душа не болит. Как по-твоему: это правильно? Нет, неправильно! Вот какие дела, Петя. А ты говоришь, что.... А впрочем — откуда тебе все это знать: ты дальше нашего поселка и дорогу не найдешь.

Петро. Знаю, все знаю, и найду, только нам с тобой говорить больше не о чем. Одним словом, конец дружбе. *(Петро уходит)*.

К и р е й. Ты куда, Петя?

П е т р о. Уезжай туда, где все есть, а мы тут стараться будем. Прощай!... Будь здоров!

Петро, не оглядываясь, быстро вышел. Кирей пошел за ним с намерением задержать, но потом остановился, задумался.

К и р е й. Обиделся. А за что? Разве ему не понятно, что я должен перейти на комбайн? Кто может от такого предложения отказаться?.. А как же уладить с Ольгой? Не хочет переходить на другую шахту? Тоже не понимает, неужели и с ней придется расставаться? Как приедет, попробую еще поговорить с ней, может, она передумает. В письмах всего не скажешь. (*Смотрит в ту сторону, куда ушел Петро*). Как хочешь, Петро, а я все равно буду комбайнером! Да, буду! И никакая сила меня не удержит. Это моя мечта. (*Смотрит на часы*). Пора итти, а то, пожалуй, и опоздать можно.

Входит Петро и, спрятавшись за куст, слушает последние слова. Кирей уходит.

П е т р о. Ушел. Ну, иди, иди. Подумаешь! (*Кричит вслед Кирею*). И больше ко мне не подходи. Кончилась наша дружба. Хватит. Еще попрошу ребят, чтобы походный марш сыграли. Ишь какой стал! Зазнался ты, брат, Кирей! (*Садится на скамью, закуривает папиросу*). А вдруг и правда уедет? Чего ему так захотелось уехать? А что, если он другую полюбил и скрывает? И письмо не дал почитать. Откуда она взялась! Не дай бог дядя Архип об этом узнает! Эх, и будет же тогда...

Входит Архип Пантелеевич.

А р х и п П а н т е л е е в и ч. Кто здесь кричал?

П е т р о. (*Подхватывается со скамьи и раскрывает тетрадь*). Я, дядя Архип!

А р х и п П а н т е л е е в и ч. А почему ты кричал?

П е т р о. Это я так, сам с собою... Роль репетировал. Очень интересная роль. Одним словом, трагическая.

А р х и п П а н т е л е е в и ч. Где Кирюша?

П е т р о. Не знаю!

Архип Пантелеевич. Ты должен знать, Петро, он твой друг.

Петро. Одним словом... Нет, дядя Архип, не знаю.

Архип Пантелеевич. Вот тебе и на. Такие вы, значит, друзья: всегда вместе и вдруг не знаешь, где он.

Петро. И знать не могу, хватит, надружились.

Архип Пантелеевич. Быстро разошлись.

Петро. Не друг он мне больше.

Архип Пантелеевич. Чего же это так?

Петро. Он сам виноват... Дядя Архип, тут надо обсудить хорошенько одно серьезное дельце.

Архип Пантелеевич. Что еще за дельце?

Петро. Этот вопрос касается Кирея.

Архип Пантелеевич. Что с ним случилось? Не в беду ли он какую попал? Ну-ка, говори, только покороче.

Петро. Эх, дядя Архип, — потерял я друга. С детства вместе, и вот теперь... Знаете, как обидно!

Архип Пантелеевич. Знаю!

Петро. Я ему уже и то, и это, и всякое другое, а он... Одним словом, потерял.

Архип Пантелеевич. Чего вы разругались?

Петро. Он уезжает. Вот и все, дядя Архип!

Архип Пантелеевич. Уезжает?

Петро. Да.

Архип Пантелеевич. Куда?

Петро. Не знаю.

Архип Пантелеевич. А почему же мне ничего не известно? Или я больше не нужен. Теперь, мол, сами с усами. Так, что ли, надо понимать?

Петро. Я и сам его не пойму. Говорит, что ему делать здесь больше нечего.

Архип Пантелеевич. Мг-м, да, порадовал старика. А может быть, ты, Петро, придумал? Я знаю, что ты на всякие выдумки мастер.

Петро. Он и письмо какое-то получил. Такое письмо, что и мне почитать не дал.

Архип Пантелеевич. Он и раньше получал

письма. Писали ему и из Кузбасса, и из Подмосковья, и из Караганды.

Петро. Так то другие были письма. Те он давал читать, а это... Одним словом, какой-то секрет.

Архип Пантелеевич. Рано секреты завел.

Петро. Как же Кирея отговорить?

Архип Пантелеевич. Надо его найти.

Петро. Теперь я и не знаю, где его искать.

Архип Пантелеевич. Ты давно его видел?

Петро. Недавно.

Архип Пантелеевич. Здесь был?

Петро. Да!

Архип Пантелеевич. Куда он пошел?

Петро. *(Указывая рукой)*. Прямо по этой аллее.

Архип Пантелеевич. Ну вот что, Петро, ты посиди здесь, и если увидишь его — задержи. Скажи, что я тебе велел. А я пройдусь, может, и его встречу.

Петро. Хорошо, дядя Архип. Одним словом, я его не отпущу, если покажется. Скажу, что это ваш безоговорочный приказ. Пусть попробует только не послушается!

Архип Пантелеевич. Вот, вот. Придержи его тут, а там и я подойду. Тогда и разберемся, что к чему.

Архип Пантелеевич уходит. Петро, пройдясь по сцене, садится на скамью. Выходит Пелагея Парамоновна.

Пелагея Парамоновна. Опять куда-то исчез мой Пантелеевич. Минуты не посидит на месте. А, это ты, Петяша, сидишь?

Петро. Я, тетя Пелагея.

Пелагея Парамоновна. Пантелеевича не видел?

Петро. Видел, тетя Пелагея.

Пелагея Парамоновна. Куда же он подался?

Петро. Пошел по делам.

Пелагея Парамоновна. И в праздник не найдет времени отдохнуть. Все у него дела.

Петро. Он очень расстроился.

Пелагея Парамоновна. Ах, батюшки, чего же это он расстроился? Теперь и ужинать не будет. Ему

это расстройство не в пользу. Кто же его так разволновал?

Петро. Тут один момент получился.

Пелагея Парамоновна. Какой момент?

Петро. Одним словом — музыкальный!

Пелагея Парамоновна. Говорила же я ему: не слушай много музыки. Она только расстройство и приносит. Так играют, так играют, что меня и то берет за сердце.

Петро. Тетя Пелагея, тут получился момент совсем не музыкальный. По другой причине все вышло. Мне вам и говорить не хочется.

Пелагея Парамоновна. Как же это так, Петя, что тебе и говорить не хочется?

Петро. Одним словом — сплошная увертюра.

Пелагея Парамоновна. Какая увертюра?

Петро. Кирюшкина!

Пелагея Парамоновна. Ах, батюшки, что же это получилось с ним? Не заболел ли он?

Петро. Как есть, в истинную точку попали.

Пелагея Парамоновна. Чем?

Петро. Мечтательностью!

Пелагея Парамоновна. Что-то о такой болезни не слышала.

Петро. Я и сам первый раз встречаю. Был человеком, как и все другие люди, а теперь...

Пелагея Парамоновна. А что теперь, Петя?

Петро. Затмение на него нашло какое-то.

Пелагея Парамоновна. Ах, боже ты мой! Как же это... Надо к доктору бежать.

Петро. Не поможет.

Пелагея Парамоновна. А кто же поможет?

Петро. Я и сам не знаю. Уже все подходы и выходы испробовал и... никаких результатов. Одним словом, человек запутался в своих мыслях.

Пелагея Парамоновна. Ах, ты милостивый!.. Что же это за наказание такое...

Пауза.

Петро. Мг-м, да... Вот какая чепуха с человеком получилась... И кто мог подумать, что...

Пелагея Парамоновна. Петяша! Вот послушай, что я хочу сказать. Тут есть старуха... Она все способы знает... Так может...

Петро. Не поможет. *(Укоризненно)*. Тетя Пелагея, как вам не стыдно итти на поводу у отсталых мнений. А если дядя Архип об этом дознается, что он подумает? Каково его положение в обществе будет, как почетного шахтера?

Пелагея Парамоновна. Да ведь я так, Петя, только посоветоваться хотела... И давно это с ним случилось?

Петро. Со вчера, а сегодня окончательно заговорил. Прямо удержу нет.

Пелагея Парамоновна. Ай-я-я! Что ж теперь делать?

Петро. Когда приедет Ольга Архиповна?

Пелагея Парамоновна. Писала, что скоро.

Петро. Эх жаль, что ее близко нет. Знаете что?.. А что, если мы ее вызовем?

Пелагея Парамоновна. Она и так может приехать не сегодня—завтра.

Петро. Может опоздать. Тут в каждый миг может это случиться. Надо спешить, а то... Потом пиши пропало!

Пелагея Парамоновна. Да как же это, Петенька, сделать? Ума не приложу. А я думала: ну приедет Олюшка, сыграем свадьбу, и заживут они, как все другие люди. А оно вон что получается.

Петро. Нет, тетя Пелагея, свадьба теперь дело почти нереальное. Но вы, тетя Пелагея, духом не падайте, возьмите себя в руки.

Пелагея Парамоновна. Да как же так?

Петро. Это дело мы так не оставим. Кто ему давал право так самостоятельно поступать?

Пелагея Парамоновна. *(Вытирает платком глаза)*. Правильно, Петя, правильно.

Петро. Да я... Вы знаете, какой я злой бываю в таких обстоятельствах? Ого! Меня и родной отец не удержит. Надо только растревожить мою душу, а там — я сам все сделаю! Вы не поверите, какой я ре-

шительный бываю. Страшные вещи могу натворить...

Пелагея Парамоновна. А казался всегда таким тихеньким. А оно... ишь ты, какой смелый!

Петро. Вы меня, тетя Пелагея, хорошо еще не знаете. Попадись мне под горячую руку, я...

Пелагея Парамоновна. Ну чисто, как мой Пантелеевич.

Петро. А разве он тоже?

Пелагея Парамоновна. Точь в точь, как он.

Петро. Одним словом, я найду причину. Дайте я сейчас немножко подумаю. Это дело очень серьезное.

Петро быстро ходит по сцене, делая вид, что напряженно думает, что-то шепчет, разводит руками, грозит кулаком, останавливается, потом опять быстро ходит. Пелагея Парамоновна внимательно наблюдает за ним, тайком крестясь. Петро внезапно остановился перед ней и мгновение смотрит пристально на нее.

Петро. Придумал! Давайте пустим слух, что вы за меня отдаете Ольгу Архиповну!

Пелагея Парамоновна. Ты только подумай, что ты говоришь! Каково матери слушать такие слова? У нас все, можно сказать, приготовлено, а он с своим предложением... И еще Кирюшкиным другом считается. Вот подожди, как я Пантелеевичу расскажу об этом.

Петро. Что вы, тетя Пелагея, расходились, как холодный самовар, не выслушав. Кирей уезжает, вот я и...

Пелагея Парамоновна. Уезжает?

Петро. В том-то и дело, что уезжает.

Пелагея Парамоновна. А что же ты мне насчет болезни здесь полчаса голову морочил; а я сижу и слушаю его, как самостоятельного человека. Куда он уезжает?

Петро. Это мне еще неизвестно. Я так думаю, что он решил воспользоваться моментом.

Пелагея Парамоновна. Опять музыкальным?

Петро. Да нет — какой там музыкальный.

Пелагея Парамоновна. Ну, Петя, у меня нет времени с тобой тут попусту болтать. Я пойду.

Петро. Тетя Пелагея. Я это нарочно придумал, чтобы...

Пелагея Парамоновна. *(Не слушая его, идет к выходу. Потом останавливается и, подумав, говорит ему решительно).* Если увидишь Пантелеевича, то скажи ему, чтобы он домой шел. Люди по-праздничному дома сидят, а он где-то метушится. Все у него какие-то дела.

Пелагея Парамоновна уходит. Петро, махнув рукой, садится на скамью и, развалившись по-домашнему, пускает клубы табачного дыма. Входит Архип Пантелеевич.

Архип Пантелеевич. Не было Кирея?

Петро. Нет, дядя Архип, не было.

Архип Пантелеевич. Мг-м, да. Плохи наши дела, Петро, плохи. Если я его сегодня не найду — все может лопнуть, как мыльный пузырь. А не хотелось бы мне упускать первенство.

Петро. Какое первенство, дядя Архип?

Архип Пантелеевич. Завтра на нашу шахту прибывает угольный комбайн. Подбирают мишинистов. Я и хотел Кирею сообщить радостную весть. Сегодня на парткоме утвердили его кандидатуру. Вот я и хотел ему сказать, чтобы он первый взял обязательство освоить комбайн. Такую честь упустить нельзя.

Петро. Дядя Архип, так говорите, что комбайн завтра будет на шахте?

Архип Пантелеевич. Ну да, завтра. Уже машины отправлены за ним.

Петро. Дядя Архип, у меня мысль появилась.

Архип Пантелеевич. Послушаем, что это еще за мысль. Если умная — примем, а за плохую — не прогневайся на старика за откровенность.

Петро. Что если я возьму обязательство? Я же тоже врубовку знаю, как свои пять пальцев.

Архип Пантелеевич. Мысль неплохая. А справишься ли ты, Петро? Комбайн — машина сложная. Ее надо изучить, понять. А тут еще есть люди, которые говорят, что на нашей шахте пласты не подходящие для комбайна? А? Вот и выходит, что тот, кому доверят это серьезное дело, должен показать, что разговоры насчет пласта являются пустыми разговорами.

Петро. Дядя Архип. Я конечно буду тоже про-

ситься на комбайн, но я так не справлюсь, как Кирей. Я у него учился работать на врубовке. Лучше мы будем с ним соревноваться.

Архип Пантелеевич. Тоже умная мысль.

Петро. Дядя Архип, у меня к вам просьба.

Архип Пантелеевич. Какая?

Петро. Поддержите и мою кандидатуру. Я вас не подведу. А Кирей теперь никуда не уедет, надо ему только сообщить. А кто вам сказал?

Архип Пантелеевич. О чем?

Петро. Что завтра прибывает.

Архип Пантелеевич. Начальник шахты.

Петро. Это он, дядя Архип, потому, что сильно уважает вас. Только подумать, сколько вы угля на своем веку вывернули. Прямо затрудняюсь сказать. Наверно не меньше этого террикона?

Архип Пантелеевич. Ты, Петро, что-то многовато взял!

Петро. Дядя Архип, а кто распорядился насчет комбайна? Наверно министр?

Архип Пантелеевич. Думают об этом наши коммунисты, а министр поддержал. Коммунисты плохое не придумают, а министр всякое умное дело поддержит.

Петро. Он наверное подумал: как же это так, на орденоносной шахте, где трудятся такие старые почетные шахтеры, как вы, Архип Пантелеевич, комбайна до сих пор нет? Кто же эти люди, которые не посылают? Почему, мол, задерживают? Это же, одним словом, безобразие!

Архип Пантелеевич. Мы с тобой заговорились и забыли, что Кирея надо найти. Время идет, а мы сидим.

Петро. И правда! Эх, Кирей, что ты надумал? А знаете что, дядя Архип?

Архип Пантелеевич. А что?

Петро. Кирей без вас не уедет. Он обязательно придет попрощаться. Я его знаю. Не может он иначе поступить. А мы ему и сообщим новость. Вот здорово получится. Как я раньше не подумал об этом?

Архип Пантелеевич. Ну, если он завтра придет, то и радоваться нечему. Мне придется краснеть перед парторгом. Я ему обещание давал.

Петро. Нет, дядя Архип, сегодня, обязательно сегодня придет. Я точно знаю. Давайте я покричу, он наверно вас уже ищет где-нибудь поблизости. *(Громко кричит)* Кирей!.. Кирей!.. Кирей!

Архип Пантелеевич. Что у тебя с голосом?

Петро. Пропал от всяких волнений. Мне дали такую роль, что от начала до конца надо кричать. Вот я и хриплю. Но я еще попробую: Кирюша! Слышишь меня, Кирюша! Дело важное есть!

Выходит Кирей, останавливается.

Кирей. Чего ты, Петро, раскричался?

Петро. Смотри, пришел! Дядя Архип, Архип Пантелеевич, Кирей пришел, смотрите! А мы тут переживаем!

Кирей. Ты же со мной в ссоре.

Петро. Некогда ссориться, ты послушай, что скажет дядя Архип.

Архип Пантелеевич. Долго я тебя, Кирей, искал.

Выходят Пелагея Парамоновна и Ольга.

Ольга. Папа, он меня встречал.

Кирей. Архип Пантелеевич, я пришел поблагодарить вас. Вы мне помогли стать хорошим врубмашинистом... Теперь я решил...

Архип Пантелеевич. Вот что, Кирей, скажу я тебе: благодарить ты должен не меня, а нашу партию и любимого вождя товарища Сталина. Мы его дети и воспитанники. Он сделал нас настоящими людьми. Вот так, Кирей. А теперь я тебя спрошу: ты уезжать собрался?

Кирей. Мне очень не хочется уезжать.

Архип Пантелеевич. А почему ж ты уезжаешь? Может быть, тебе с нами скучно стало?

Кирей. Не то, чтобы скучно, а мне очень хочется стать комбайнером.

Архип Пантелеевич. И ты решил, что наша шахта хуже других и у нас комбайна не будет? Так, что ли? Поторопился, поторопился оставить семью, в которой рос.

Кирей. Архип Пантелеевич...

Архип Пантелеевич. Так вот, завтра у нас будет комбайн!

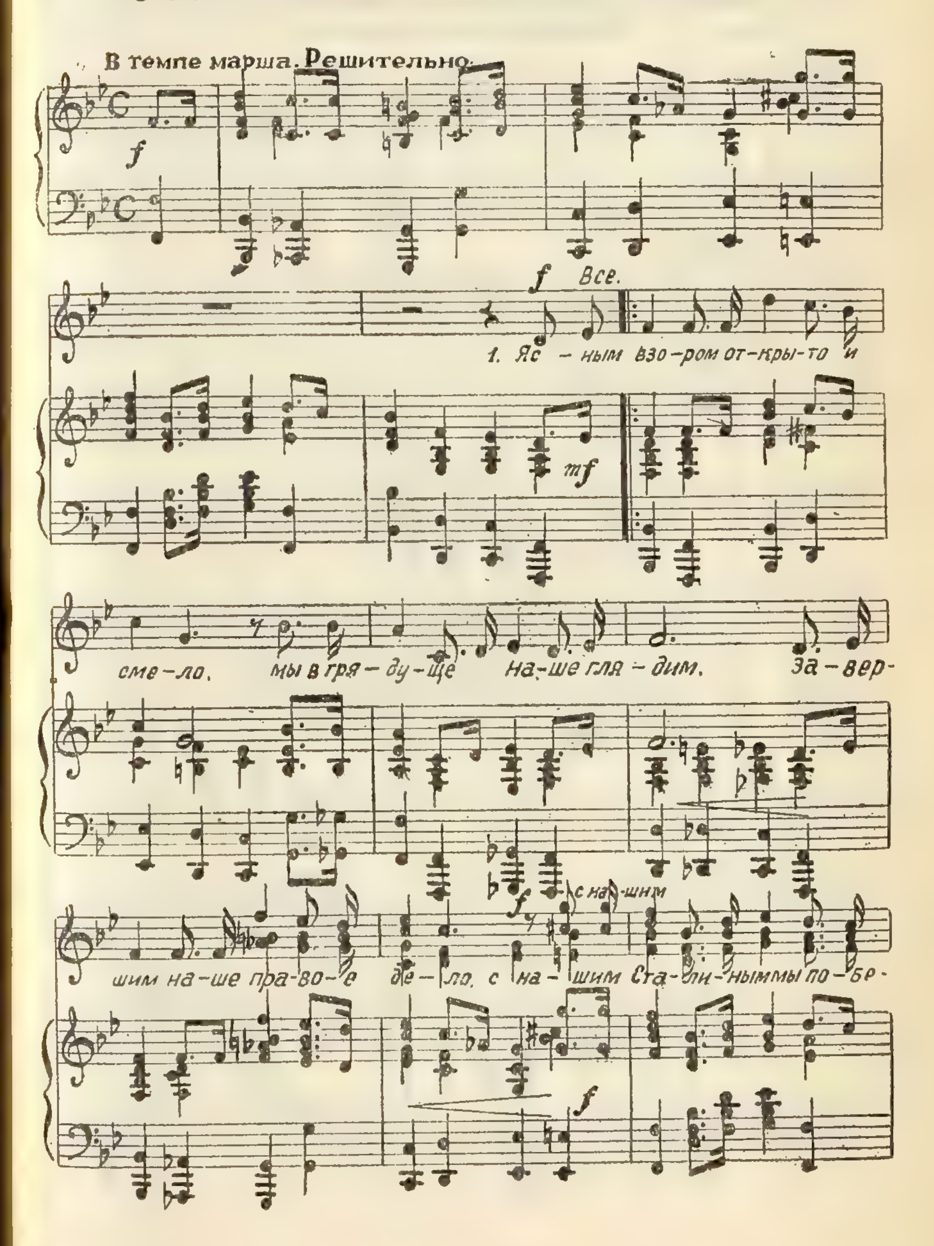
Кирей порывисто бросается к Архипу Пантелеевичу и крепко жмет ему руку, остальные окружают их.

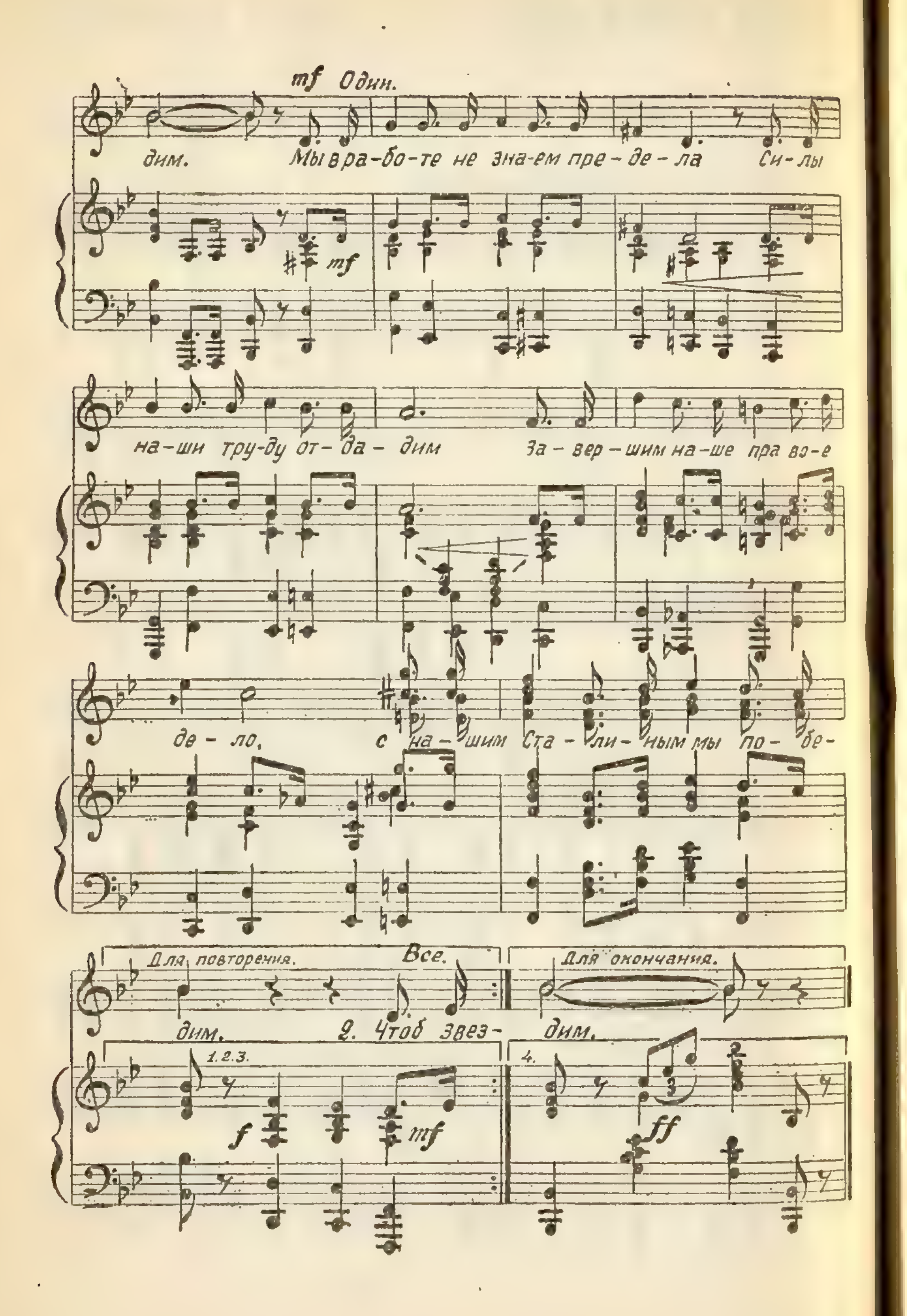
Занавес.

Слова **П. БЕСПОЩАДНОГО** Муз. **З. ДУНАЕВСКОГО.**

С НАШИМ СТАЛИНЫМ МЫ ПОБЕДИМ.

mf Один.
дим. Мы в ра-бо-те не зна-ем пре-де-ла Си-лы
mf
на-ши тру-ду от-да-дим За-вер-шим на-ше пра-во-е
де-ло, с на-шим Ста-ли-ным мы по-бе-
Для повторения.
Все.
дим. 2. Чтоб звез-
Для окончания.
дим.
1.2.3.
4.
f
mf
ff

1. Ясным взором открыто и смело,
Мы в грядущее наше глядим,
Завершим наше правое дело,
С нашим Сталиным мы победим.

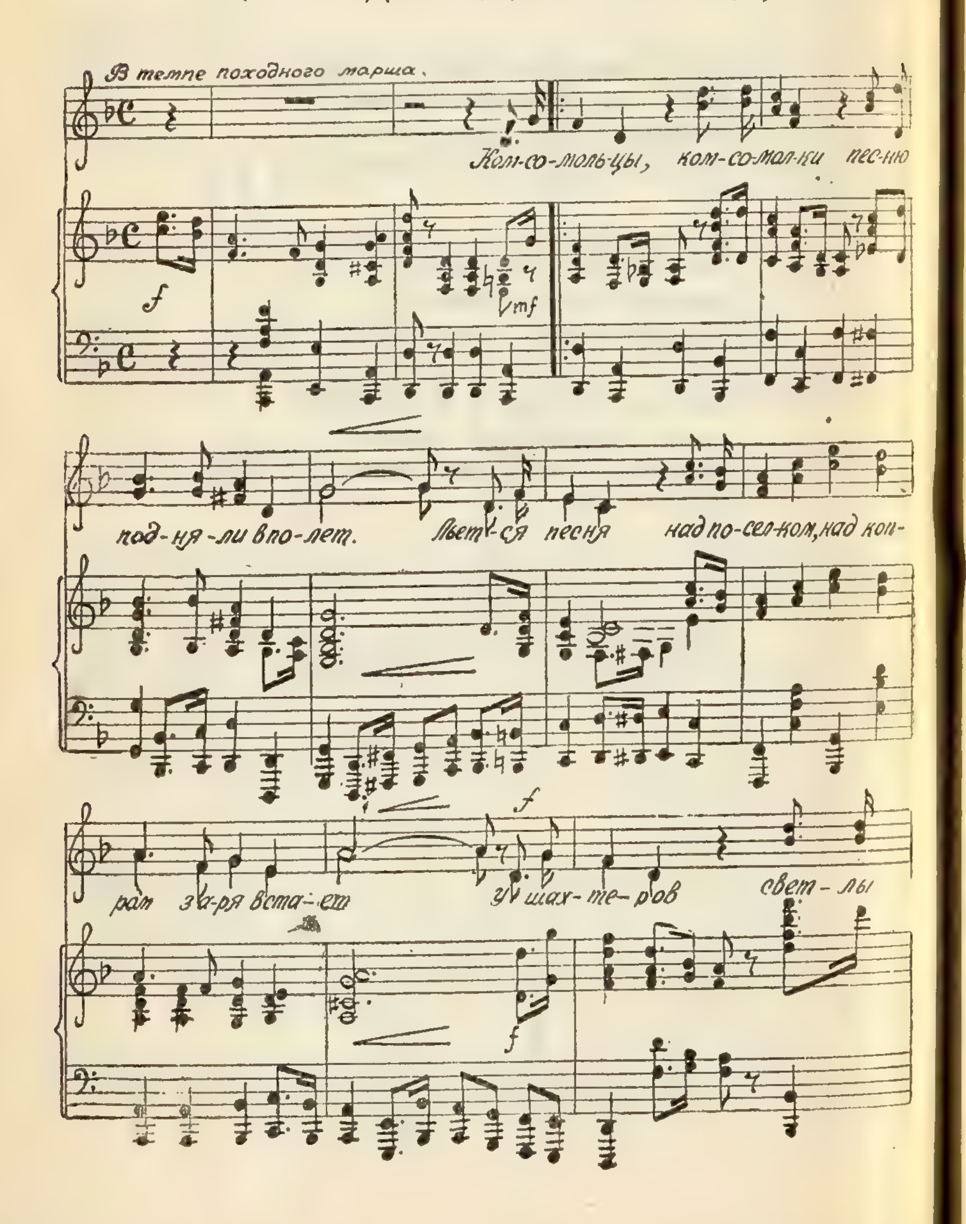
Мы в работе не знаем предела!
Силы наши труду отдадим!
Завершим наше правое дело,
С нашим Сталиным мы победим.

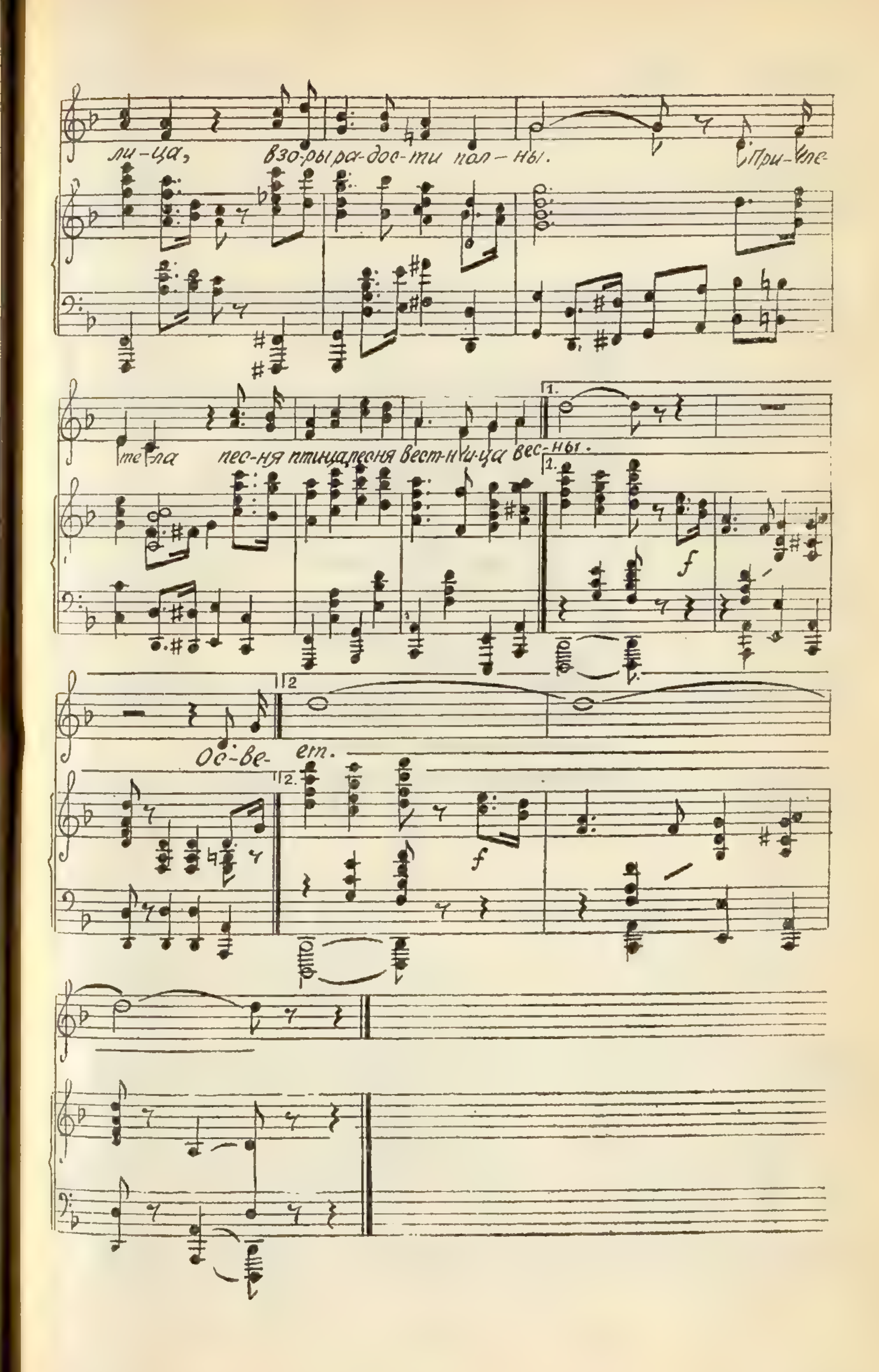
2. Чтоб звезда наша гордо горела,
Землю Родины свято храним.
Завершим наше правое дело,
С нашим Сталиным мы победим.

Чтобы старость в борьбе молодела.
Помогая орлам молодым,
Завершим наше правое дело,
С нашим Сталиным мы победим.

Слова П. БЕСПОЩАДНОГО — Муз. З. ДУНАЕВСКОГО

КРАСНОДОНСКАЯ ШАХТЕРСКАЯ

ли-ца, взо-ры ра-дос-ти пол-ны. При-иле-
те-ла пес-ня птица песня вест-ни-ца вес-ны.
1.
1.
f
Ос-ве-
ет.
2
2.
f

1. Комсомольцы, комсомолки
Песню подняли в полет.
Льется песня над поселком,
Над копром заря встает.
У шахтеров светлы лица,
Взоры радости полны.
Пролетела песня-птица,
Песня—вестница весны.

2. Осветил нам Сталин-солнце
Штреки вольного труда,
Над копрами краснодонцев
Рдеет яркая звезда.
Комсомольцы, комсомолки
Песню подняли в полет,
Льется песня над поселком,
Над копром заря встает.

Слова М. УПЕНІКА

Муз. С. РАТНЕРА

НАШ КРАЙ ЦВІТЕ

Помірно.

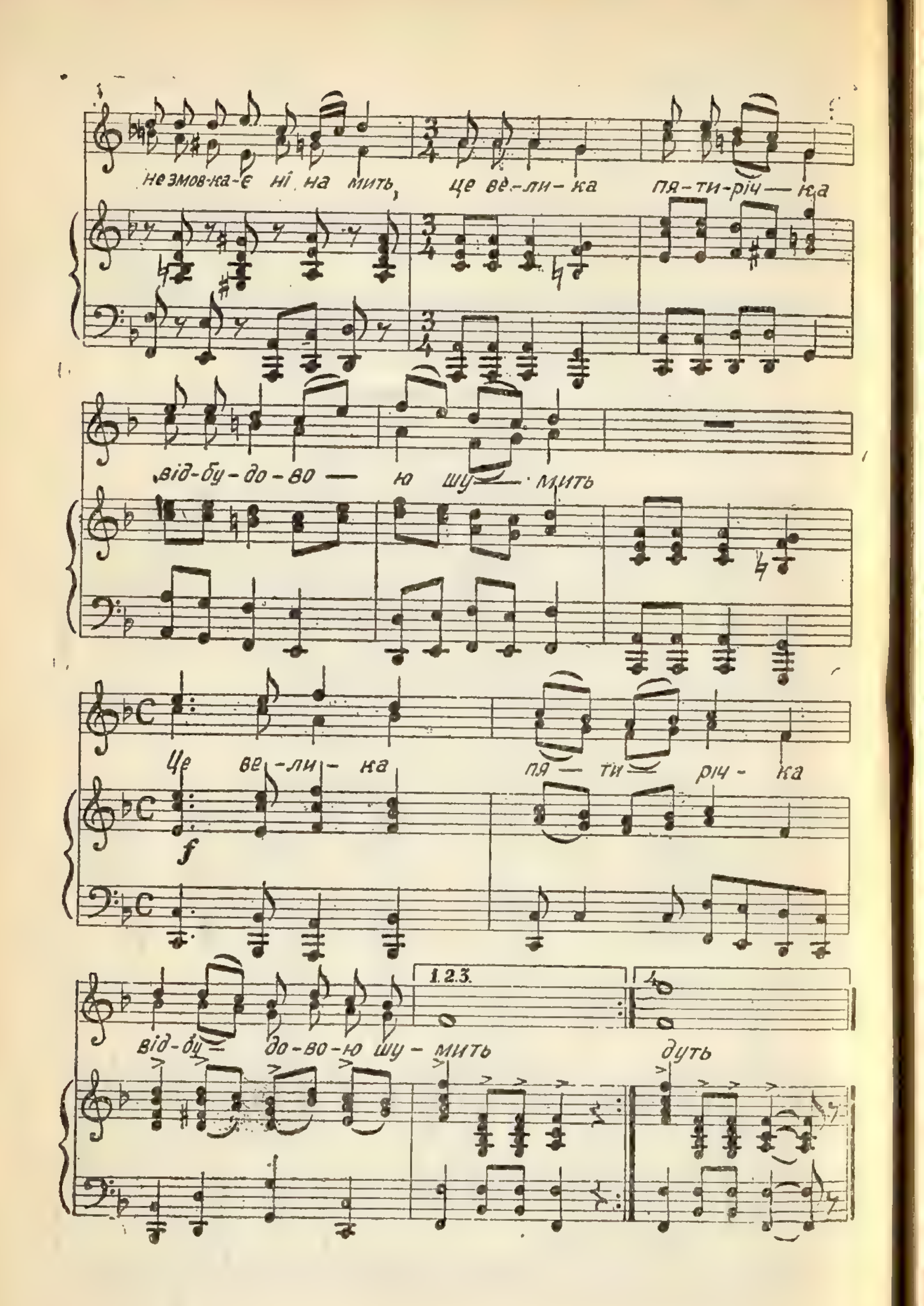
ff *p*

По — ди-вись те-пер нав-ко-ло як До-не... як До-неч-чи-на зрос-та.

Тут вста-ють за-вод і шко-ла, там під-во-дять-ся міс-та.

Край гу-де мов ду-жа річ-ка,

*) — *Мелкие ноты исполняются во 2-м куплете*

незмов-ка-є ні на мить, це ве-ли-ка п'я-ти-річ — ка
від-бу-до-во — ю шу — мить
Це ве-ли-ка п'я — ти — річ - ка
від-бу — до-во-ю шу - мить
1.2.3.
дуть

1. Подивись тепер навколо,
Як Донеччина зроста.
Тут встають завод і школа,
Там підводяться міста.
Край гуде, мов дужа річка,
Не змовкає ні на мить,
Це Велика п'ятирічка
Відбудовою шумить. } 2 рази.

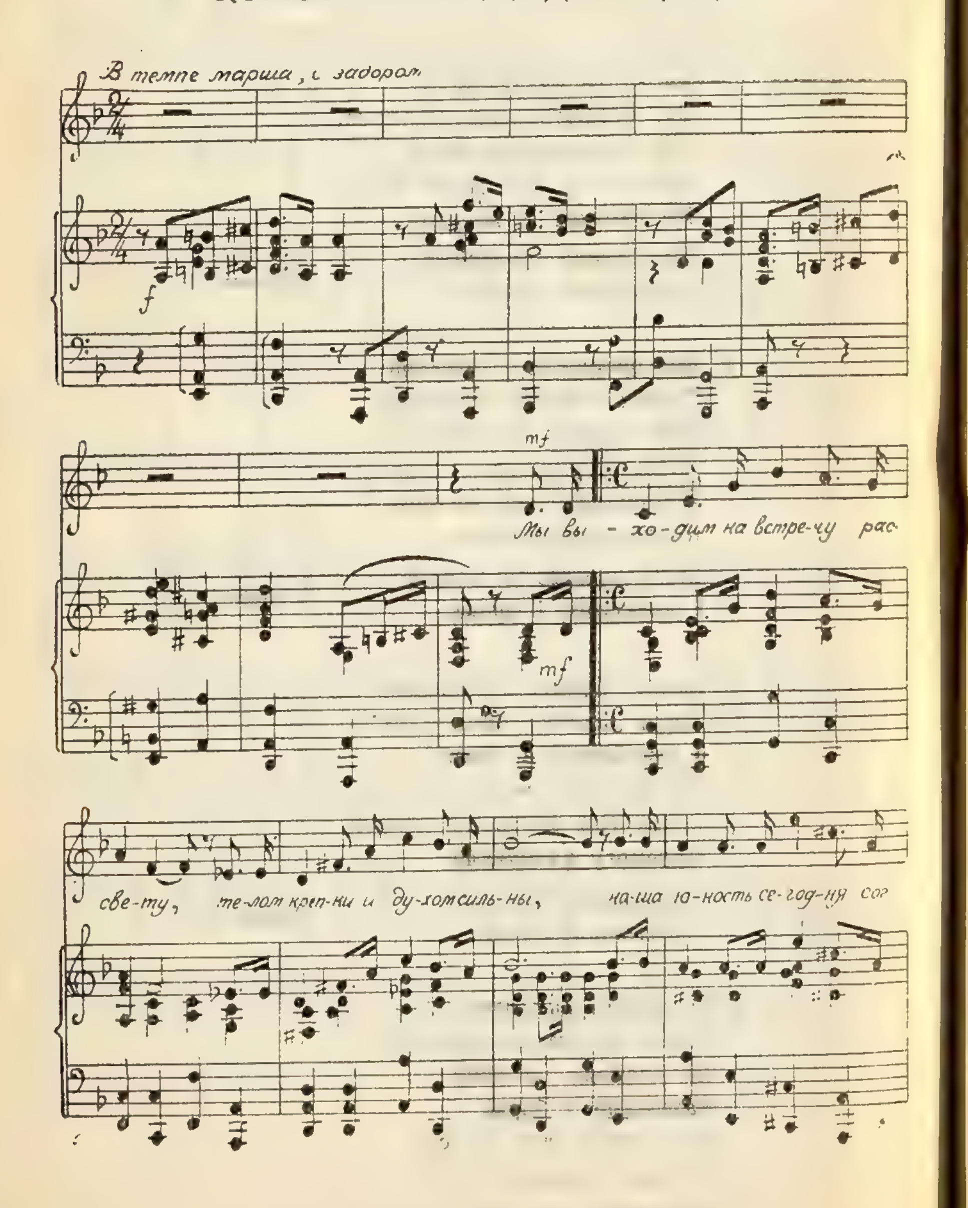
2. Ми працюємо, і кожний
Бачить Сталіна в Кремлі,
Він складає переможний
План відродження землі.
Він колись повів до бою
Мужніх воїнів своїх.
Він покликав за собою
І дорослих, і малих. } 2 рази.

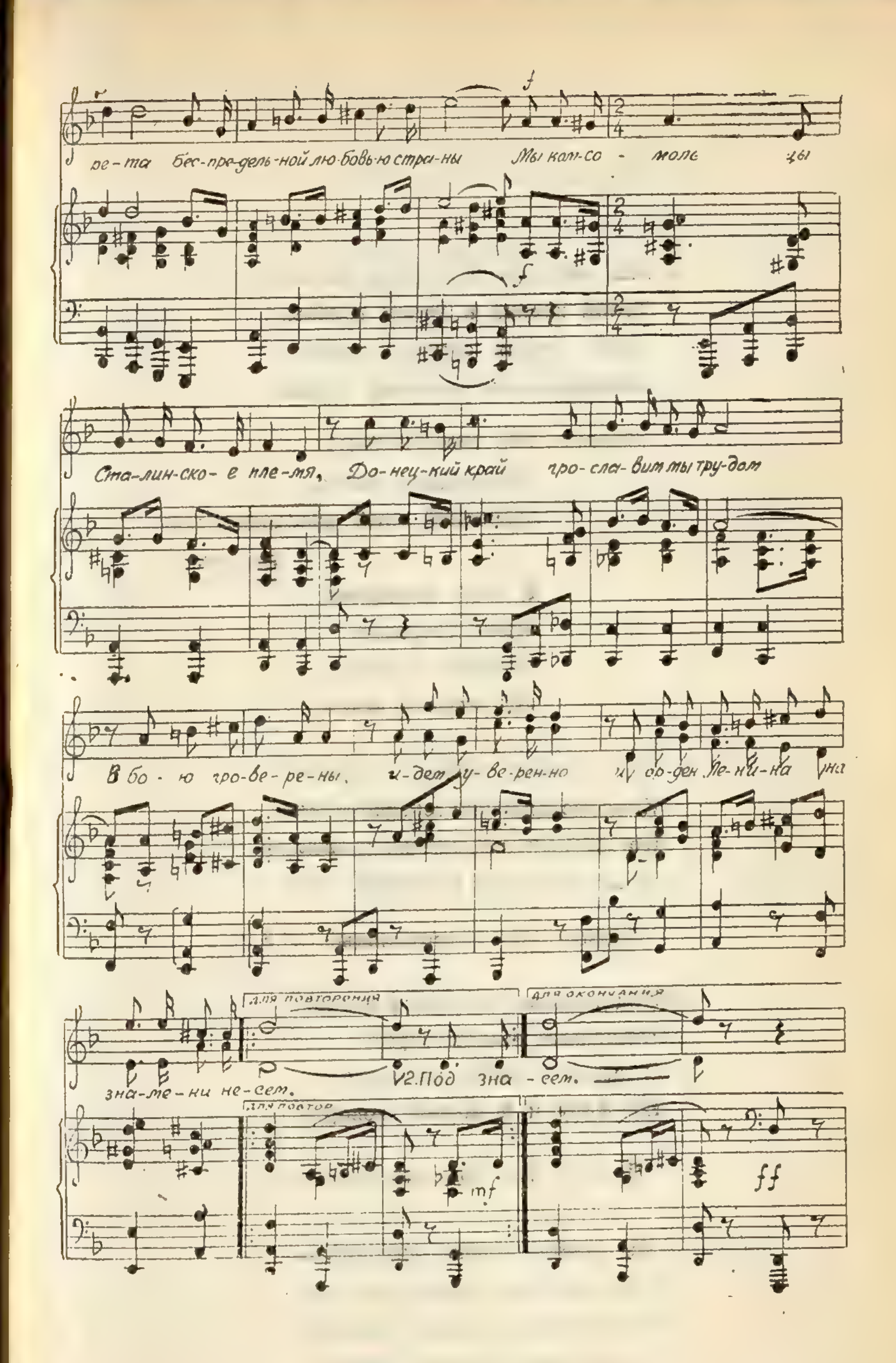
3. Слава людям, що полями
Йшли хоробро тими днями,
І пробилися з боями
Чи загинули в бою.
Слава тим, що в дні навали
Перемогу здобували
І на вільній стороні
Засвітили ці вогні. } 2 рази.

4. У вибої і на домні
Люди трудяться невтомні.
Як свободу на війні
Захищали у борні.
Щоб країні далі плисти
У свою чудову путь,
Машиністи, мов танкісти,
Грізні врубовки ведуть. } 2 рази.

Слова В. ШУТОВА Муз. З. ДУНАЕВСКОГО

КОМСОМОЛЬСКАЯ-ДОНЕЦКАЯ

ре-та Бес-пре-дель-ной лю-бовь-ю стра-ны Мы ком-со - моль цы
Ста-лин-ско-е пле-мя, До-нец-кий край про-сла-вим мы тру-дом
В бо - ю про-ве-ре-ны, и-дем у-ве-рен-но и ор-ден Ле-ни-на зна
зна-ме-ни не-сем.
для повторения
для окончания
V2.Под зна - сем.
для повтор
f
mf
ff

1. Мы выходим навстречу рассвету,
Телом крепки и духом сильны,
Наша юность сегодня согрета
Беспредельной любовью страны.

Припев: Мы комсомольцы,
Сталинское племя,
Донецкий край прославим мы
трудом.
В бою проверены,
Идем уверенно
И орден Ленина
На знамени несем.

2. Под знамена свободы сбирались
Комсомольцы шахтерской земли,
По-геройски за счастье сражались
И на смерть за Отечество шли.

Припев: Мы комсомольцы... и т. д.

3. Над копрами Донбасса родного
Негасимые звезды горят,
О делах горняка молодого
На Дону и в Москве говорят.

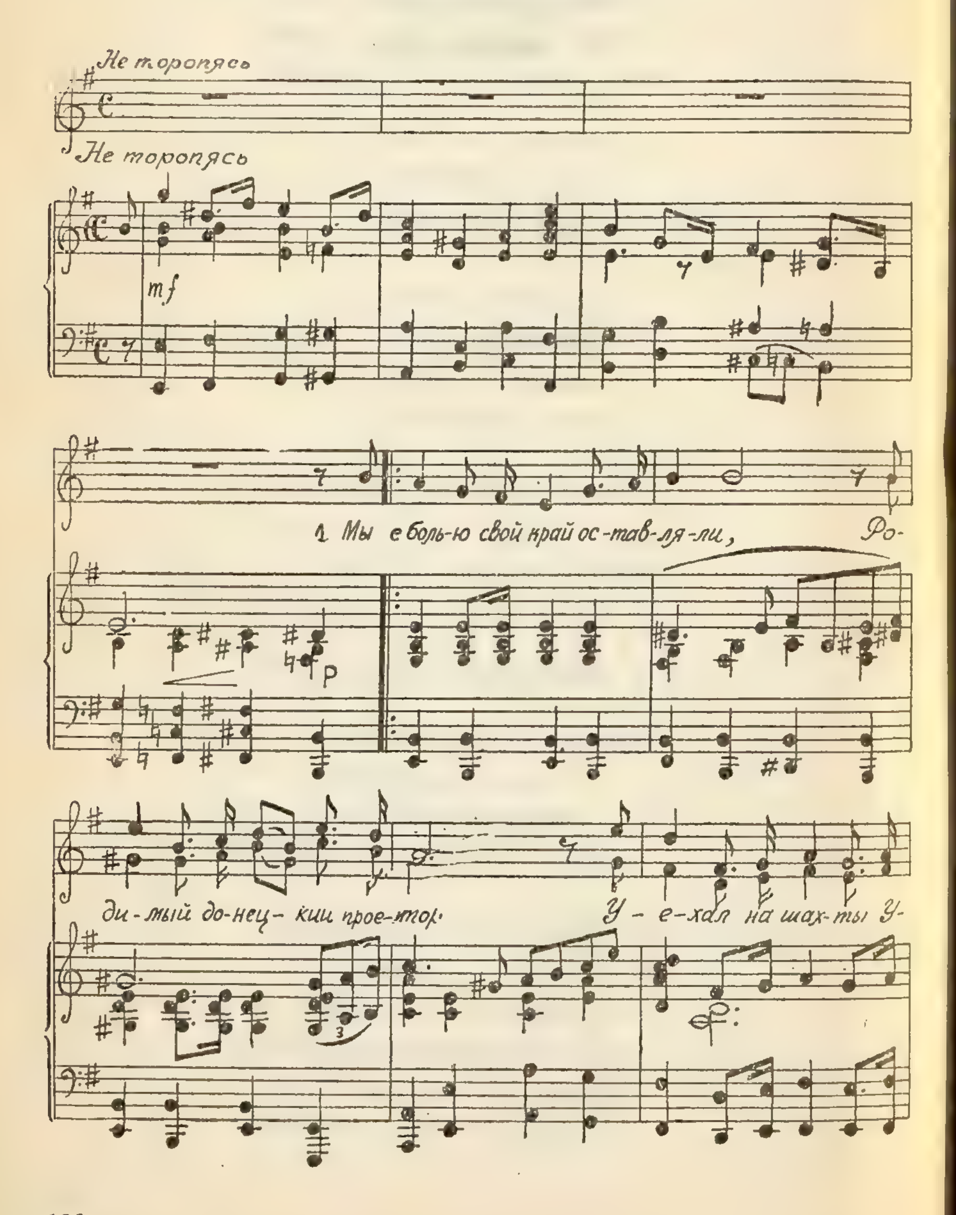
Припев: Мы комсомольцы... и т. д.

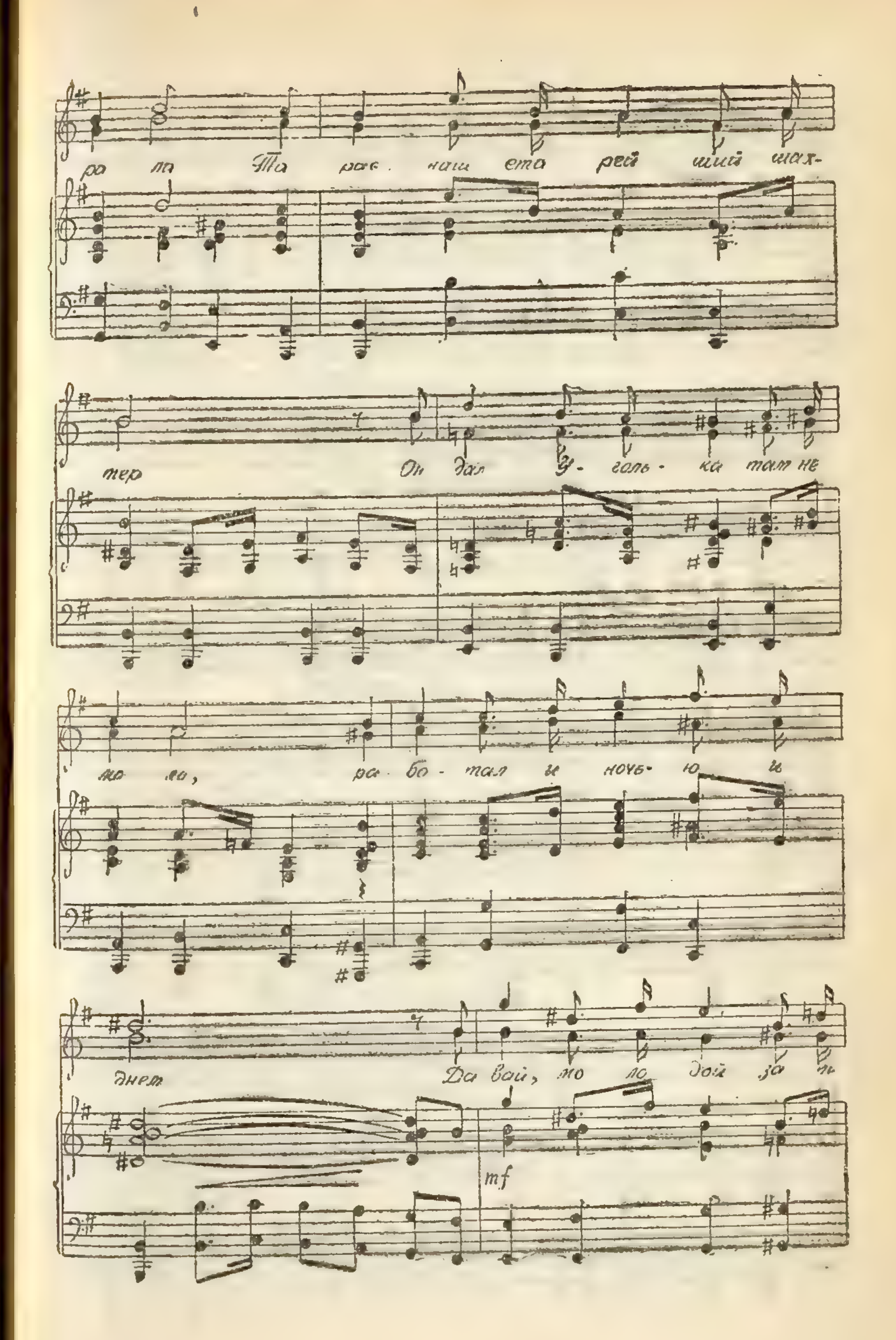
4. Мы любую осилим преграду —
Комсомольцам препятствия нет.
Нам Отчизна вручила награду,
Сталин нам посылает привет.

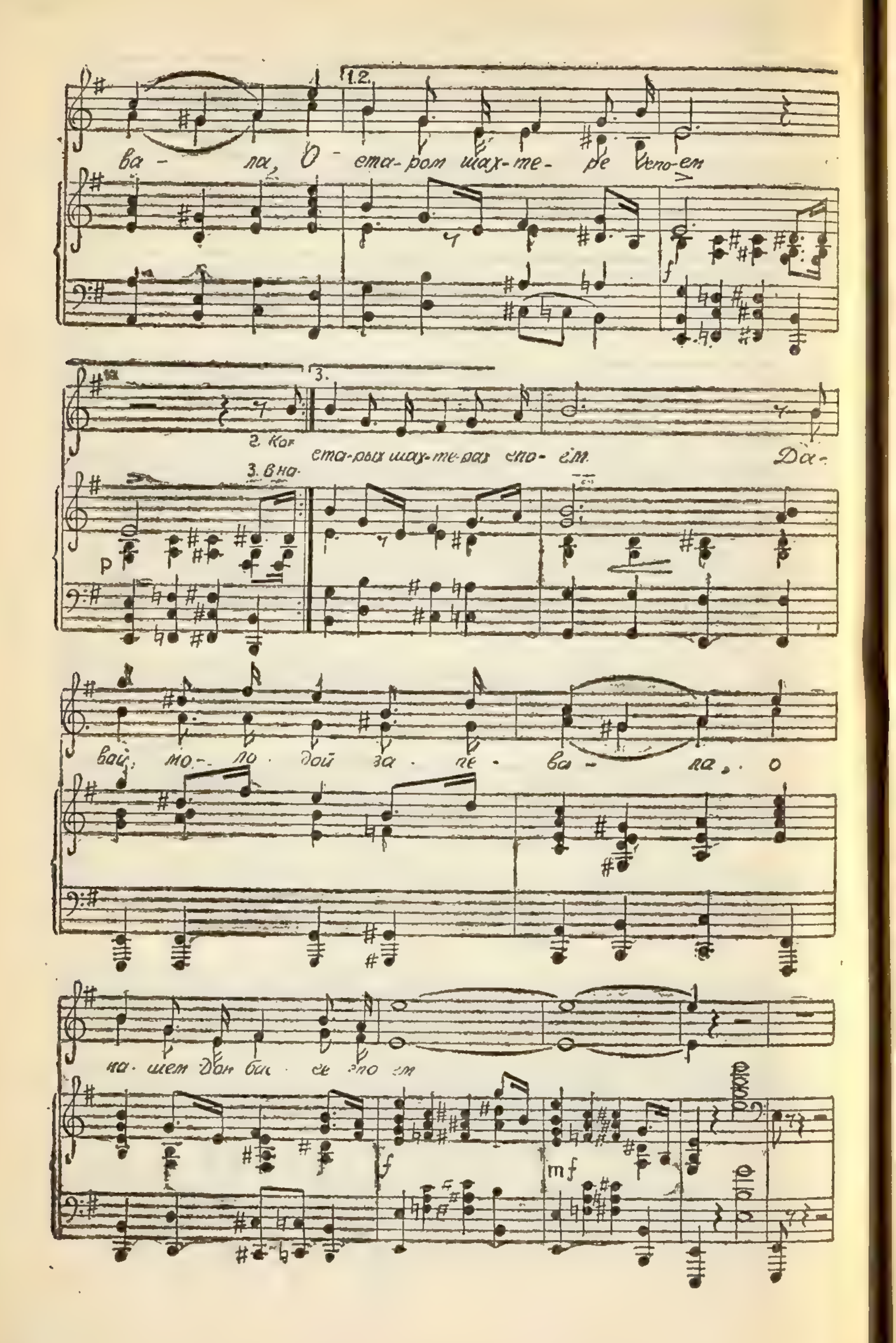
Припев: Мы комсомольцы,
Сталинское племя,
Донецкий край прославим мы
трудом.
В бою проверены,
Идем уверенно
И орден Ленина
На знамени несем.

Слова и музыка М. ФОДЕРМАНА

ПЕСНЯ О СТАРОМ ШАХТЕРЕ

ра ла Та рас. наш ста рей ший шах-
тер Он дал у. голь. ка там не
мо ла, ра бо - тал и ночь- ю и
днем Да вай, мо ло дой за
mf

1.2.
ва - ла, О - ста-ром шах-те- ре
2. Как ста-рых шах-те-рах спо-ём. Да-
3. В на-
3.
вай, мо-ло-дой за-пе-ва-ла, о
на-шем Дон-бас-се
p
f
mf

1. Мы с болью свой край оставляли,
Родимый донецкий простор,
Уехал на шахты Урала
Тарас, наш старейший шахтер.
Он дал уголька там не мало,
Работал и ночью и днем.
Давай, молодой запевала,
О старом шахтере споем.

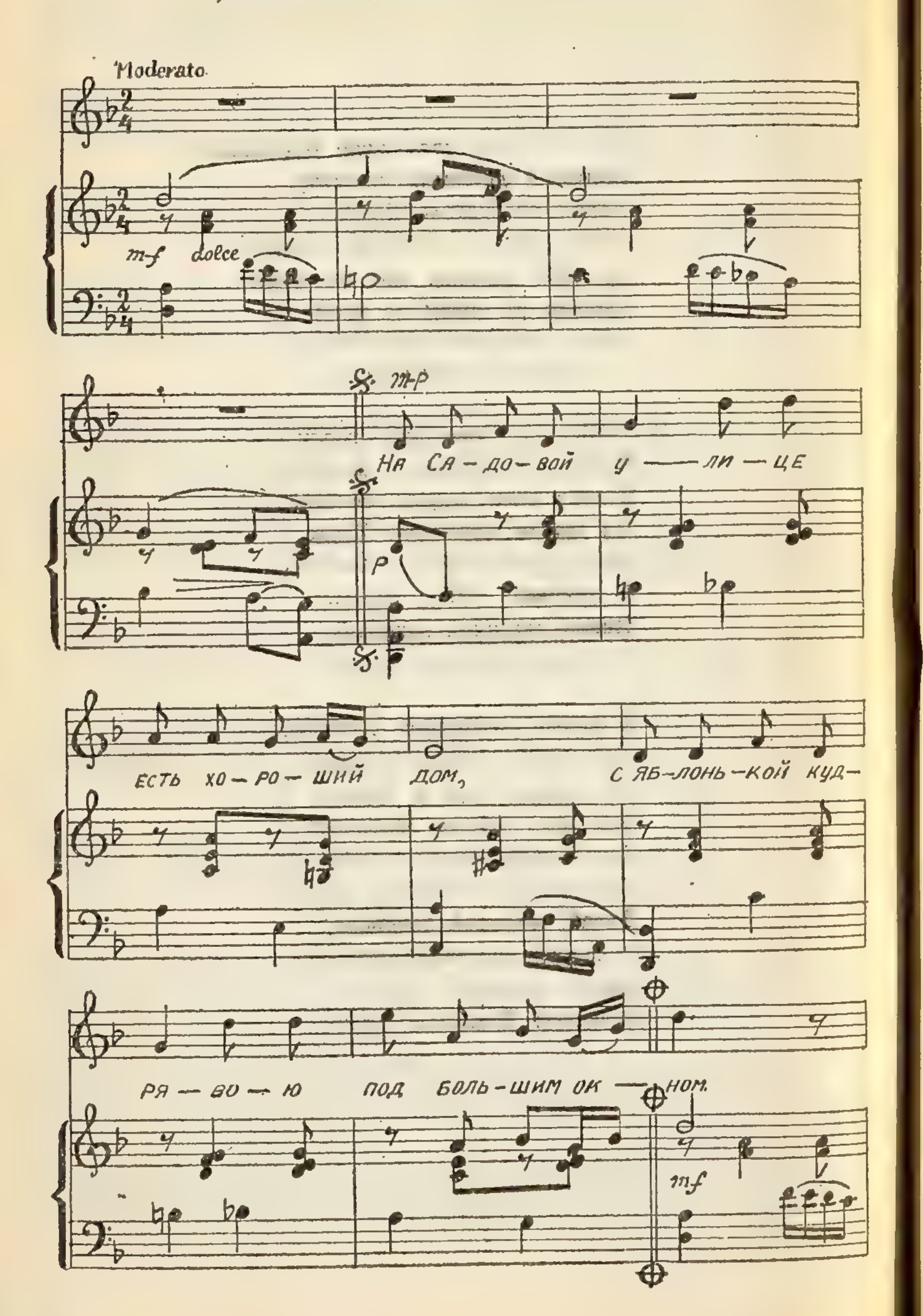
2. Когда же советские части
Победно вступили в Донбасс,
Нашел свое давнее счастье
На шахте донецкой Тарас.
Он трудится, как и бывало,
В любимом забое своем.
Давай, молодой запевала,
О старом шахтере споем.

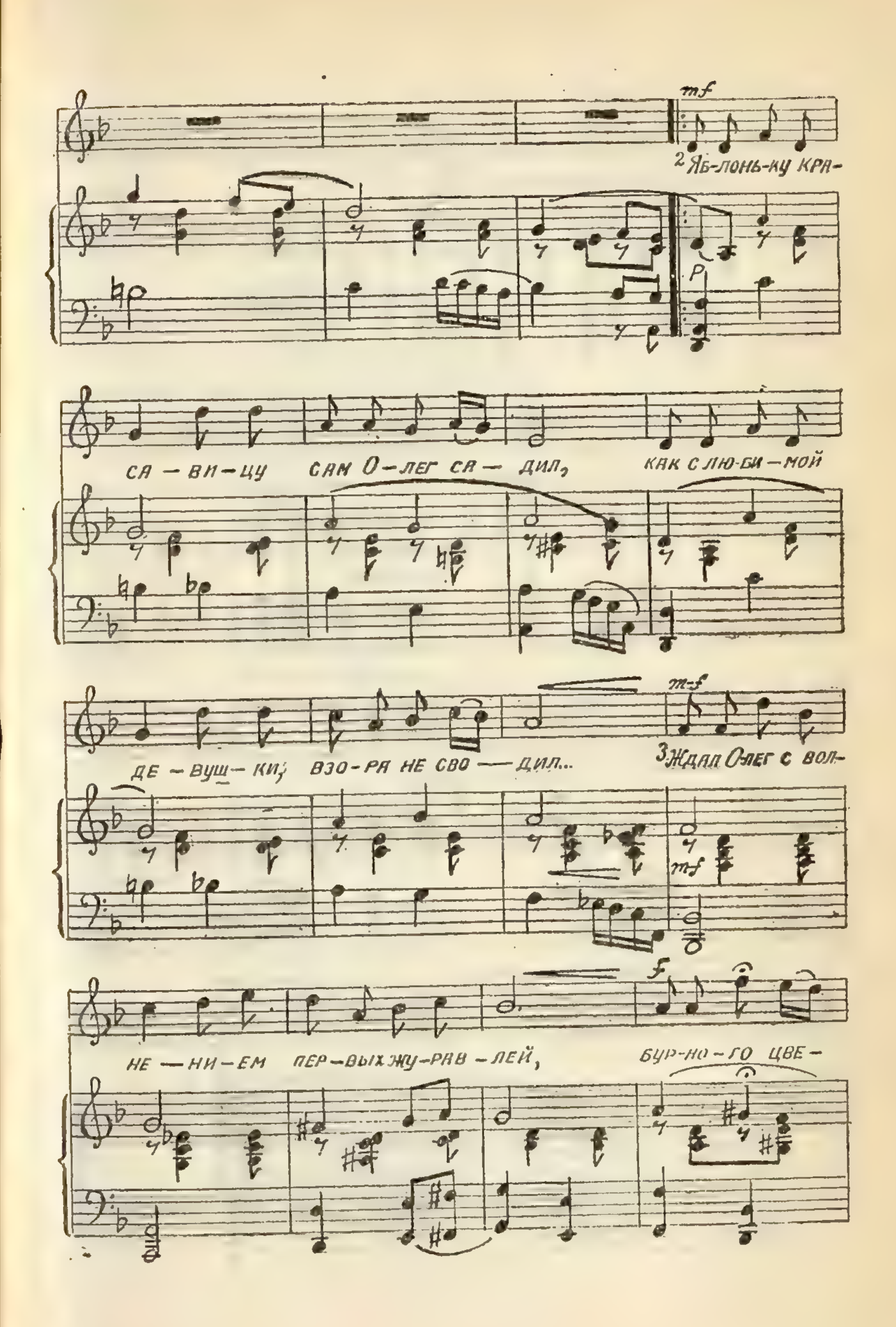
3. В навеки свободном Донбассе
Есть много рабочих таких.
Мы песню поем о Тарасе,
Что учит труду молодых.
Счастливое время настало,
Мы все для Отчизны живем.
Давай, молодой запевала,
О старых шахтерах споем.
Давай, молодой запевала,
О нашем Донбассе споем.

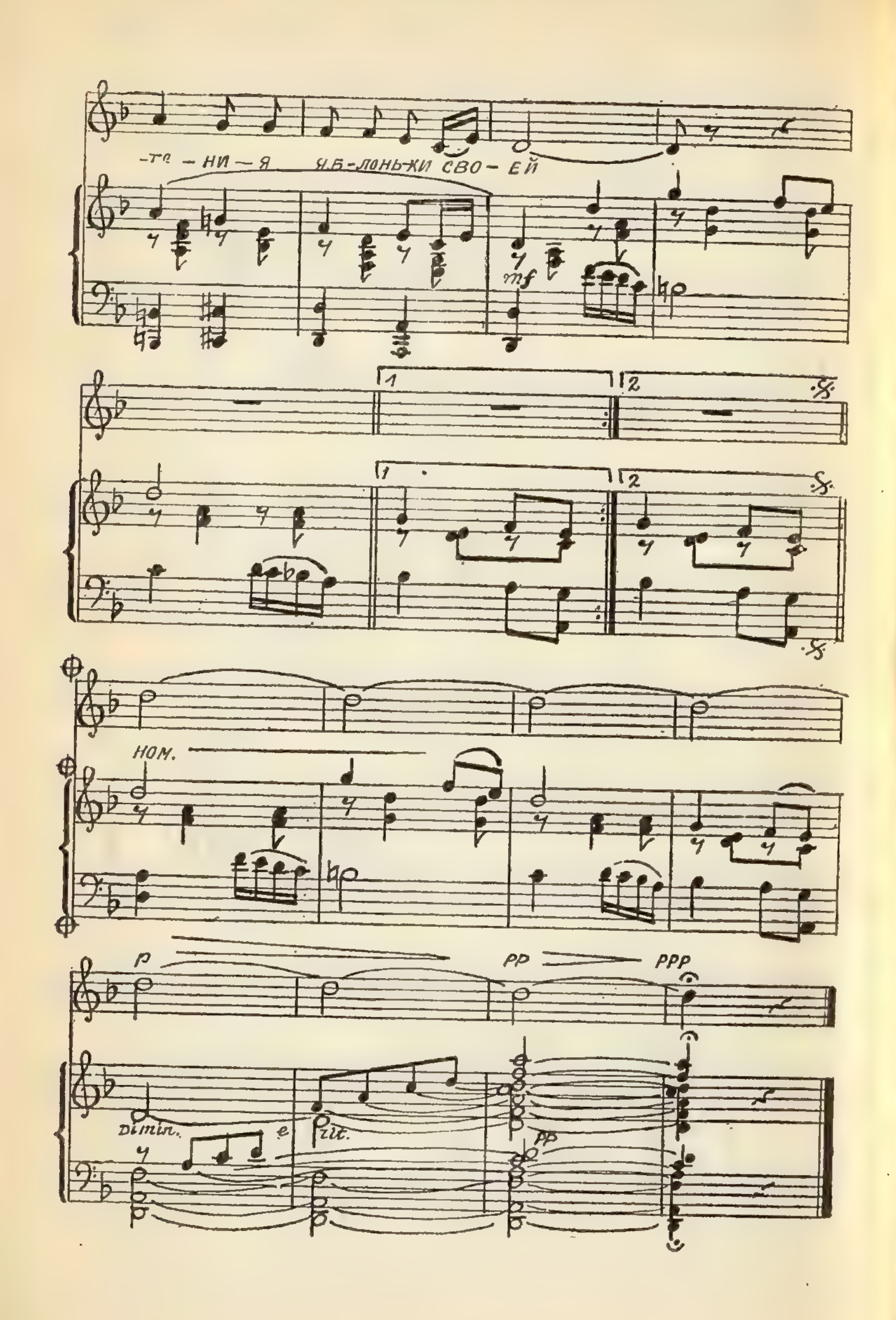
Слова П. БЕСПОЩАДНОГО

Муз. З. ДУНАЕВСКОГО

ЯБЛОНЬКА ОЛЕГА КОШЕВОГО

2 Яб-лонь-ку кра-
са — ви — цу сам О — лег са — дил,
как с лю-би — мой
де — вуш — ки; взо — ра не сво — дил...
3 Ждал Олег с вол-
не — ни — ем пер — вых жу — рав — лей,
бур — но — го цве —

-те — ни — я яб-лонь-ки сво — ей
mf
1
2
мом.
p
pp
ppp
Dimin.
e
rit.
pp

1. На Садовой улице
Есть хороший дом,
С яблонькой кудрявою
Под большим окном.

2. Яблоньку-красавицу
Сам Олег садил,
Как с любимой девушки,
Взора не сводил...

3. Ждал Олег с волнением
Первых журавлей,
Бурного цветения
Яблоньки своей.

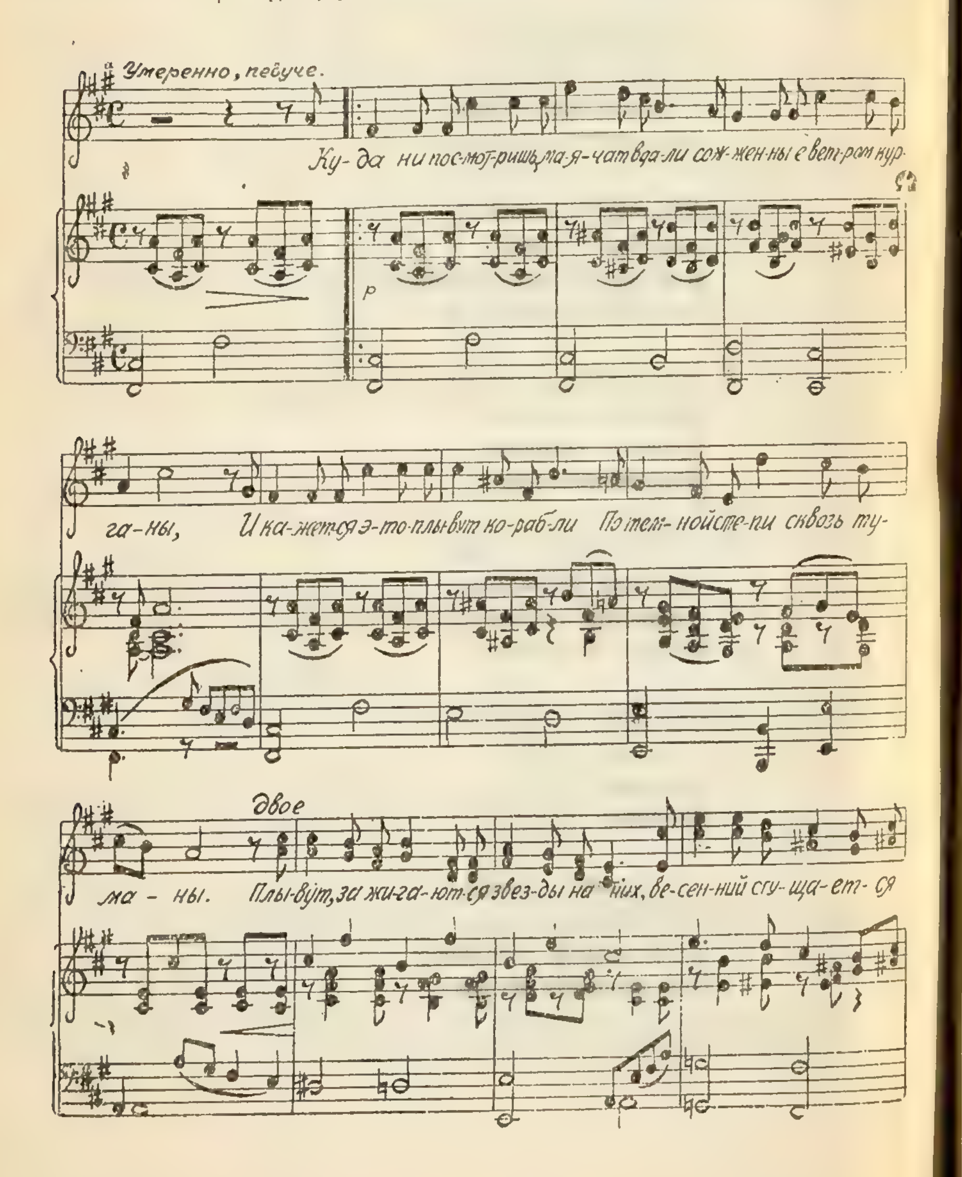
4. Собирал под яблоньку
Дорогих дружков...
Лепестки, как крылышки
Легких мотыльков.

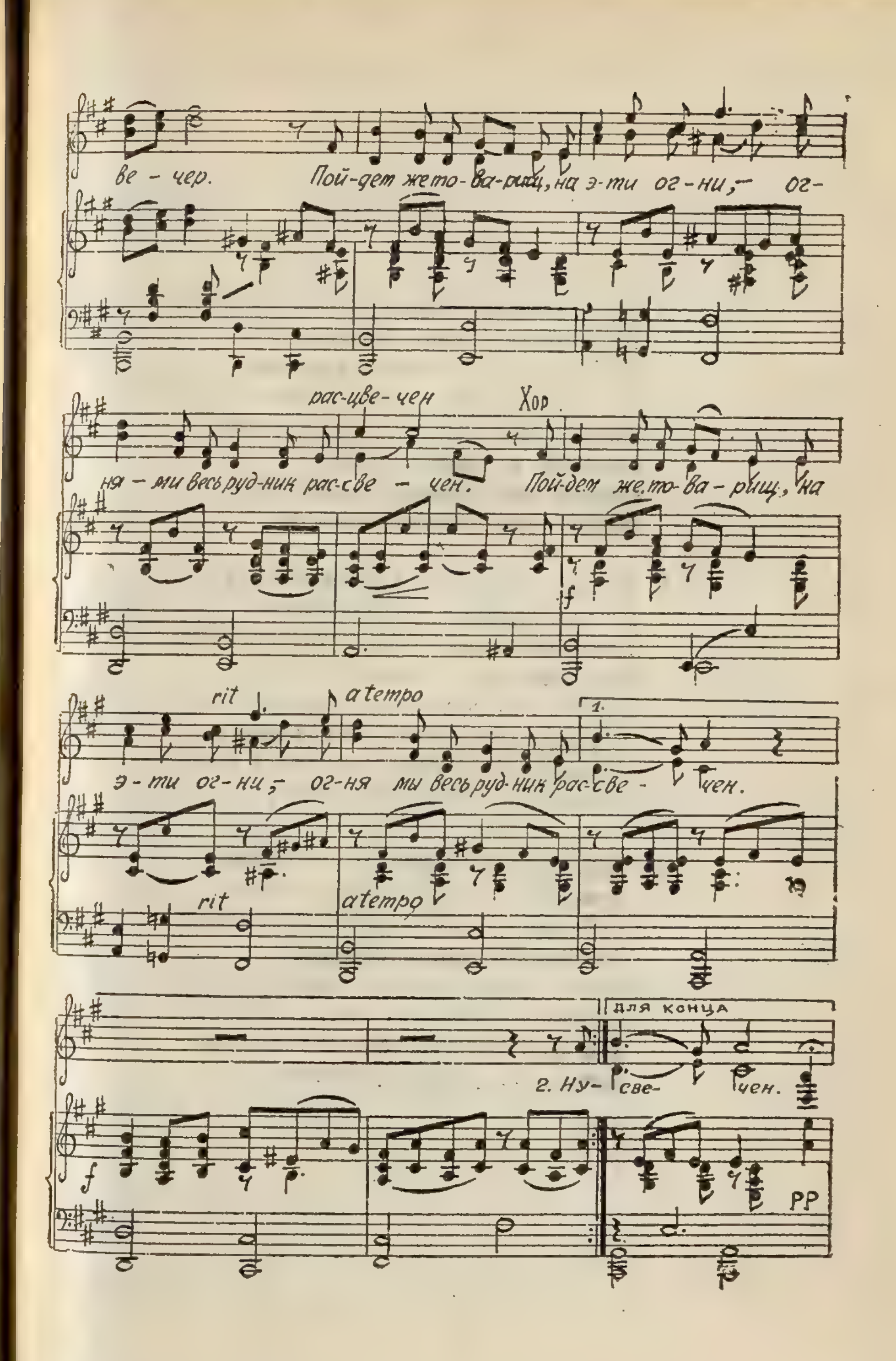
5. Пел Олег с ребятами
И стихи читал.
Посадить по руднику
Яблоньки мечтал...

6. На Садовой улице
Есть Олегов дом,
С яблонькой кудрявою
Под большим окном.

Слова В. ТРУХАНОВА Муз. А. ВИЛЕНЦА

КУДА НИ ПОСМОТРИШЬ

ве - чер. Пой-дет же то-ва-рищ, на э-ти ог-ни, - ог-
рас-цве-чен
Хор
ня-ми весь руд-ник рас-све - чен. Пой-дем же то-ва-рищ, на
rit
a tempo
1.
э-ти ог-ни, - ог-ня мы весь руд-ник рас-све - чен.
для конца
2. Ну- све- чен.

1. Куда ни посмотришь, маячат вдали
Сожженные ветром курганы,
И кажется—это плывут корабли
По темной степи сквозь туманы.
Плывут, зажигаются звезды на них,
Весенний сгущается вечер.
Пойдем же, товарищ, на эти огни —
Огнями весь рудник рассвечен.

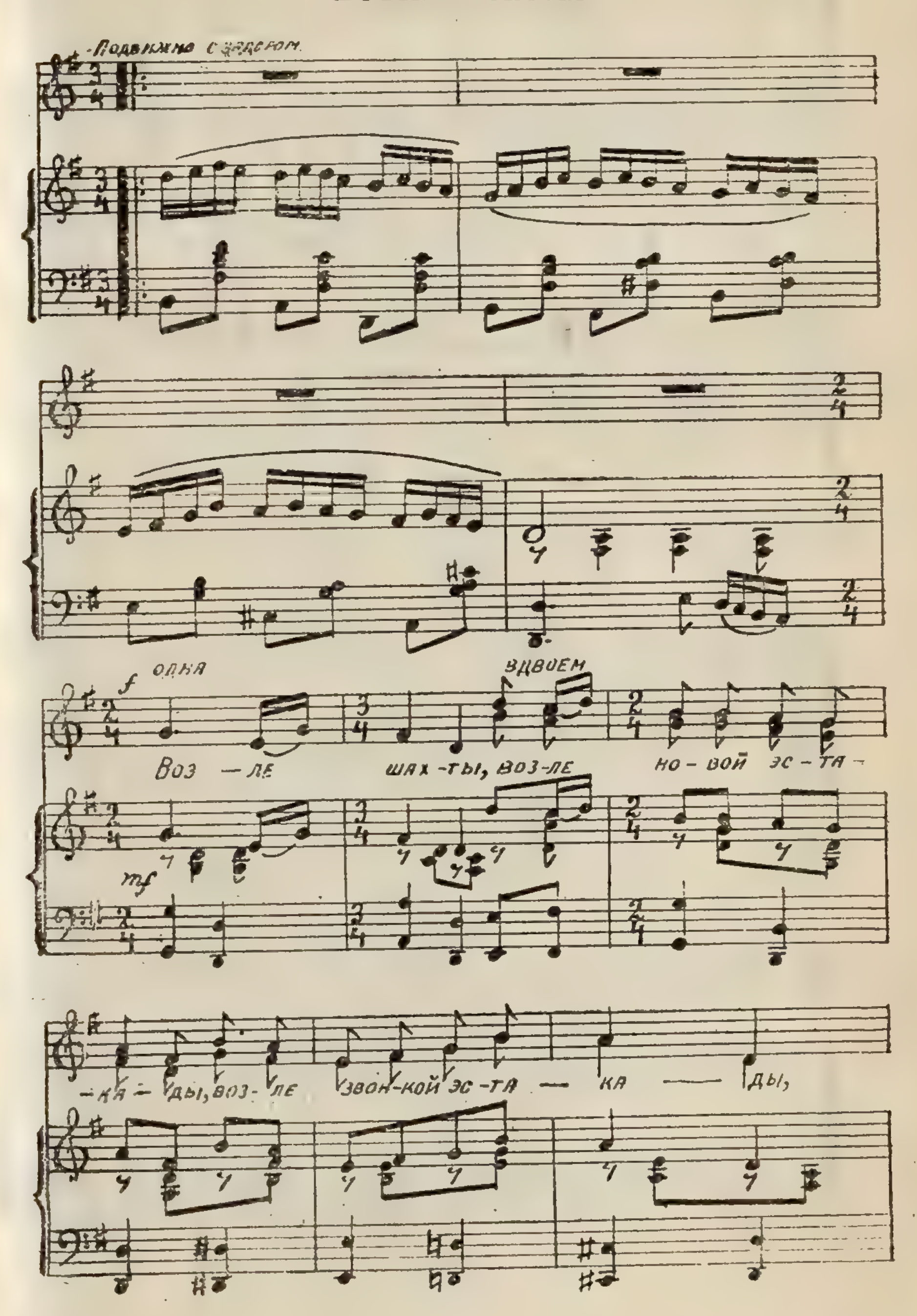
2. Ну как не запеть, если жизнь хороша.
Не петь мы не в силах с тобою!
Прощай, обушок, — ночь уходит из шахт,
Да здравствует солнце в забое!
Сегодня мы будем не лесом крепить,
А сталью подземный свой город.
И вспыхнет в забое, как утро в степи,
Дневной, золотой свет шахтера...

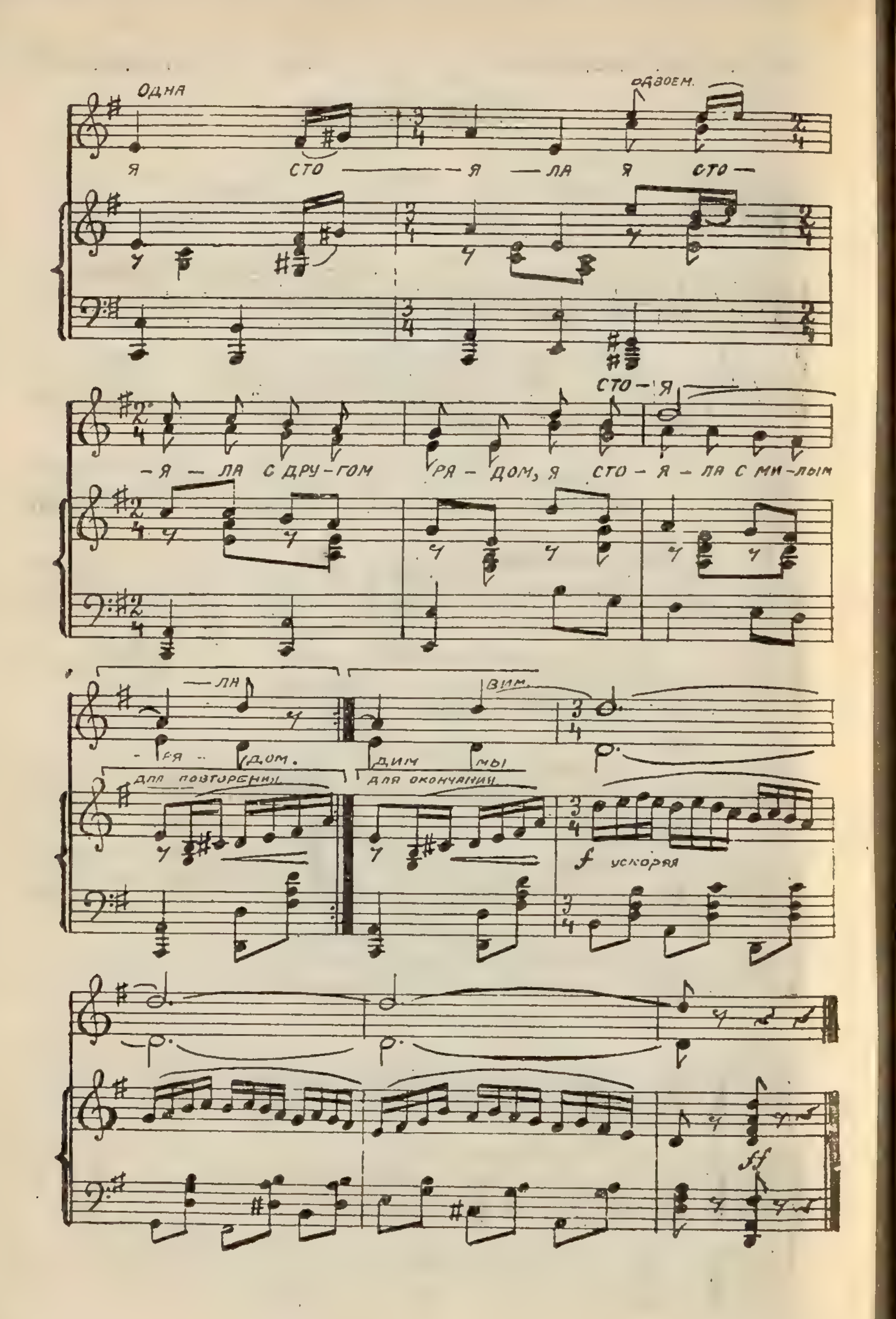
3. Товарищ, мне кажется, что корабли
Плывут по степи сквозь туманы.
Куда ни посмотришь — маячат вдали
Сожженные ветром курганы.
Маячат, и звезды мерцают на них,
Весенний сгущается вечер...
Два друга-шахтера идут на огни, —
Огнями их рудник рассвечен.

Слова П. БЕСПОЩАДНОГО

Муз. З. ДУНАЕВСКОГО

ВОЗЛЕ ШАХТЫ

Одна
вдвоем.
Я сто — я — ла я сто —
сто — я
— я — ла с дру-гом ря — дом, я сто — я — ла с ми-лым
— ля
вим
— ря — дом.
дим мы
для повторения
для окончания
f ускоряя
ff

1. Возле шахты,
Возле новой эстакады.
Возле звонкой эстакады
Я стояла —
Я стояла с другом рядом,
Я стояла с милым рядом.

2. Над копрами
Это нашими руками,
Беспокойными руками
Взвито знамя,
И парит под облаками,
И плывет под облаками.

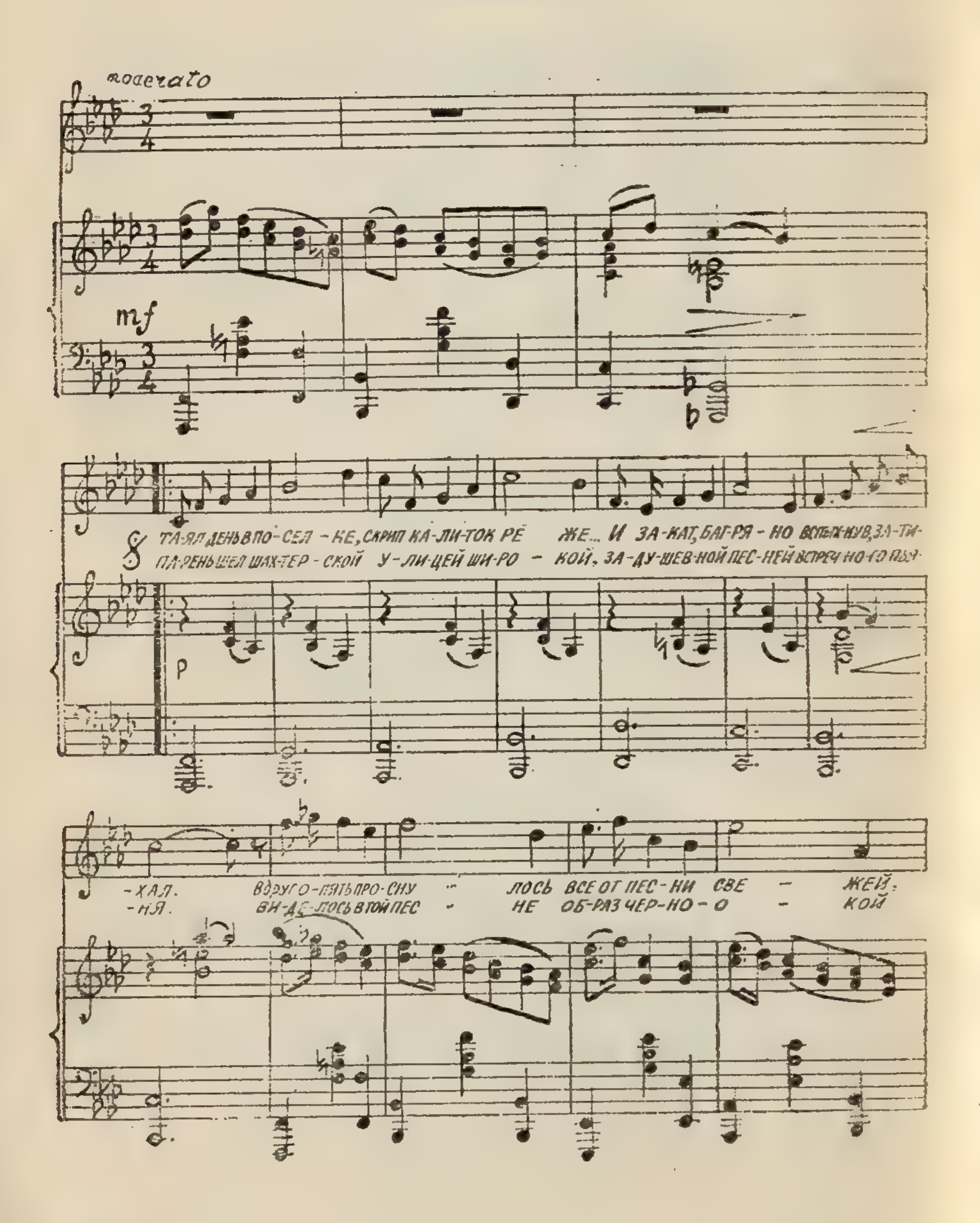
3. Эту шахту,
Эту шахту враг разрушил,
Эту шахту враг разрушил...
Не сломил он,
Не сломил он наши души,
Не согнул он наши души!

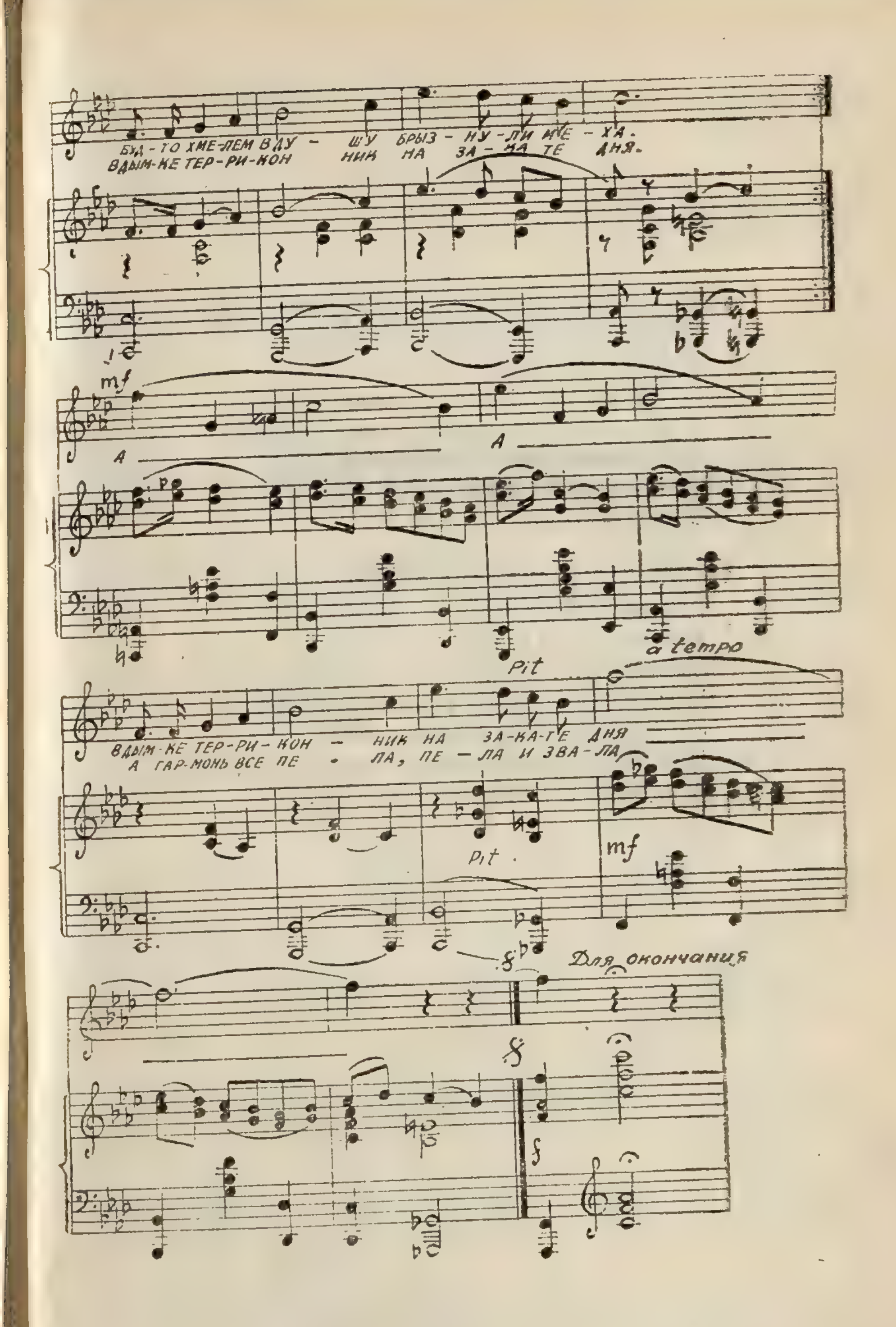
4. Ведь не даром
Мы зовемся горняками,
Боевыми горняками —
Все осилим
Мы упрямыми руками,
Работящими руками.

5. Весь Донбасс наш,
Весь шахтерский край родимый,
Весь любимый край родимый
Всей семьею
Восстановим, возродим мы,
Восстановим, возродим мы!

Слова В. ГОРЯИНОВА **Муз. Б. ВЕКСЛЕРА**

ГАРМОНИСТ
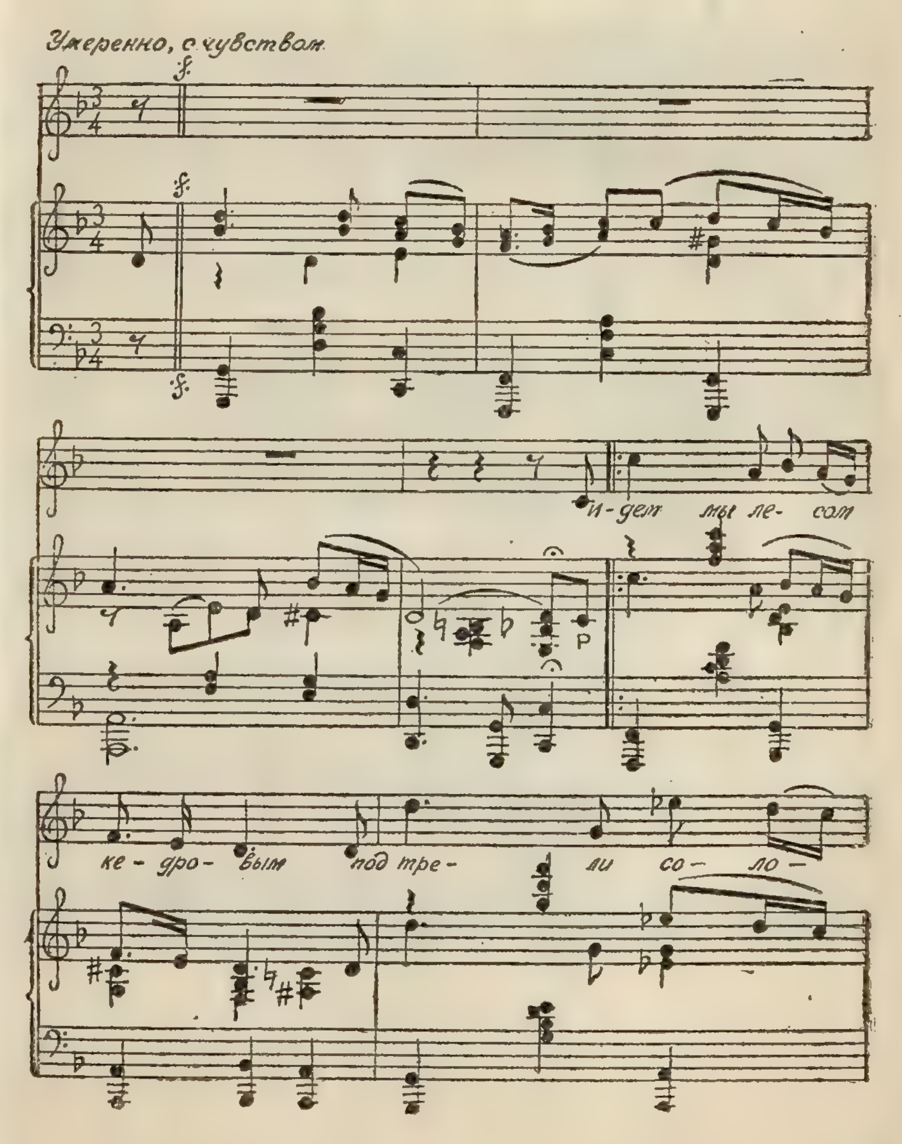

БУД-ТО ХМЕ-ЛЕМ В ДУ - ШУ БРЫЗ - НУ-ЛИ МЕ - ХА.
ВДЫМ-КЕ ТЕР-РИ-КОН НИК НА ЗА - КА ТЕ ДНЯ.
mf
А А
rit
a tempo
ВДЫМ-КЕ ТЕР-РИ-КОН - НИК НА ЗА-КА-ТЕ ДНЯ
А ГАР-МОНЬ ВСЕ ПЕ - ЛА, ПЕ - ЛА И ЗВА-ЛА
rit.
mf
Для окончания
f

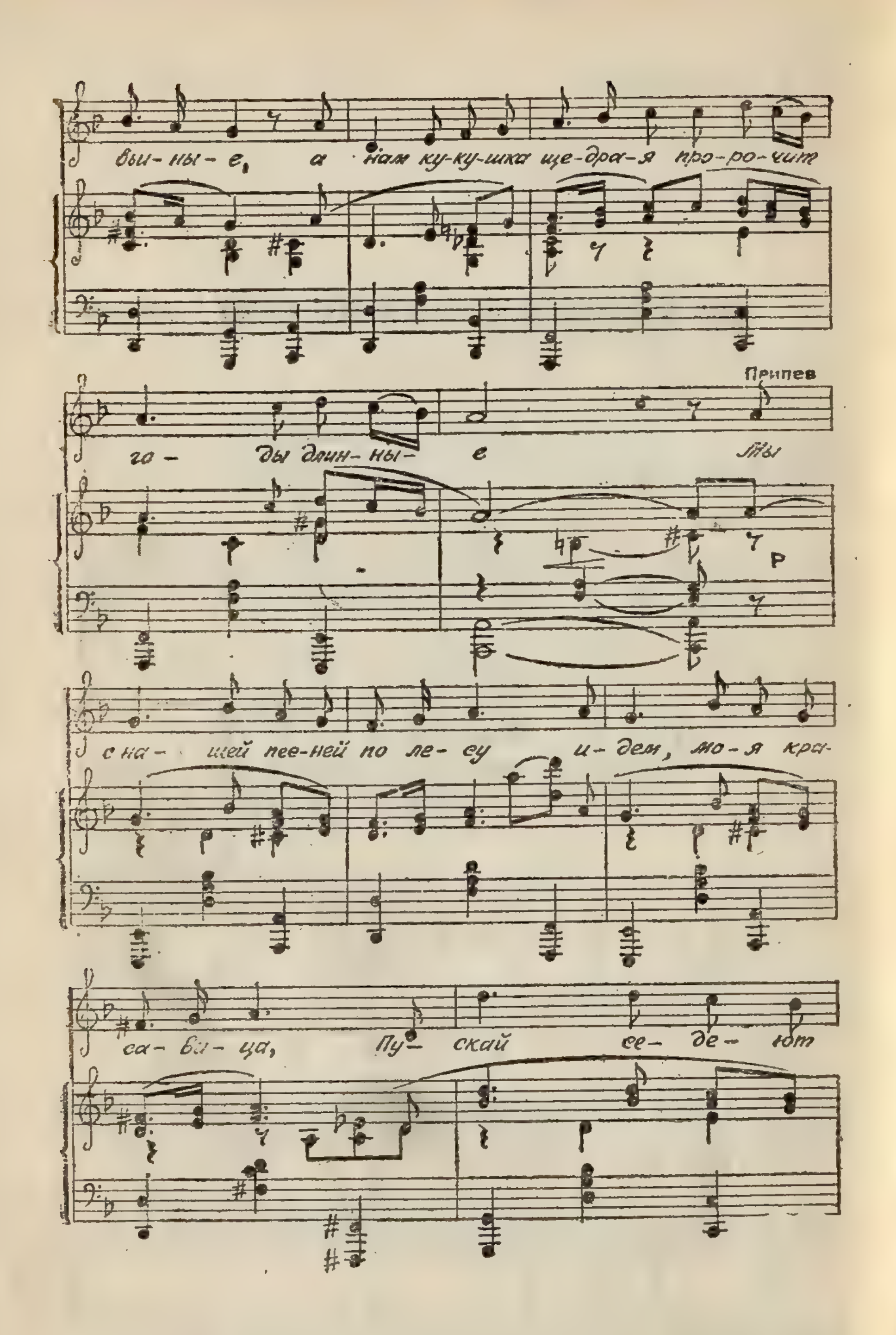
1. Таял день в поселке, скрип калиток реже...
И закат, багряно вспыхнув, затихал.
Вдруг опять проснулось все от песни свежей,
Будто хмелем в душу брызнули меха.
Парень шел шахтерской улицей широкой,
Задушевной песней встречного пьяня.
Виделся в той песне образ черноокой,
В дымке терриконник на закате дня.

2. Кто он и откуда — молодой кудесник,
Как судьбу людскую он вложил в лады,
Как сумел он сердце взбудоражить песней,
Песней ярче солнца и светлей воды.
И хотелось с парнем уходить далече
На дела большие, громкие дела.
Надвигался вечер, тихий звездный вечер,
А гармонь все пела, пела и звала.

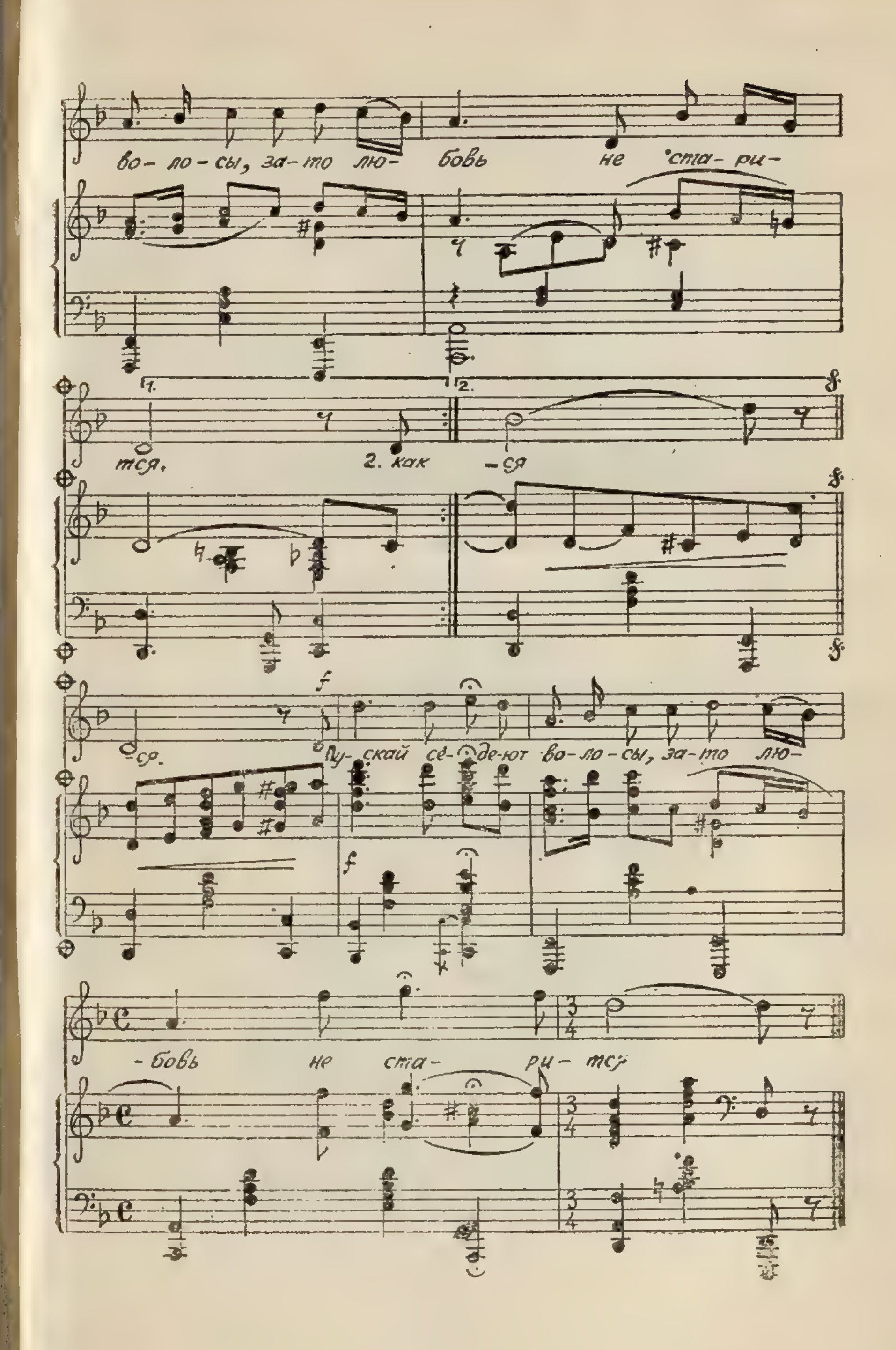
Слова К. ТРАВИНИНА Муз. З. ДУНАЕВСКОГО

МЫ С НАШЕЙ ПЕСНЕЙ ПО ЛЕСУ

вы-ны-е, а нам ку-ку-шка ще-дра-я про-ро-чит
Припев
го- ды длин-ны- е Мы
р
с на- шей пес-ней по ле-су и-дем, мо-я кра-
са-ви-ца, Пу- скай се- де- ют

во-ло-сы, за-то лю- бовь не ста-ри-
тся. 2. как -ся
ся. Пу-скай се-де-ют во-ло-сы, за-то лю-
-бовь не ста- ри-тся

1. Идем мы лесом кедровым
Под трели соловьиные,
А нам кукушка щедрая
Пророчит годы длинные.

Припев: Мы с нашей песней по лесу
Идем, моя красавица,
Пускай седеют волосы,
Зато любовь не старится.

2. Как лес наполнен свежестью
Да запахами вешними,
Полно так сердце нежностью
К тебе одной попрежнему.

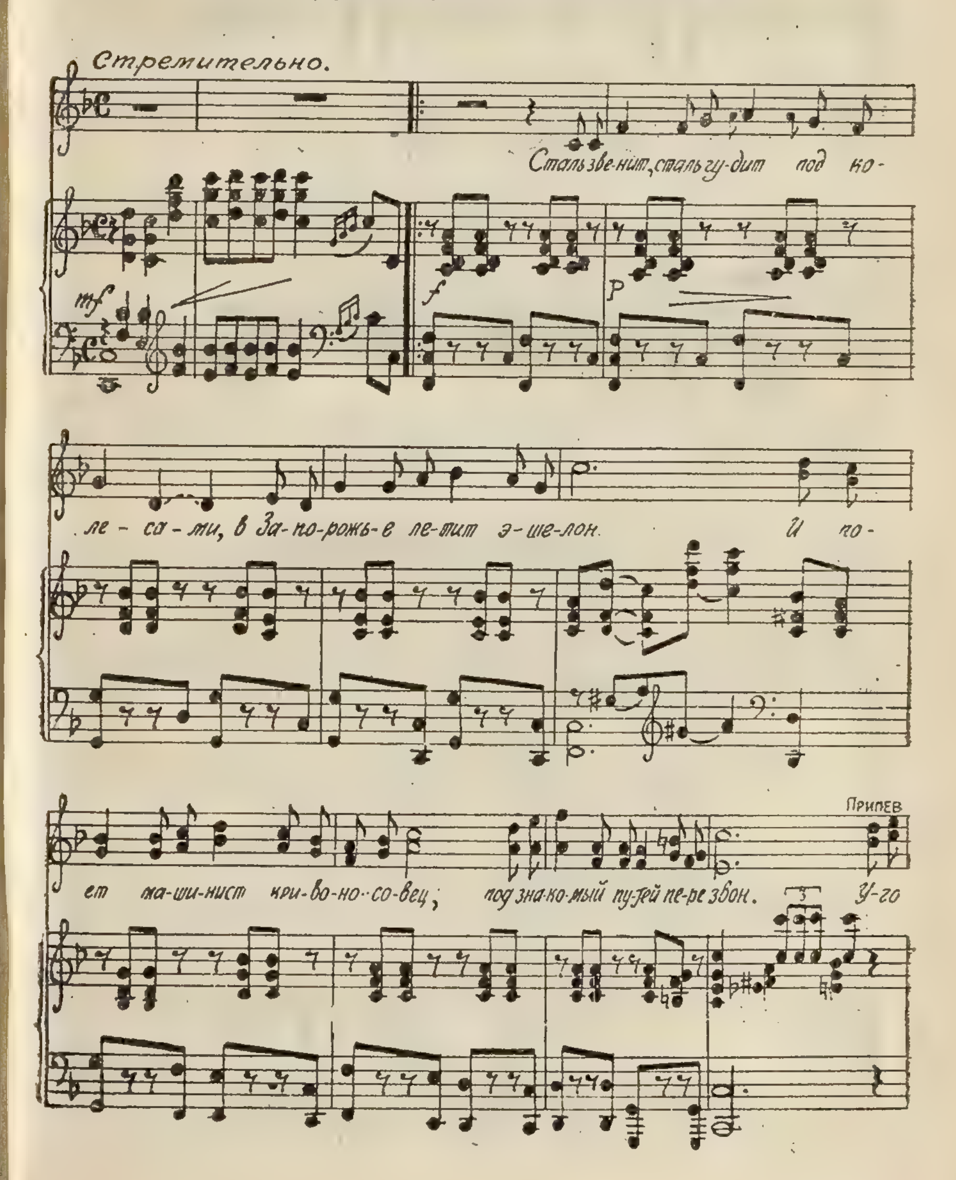
Припев: Мы с нашей песней по лесу... и т. д.

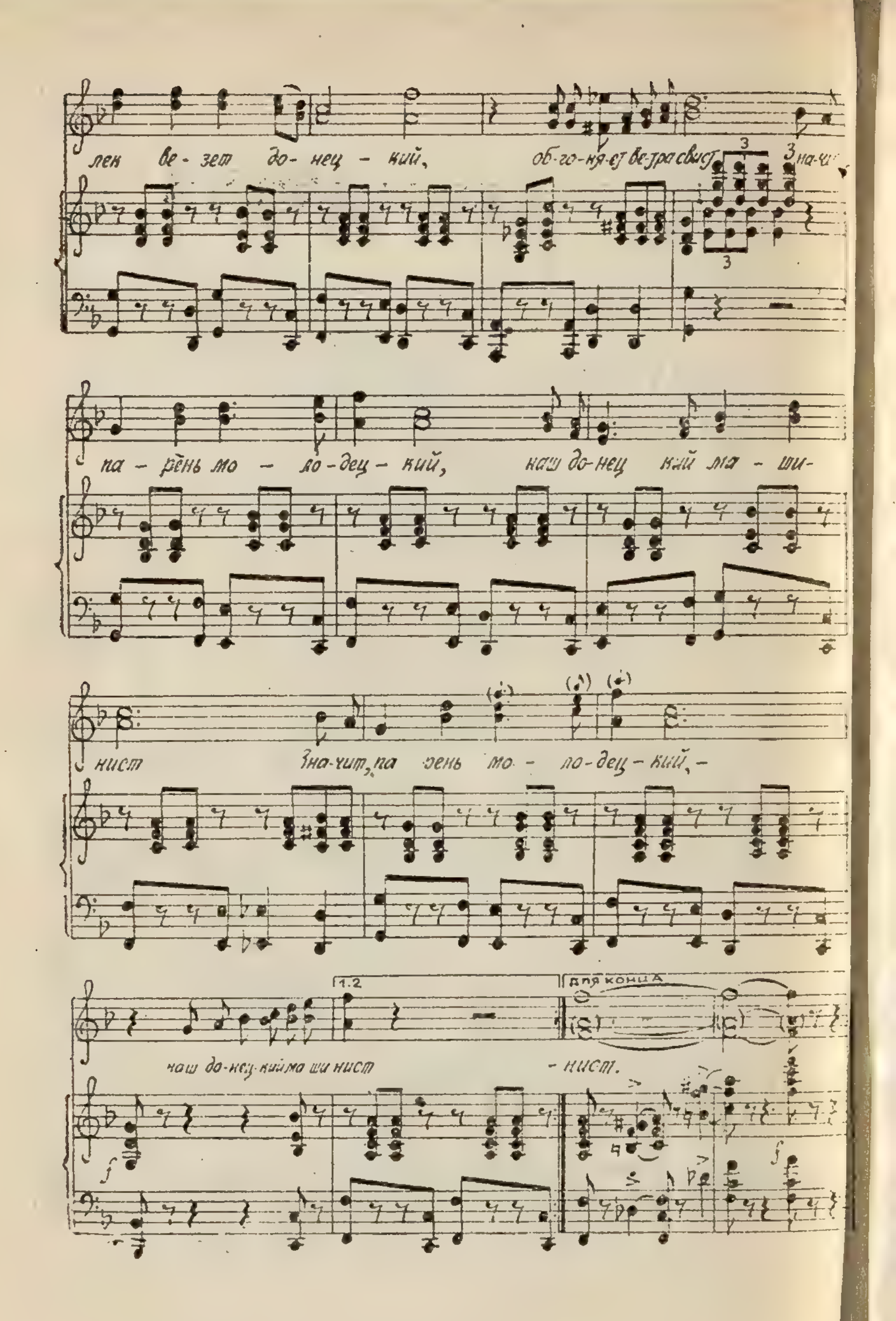
3. В боях за счастье Родины
От нас неотделимое.
Не счесть дорог, что пройдены
С тобой, моя любимая.

Припев: Мы с нашей песней по лесу
Идем, моя красавица,
Пускай седеют волосы,
Зато любовь не старится.

Слова С. ЦВАНГА Муз. А. ВИЛЕНЦА

ПЕСНЯ ДОНЕЦКИХ МАШИНИСТОВ

лек ве - зет до - нец - кий, об-го-ня-ет ве-тра свист, Зна-чи
па - рёнь мо - ло-дец - кий, наш до-нец кий ма - ши-
нист Зна-чит, па рень мо - ло-дец - кий, -
1.2
для конца
наш до-нец-кий ма ши нист - нист.

1. Сталь звенит, сталь гудит под колесами,
В Запорожье спешит эшелон,
И поет машинист-кривоносовец
Под знакомый путей перезвон.

Припев: Уголек везет донецкий,
Обгоняет ветра свист,
Значит, парень молодецкий,
Наш, донецкий машинист.

2. Все скорей да поскорей колеса крутятся,
Все звенят и гудят провода.
Эй, диспетчер, «зеленую улицу»
Эшелону донецкому дай.

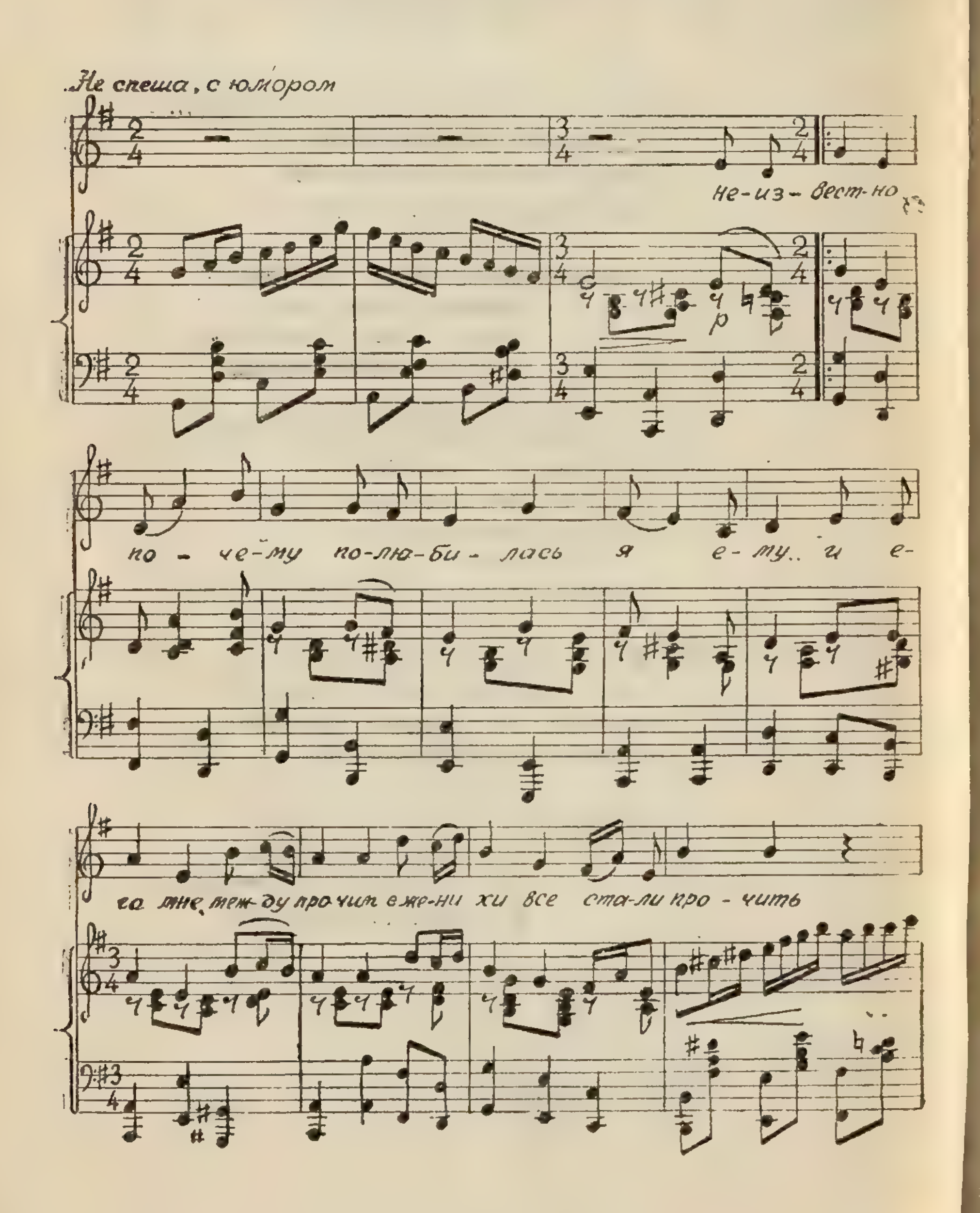
Припев: Уголек везет донецкий... и т. д.

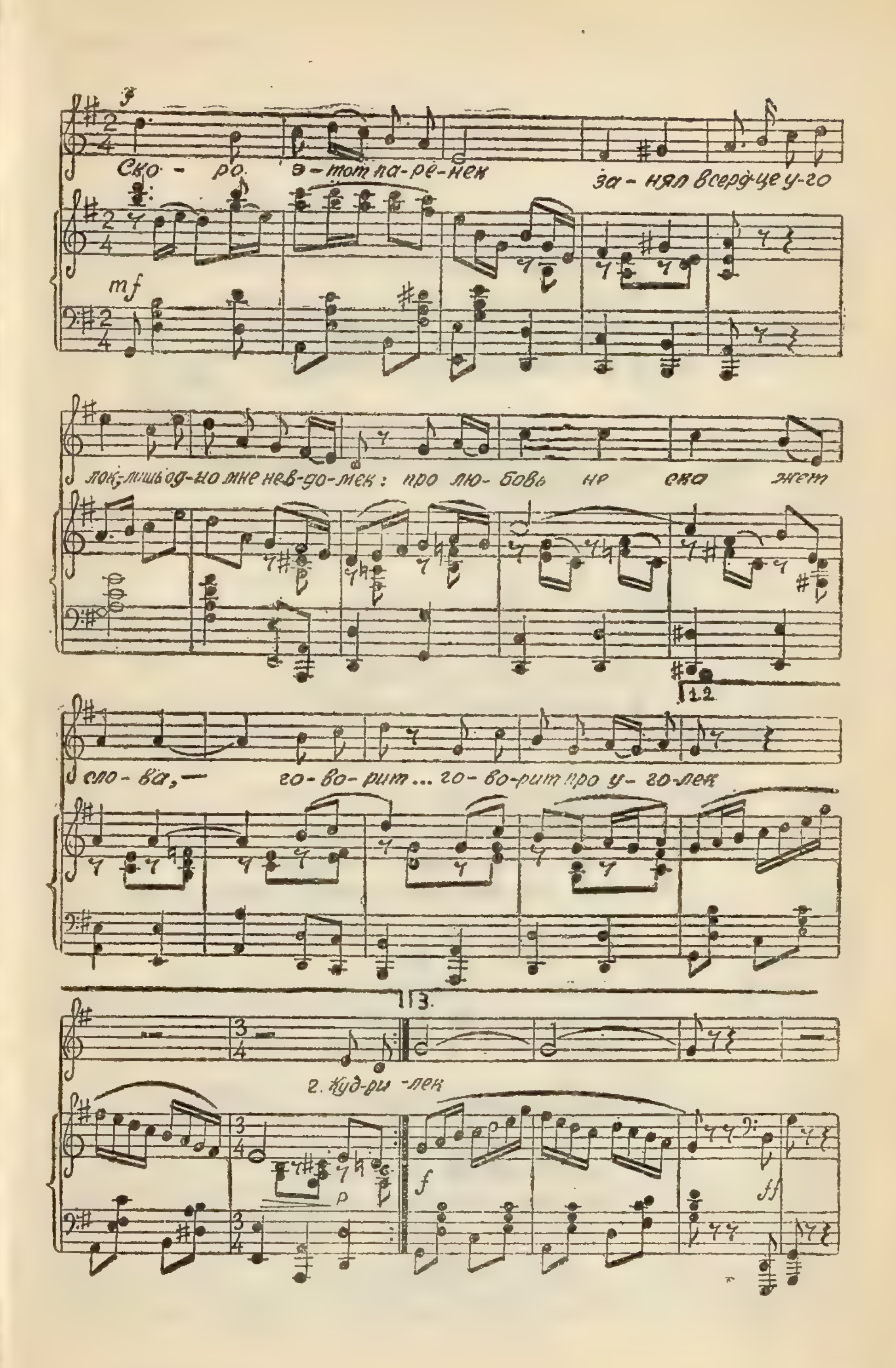
3. Я везу, как положено, скоро.
Этот путь для меня не далек.
Сталевар, от донецких шахтеров
Принимай золотой уголек.

Припев: Уголек везет донецкий,
Обгоняет ветра свист,
Значит, парень молодецкий,
Наш, донецкий машинист.

Слова Н. ВАГАНОВА Муз. З. ДУНАЕВСКОГО

ПРО ШАХТЕРСКУЮ ЛЮБОВЬ

Ско - ро. э - тот па-ре-нек за - нял всердце у-го
mf
лок; лишь од-но мне нев-до-мек: про лю- бовь не ска жет
1.2.
сло- ва, — го- во-рит... го- во-рит про у- го-лек
3.
г. Куд-ри -лек
p
f
ff

1. Неизвестно почему
Полюбилась я ему...
И его мне, между прочим,
В женихи все стали прочить.

Скоро этот паренек
Занял в сердце уголок, —
Лишь одно мне невдомек:
Про любовь не скажет слова,
Говорит... Говорит про уголек.

2. Кудри цветом — антрацит,
Смугловат, суров на вид,
Но зато душа у парня
Словно солнце, лучезарна.

Был застенчив паренек,
Но приблизить свадьбы срок
День шахтера нам помог.
Нас с ним вместе отмечали
По борьбе... по борьбе за уголек.

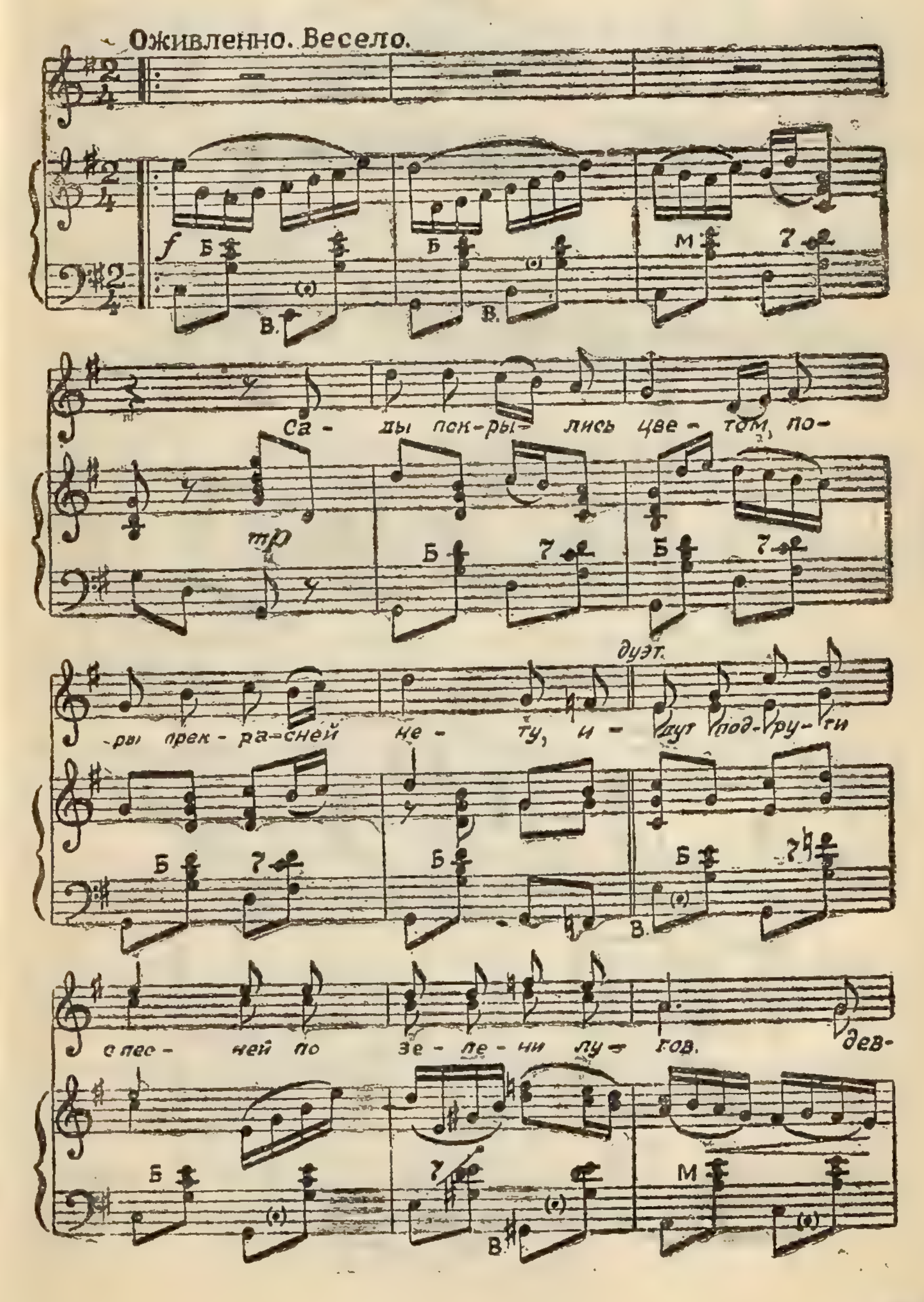
3. Не красавец он лицом,
А зовут все молодцом.
И живем теперь мы вместе,
Труд считаем делом чести.

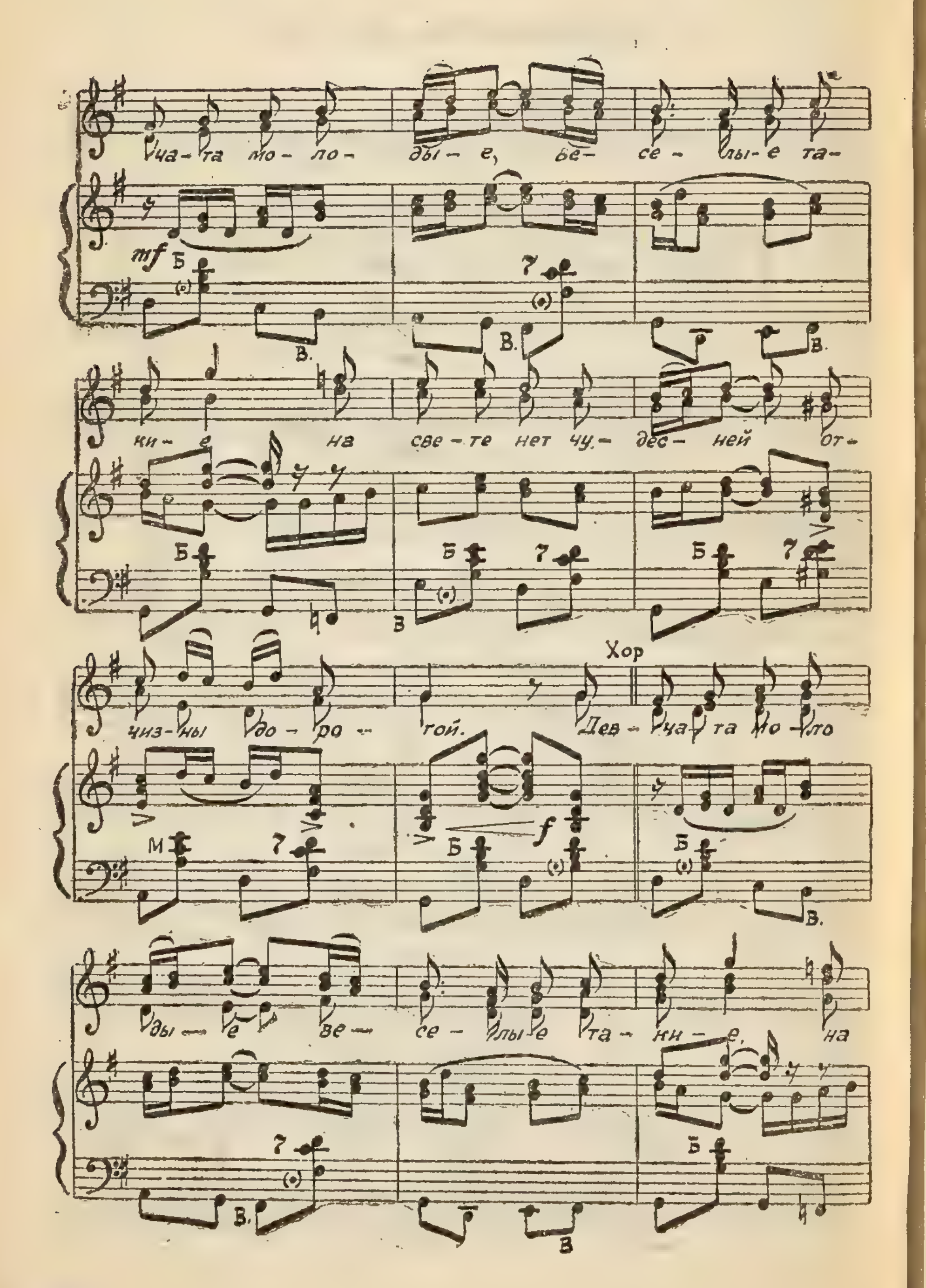
Не напрасно паренек
По-стахановски налег
На отбойный молоток, —
На-гора он счастье выдал,
Добывая... добывая уголек.

Слова С. ЦВАНГА
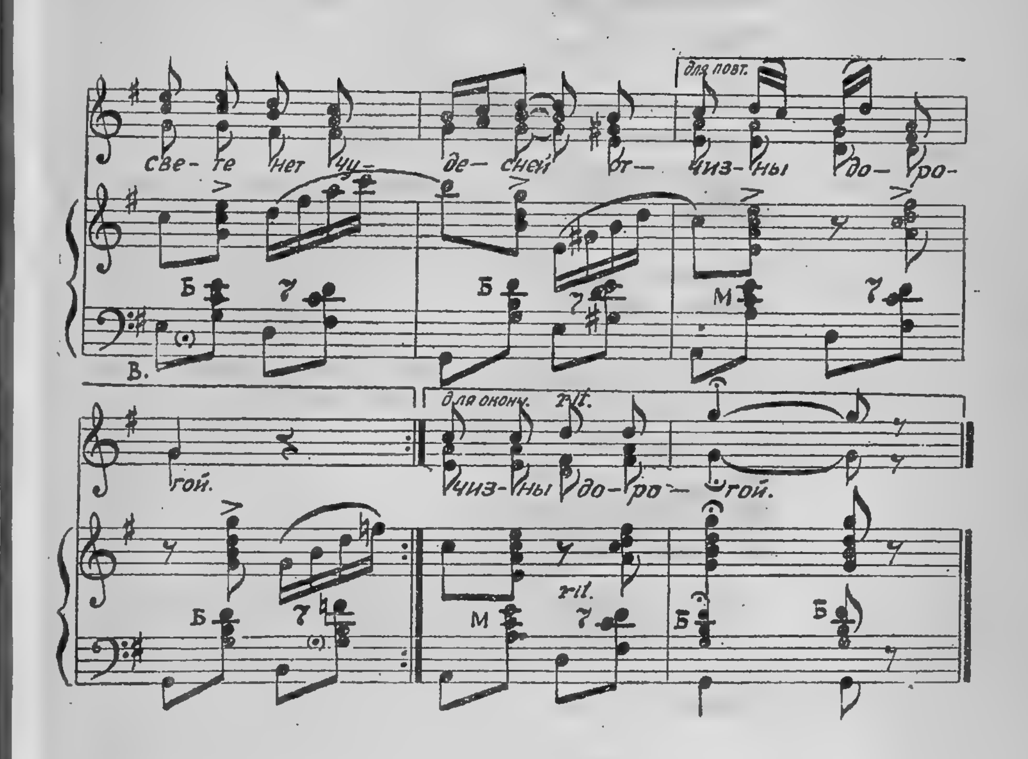
Муз. С. КРАПИВЫ

САДЫ ПОКРЫЛИСЬ ЦВЕТОМ

-ча-та мо-ло- ды-е, ве- се- лы-е та-
mf
Б
В.
7
ки- е на све-те нет чу- дес- ней от-
чиз-ны до- ро- гой.
Хор
Дев- ча-та мо-ло
М
f
ды- е ве- се- лы-е та- ки- е, на

1. Сады покрылись цветом,
Поры прекрасней нету,
Идут подруги с песней
По зелени лугов.

Девчата молодые,
Веселые такие,
На свете нет чудесней
Отчизны дорогой. } 2 раза.

2. Идут подруги в поле,
В широкое раздолье, —
Куда ни кинешь глазом —
Колхозная земля.

Луга, сады и пашни —
Все общее, все наше.
Ударные бригады
Выходят на поля. } 2 раза.

3. А вечером коротким
С девчатами молодки
Тревожат голосами
Напевы соловья.

За песней плясовая,
Веселая такая,
Как будто ноги сами
Танцуют под баян. } 2 раза.

4. Сады покрылись цветом,
На зорьке на рассвете
Идут подруги в поле
По зелени лугов.

Девчата молодые,
Веселые такие,
На свете нет чудесней
Отчизны дорогой. } 2 раза.

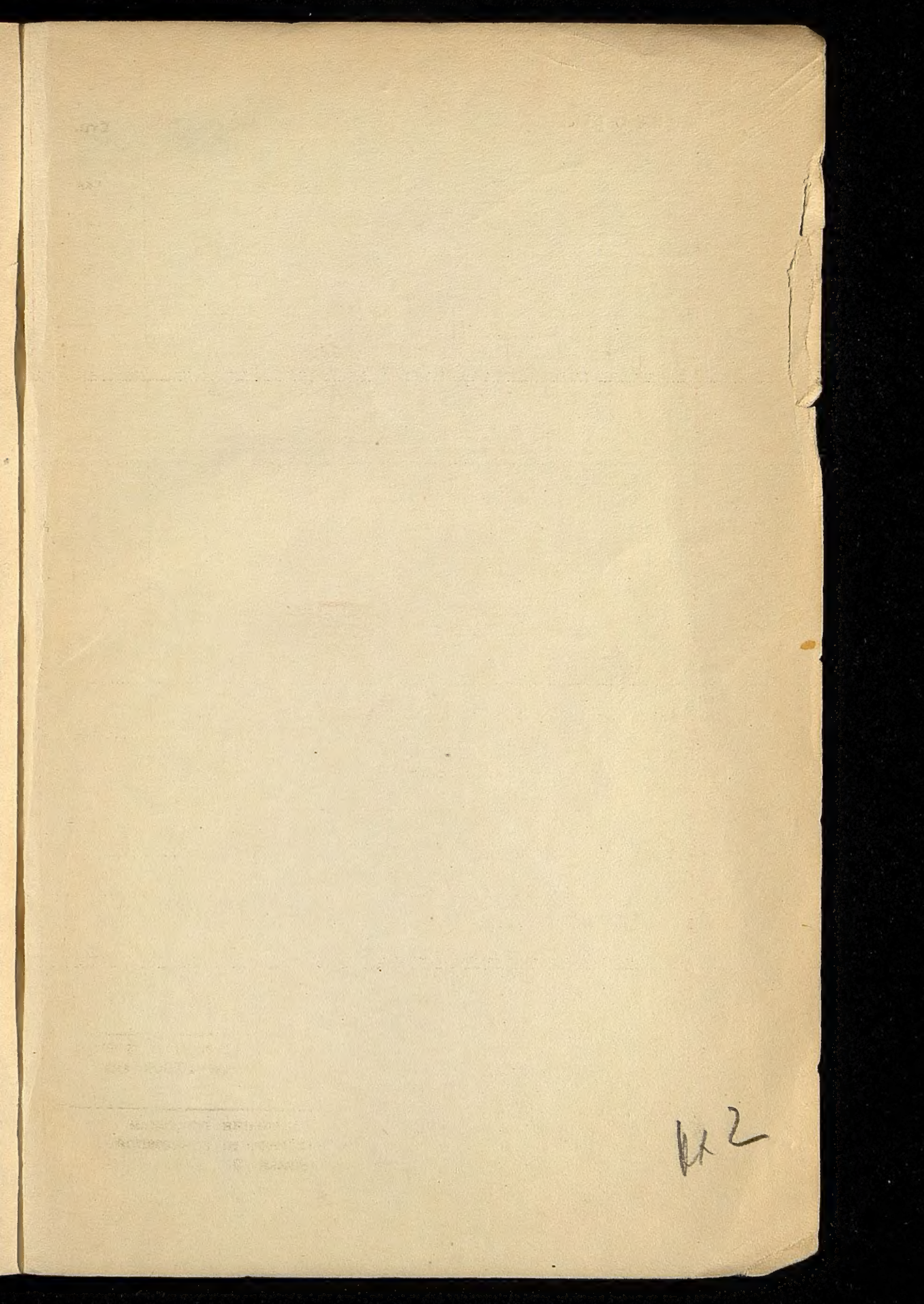
СОДЕРЖАНИЕ

Редактор Ф. Байдаченко.
Музыкальный редактор Б. Клейман.
Художник Ф. Толбухин.
Техредактор В. Пипко.

БП 19319. Зак. № 5633. Подписано к печ. 30.XII—49 г., печ. л. $10\frac{1}{2}$.
Учетн.-изд. л. 9. Формат бумаги 84x108 $\frac{1}{32}$. Тираж 10.000 экз.
Цена 6 руб.

Областная типография Областного управления по делам полиграфической промышленности, издательств и книжной торговли, г. Сталино, Складская, 2.

Цена 6 руб.